

Главный редактор –
И.Ю. ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
С.Г. ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Г.В. МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
В.И. РУСАКОВ
pechat-vr@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Р.А. ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Н.Б. АЛЕКСЕЕВ

Редакция:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
pechat-vr@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора 3

75 ЛЕТ ПОБЕДЫ

Виталий БОГОМОЛОВ
Жизнь такая короткая. Очерк.....4

Тамара ПОТЁМКИНА
Кисет 80

Василий ЛОВЧИКОВ
«Они сражались за свободу...».....110

Элла КУЗНЕЦОВА
«На гибель шли – и землю сберегли...» 128

Игорь ГАФУРОВ
Они защищали Ленинград.....143

Сергей ГАЗИН
«Тот славный подвиг не померк...» 174

Евгений ТРЕЩЕВ
К 75-летней годовщине Победы СССР
в Великой Отечественной войне.....188

ПОЭЗИЯ

Евгений ПРУДЧЕНКО
Нереволюционная рапсодия.....18

Карина ИБРАГИМОВА
«Пойдём же, друг,
бродить по мостовым...» 35

Светлана ГОРОШИЛОВА
Память 61

Александр КОЗЫРЕВ
«Я знаю – были времена...» 66

Евгений КАРУНИН
«Я – сын России, русский человек!» 102

Алексей СЕРГЕЕВ
«Будет, будет светлый Праздник!..» 153

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№1(35) 2020

Выходит четыре раза в год
Распространяется бесплатно

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель и издатель:

С.Г. Макеева

141301, Московская область,
г. Сергиев Посад, а/я 16.

Подписано в печать 10.06.20.

Формат 70x108/16.

Усл. печ. л. 16,8.

Тираж 1000 экз.

Заказ G-2917

Отпечатано

в цифровой типографии

«Буки Веди» на оборудовании

KonicaMinolta

ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.

Тел.: (495) 926-63-96,

www.bukivedi.com,

info@bukivedi.com

Сергей СТЕПАНОВ-ПРОШЕЛЬЦЕВ
Родина радуг.....155

Надежда ОХРИМЕНКО
«Отныне мне вьюга – подруга...» 164

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА
«И в любви жизнь и смерть...»
(к 160-летию публикации романа
И.С. Тургенева «Накануне»).....26

Инна МУХИНА
Линия жизни.....94

Евгения ПОЛЯКОВА
Хокку – переключка через века 106

ЮБИЛЕИ

Николай КАРТАШОВ
Поэт из глубины народа 45

ПРОЗА

Василий ПОЛЯКОВ
Мы давно играем в шахматы.....73

Ирина ЛЕСНАЯ-ИВАНОВА
Рассказы.....117

Юрий ПОКЛАД
Рассказы.....131

Юлия АЛЕКСАНДРОВА
Коней на переправе... меняют 140

Александр ГНИНЕНКО
«Белой акации гроздь душистые...».....167

Антон ЛУКИН
Рассказы.....178

ПЕСНЬ СЛАВЯНСТВА

Красин ХИМИРСКИ
Орфей в Колхиде. Поэма.....85

Слово главного редактора

**Уважаемый читатель,
дорогой соотечественник!**

То, что уже давно ожидалось и предсказывалось многими, произошло: мощный сдвиг в цивилизационной системе, после которого мир уже не будет прежним. Равнодушная, непредсказуемая, жесткая, ускользающая и при этом максимально демократичная сила заставила страны и народы изменить привычный ход жизни и, как сейчас принято говорить, самоизолироваться, имея в виду самые неопределённые перспективы. В приближённом смысле главная проблема, которую выявила пандемия коронавируса у нас, это моральная неготовность широких масс к эксцессам подобного рода, что ярко подтвердилось активным нежеланием значительной части граждан соблюдать установленный государством режим самоизоляции. В глобальном онтологическом смысле произошедшее выявило нежизнеспособность современной цивилизации. Это выявление началось не сегодня и не вчера. Диверсии «мультикультурализма» и бесконтрольной миграции, возведённые многими европейскими политиками в объекты языческого поклонения; всевластие «зелёной бумаги» и, как следствие, полная предсказуемость всей мировой политики; пресловутый «однополярный» мир (который, как показывает жизнь, никуда не делся, несмотря на бодрые реляции иных любителей выдавать желаемое за действительное) – всё это, а также многое другое свидетельствует о том, что современная цивилизационная модель зашла в тупик. И нынешняя пандемия стала лишь толчком (правда, мощным и неожиданным), который, возможно, предоставляет человечеству последний шанс трезво и мужественно посмотреть в лицо реальности и прозреть. При этом, несомненно, существуют влиятельные силы, в интересах которых любой ценой не допустить этого прозрения.

Россия преодолит очередное испытание, как она преодолевала их на протяжении всей своей истории. Залогом тому, как и прежде, – единство нашего великого многонационального народа, в котором, несмотря ни на что, сохранилась неистребимая воля к жизни и готовность к самоограничению во имя высшей цели.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Кандидат филологических наук

Заслуженный работник культуры Российской Федерации

Заслуженный работник культуры Чеченской Республики

Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

Мнение редакции необязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2020

© Авторы, 2020

Жизнь такая короткая

Очерк

Поднимаясь по лестнице на четвёртый этаж, Фёдоров с недоумением рассматривал конверт. Письмо было из Самары, почерк чужой, ни о чём не говорящий. Нахлынуло необъяснимое беспокойство. Войдя в квартиру, Владимир Иванович сразу распечатал письмо и принялся читать.

— Ух ты! — вырвалось у него так громко, что Анна Николаевна на восклицание мужа вышла из другой комнаты.

— Что, Володя, случилось? — спросила она.

— Венька Ломакин умер! — ответил потрясённый Владимир Иванович.

— Да ты что!? — изумилась она.

— Вот письмо пришло от его жены.

Вениамин Ломакин — самый близкий фронтовой друг Владимира Фёдорова. С 41-го и по 46-й были неразлучны. Всю войну прошли вместе. Звания одинаковые, награды одинаковые, оба были командирами расчёта. Когда закончилась война, договорились в шутку, что женятся через два года после демобилизации, что дети появятся через год, и у обоих будет по сыну и по дочери. Так всё и вышло...

Нет больше Вени Ломакина. «Володя, берегите друг друга, жизнь такая короткая, — писала Нина, его вдова, — и как тяжело остаться одной в старости. Это не объяснишь. Очень тяжело».

У Владимира Ивановича сдавило сердце: Нина дважды повторяла в письме пронзительные слова — «жизнь такая короткая». В эту минуту он ощутил истинность этих обжигающих слов, даже трепет мистический прошёл по телу.

— Мы с Веней были, как родные братья! — проговорил скорбно Фёдоров. — Надо сегодня же отослать деньги на венок. Пусть Нина купит и от нас повесит на памятник. «Сегодня же», эти слова он произнёс настойчиво и безапелляционно, будто кто-то посмел бы ему в такой ситуации возразить.

Виталий Анатольевич Богомолов — родился в 1948 г. в г. Тавда Свердловской обл. Прозаик, публицист. В 1978 г. окончил дневное отделение филологического факультета Пермского государственного университета. Работал в университете, затем в книжном издательстве, позже во вневедомственной охране и грузчиком, корреспондентом газеты «Сельское Прикамье». Член Союза писателей России с 1990 г. Лауреат Всероссийского литературного конкурса им. В. Шукшина (третья премия; 1998), областной премии в сфере культуры и искусства (1999). Живёт в Перми.

Он достал водку, налил сто граммов, сколько давали им в боевой обстановке знаменитых «наркомовских», помянул друга.

Бывает, что худо, мрачно станет на душе, и тогда Владимир Иванович берёт неказистый фронтовой альбомчик с пожелтевшими тонкими листками и начинает рассматривать фотографии, и отмякает душа от воспоминаний, в которые уносит его память. Эта трофейная тетрадка с непонятным готическим словом, вытисненным на толстых корках, попала Фёдорову в немецком городе Ратиборе. С бумагой на фронте было так трудно, что на письма шла серая прокладочная бумага из ящиков с крупнокалиберными патронами.

Но за войну появилось у него несколько фотографий, число которых стало быстро множиться после победы. Снимались на память трофейными фотоаппаратами. И, сделав в листках тетрадки прорези, он вставил в них эти фотокарточки. Так начался альбом, который за 45-й, 46-й годы заполнился снимками фронтовых друзей и подробными подписями к ним.

Он достал фотоальбом, раскрыл его.

Вот они с Веней Ломакиным возле своего крупнокалиберного зенитного пулемёта. Сколько Фёдоров за войну выпустил из него пуль по самолётам врага и по разным наземным целям, если от Сталинграда до Праги сменил два ствола, износившихся в боях, а с третьим довоевал до Победы. Не достанут ли до Луны все его очереди, если вытянуть их в одну трассу?

Перелистывая альбом, Фёдоров перебирал в памяти события войны. Он помнил все подробности более чем полувековой давности. Да и как их забыть, если в окопах войны остались его самые цветущие годы! Сколько они, солдаты, вынесли и вытерпели всего, сколько хлебнули на фронте страданий, разве забудешь! Война его, пацана, попавшего на неё со школьной скамьи, вылепила на свой лад. Шесть лет, считая с 1941-го, отдал он армии. Но дело даже не в годах, как начал он понимать через много-много лет, а в том, что происходило там с их душами молодыми. Приобретая опыт, который был страшен своей противоестественностью, переходящей в обыденность, душа очень незаметно ломалась. Всё, что он видел, чувствовал, думал, всё это и сформировало в его восприимчивой натуре особый механизм памяти человека, видящего смерть и сеющего смерть.

***

В Тамбовской губернии был уездный город Козлов, который в 1932-м году переименовали в Мичуринск. В нём-то 10 ноября 1923 года и увидел Фёдоров свет. Здесь он был крещён, рос, учился. Семья состояла из пяти человек: отца с матерью и трёх детей. Володя был старшим, за ним шли Алексей и Октябрина.

В те годы самой престижной считалась профессия лётчика. Легендарные авиаторы Чкалов, Громов, Леваневский, Гризодубова, Осипенко и многие другие были кумирами молодёжи, создавали атмосферу заразительного энтузиазма. Недаром Володя Фёдоров и трое его товарищей, учась в 10-м, параллельно поступили в аэроклуб.

В их классе было 7 парней и 19 девушек. Выпускной отпраздновали 17 июня. Война началась через четыре дня, а уже 8 августа четверо вчерашних школьников из их класса оказались в армии.

На базе аэроклуба была создана военно-авиационная школа пилотов с дислокацией в городе Кирсанове. И вскоре недавние одноклассники Володя

Фёдоров и Юра Кочергин повели туда самостоятельно свои аэроклубовские машины. В Кирсанове и познакомился Фёдоров с Веней Ломакиным.

В октябре 41-го ребята очутились в Шадринске, оттуда их перебросили в Бугуруслан. Здесь в мае 42-го они и закончили авиашколу первоначально-го обучения и были направлены в школу истребителей в город Нововязники Владимирской области, где полтора месяца летали на учебно-тренировочных самолетах УТ-2...

Но началось наступление немцев на Сталинград, и группа самых отчаянных курсантов числом около полусотни попала в Тесницкие лагеря под Москвой, где они были зачислены в 198-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион. «Ну что ж, не удалось летать, будем сбивать!» – шутили курсанты-лётчики. В первых числах сентября 42-го 198-й дивизион, вооружённый лишь трёхлинейными винтовками, оказался в составе 95-й стрелковой дивизии под Сталинградом.

Здесь молодым бойцам выдали разом двойную норму «наркомовской» водки, а ребята прежде её и не пивали. Впервые Фёдоров попробовал 100 граммов этого зелья с разрешения отца в день проводов на войну. А тут получили, считай, по целому стакану, и не выпить стыдно, солдат всё же. Да многовато оказалось для парня, всю ночь его мутило с этой водки...

После были такие бои, жизнь в таких нечеловеческих условиях, когда без водки просто невозможно было выжить. Научились пить...

Богата война непредсказуемыми событиями. Под Калачом-на-Дону немцы разбили 223-й зенитно-артиллерийский полк Красной Армии, он потерял материальную часть и почти весь личный состав, однако честь свою – знамя – полк сберёг. И под Сталинградом срочно приступил к формированию, получив зенитные пушки калибра 37 мм и крупнокалиберные зенитные пулемёты ДШК 12,7 мм. Проблема теперь была только с личным составом, требующим обучения.

Всё решил случай. Один из комбатов 223-го полка оказался в расположении дивизиона зенитчиков, вооружённых винтовками. Увидев петлицы авиаторов, он удивился, а как узнал, что парни разбираются в зенитном прицеле, обрадовался находке. Через несколько часов приказом по фронту ребята были зачислены в зенитно-артиллерийский полк. И рядовой Фёдоров стал наводчиком пулемёта ДШК.

Первое время полк охранял штаб фронта в районе Ахтубы, а через месяц был передислоцирован за Волгу. Зенитно-пулемётная рота, в которой находился Фёдоров, заняла позиции в пригороде Сталинграда, на станции Сарепта. Патронов с трассирующими пулями не было. Стрельбу по самолётам пулеметчики вели прицельно, однако невозможно было определить без трассеров, куда идут пули: в полёте они не оставляли след. Эффективность такого огня была невысока. Тем более что трёхмоторные «Юнкерсы» таскались на большой высоте, снабжая окружённую группировку Паулюса боеприпасами, продуктами, медикаментами и вывозя раненых.

На станции Сарепта наводчик Фёдоров в декабре 42-го сбил первый самолет. Только что получили, наконец-то, патроны с трассирующими пулями, снарядили ими ленты, каждый третий патрон с трассером.

В тот сумрачный и тусклый день стояла плотная и низкая облачность. Понесся гул «Юнкерса», идёт невысоко, но в облаках его не видать. Фёдоров припал к прицелу, повёл ствол по звуку, ожидая, не покажется ли самолёт в разрывах туч. Вынырнула цель из-за тучи буквально в 300-350 метрах и, на

счастье, оказалась точно в прицеле. Фёдоров дал длинную очередь и увидел, как трасса прошла левый и центральный моторы. «Юнкерс» задымил и потянул к земле... За этот самолёт наводчик Фёдоров получил первую медаль «За отвагу».

Памятным было стояние в Сарепте, памятным. Морозы доходили до 25 градусов, да ещё с ветерком, а у солдат на ногах сапоги, на теле ватники, шинели. Спали в щели, прикрытой сверху от снега. Скрюченной цепочкой улягутся головами друг к другу на задницы, пытаюсь согреться. Здесь Фёдоров обморозил руки, и ноги.

Зато жаркими выдались для зенитчиков бои весной 43-го под Ростовом-на-Дону, в городе Батайске. Немцы были заинтересованы в уничтожении этой узловых железнодорожной станции, и полк поставили на её охрану.

Боевая специфика зенитчиков такова, что при налётах авиации они не могут, как другие, прятаться в укрытия, но обязаны биться с самолётами врага, которые осыпают их бомбами. Налёты на Батайск длились по нескольку часов: за это время станцию обрабатывали от 100 до 300 самолётов, которые накачивались волнами. От частых взрывов земля ходила ходуном. Стволы от непрерывной стрельбы раскалялись до такой степени, что пулемёт терял боевые свойства, начинал «плеваться». Напряжение нервов страшное.

Одного такого налёта достаточно, чтоб сотню раз убитым быть, да, знать, родился Фёдоров в рубашке, если только в Батайске он пережил их шесть. Кто в этом аду оставался живым, тот после боя был закопчён, как чёрт в адской кочегарке.

В таком бою Владимир Иванович не только не думал о смерти, но и себя не помнил. Когда крикнут «Воздух!», вспоминает он, всех как ветром сдувало. И пока бежишь к своему пулемёту, успеваешь оценить обстановку, и нет даже мысли, что убьют, а когда упоры пулемёта на плечах, тут уже про всё на свете забываешь.

Здесь Фёдоров сбил второй самолёт, который упал и взорвался. «Какой ты молодец!» – похвалил он свой пулемёт и в порыве благодарности решил погладить его по стволу. Но перекалившийся «молодец» так припёк кожу, что на руке остался след ожога.

Расчёт пулемёта ДШК – три человека: командир, наводчик (первый номер) и заряжающий. Но нередко бывала в расчёте по двое. А чтобы оборудовать пулемётную точку и щель к ней, требуется вырыть два куба земли. Зимой, кроме того, надо за ночь выдолбить землянку, одну на два расчёта, а иногда одну на четыре расчёта. К примеру, под Мелитополем в октябре 43-го за десять дней боёв без продвижения вперёд сменили позиции раз восемь. Копали землю каждую ночь. День отстреляли, и снова на другое место. В Батайске, правда, точки были неглубокие, вода близко. И когда ахала бомба, то земля качалась под ногами.

27 марта немецкие самолёты долбили Батайск часа четыре. Отстреляв очередную ленту, Фёдоров перевёл ствол пулемёта в горизонтальное положение, перезарядили ленту и только направил ствол обратно в небо, как получил удар в голову такой силы, что даже сел. Правый глаз мгновенно залило кровью. К счастью, осколочное ранение оказалось лёгким. Товарищи по расчёту тут же сделали перевязку, и уже минут через десять Фёдоров, придя в себя, снова встал за пулемёт.

Около 16 часов дали отбой.

Но нельзя сказать, что всё затихло: возбуждение после такой драки держится ещё несколько часов. Бойцам привезли обед и почту. Фёдорову вручили письмо из дома, от мамы. Как не обрадуешься весточке в такой момент. Но стал читать, а родительница пишет, что умерла бабушка (мать отца), умер дядя Николай (брат отца) и другой дядя Николай (муж отцовой сестры). Пережив сильное потрясение в бою, когда соседний расчёт погиб от прямого попадания, когда сам едва не залетел на тот свет, Володя нервно разорвал письмо в клочки и бросил.

Не было желаний есть, не лез кусок в рот при таком состоянии. Болела голова, тошнило. Когда немного отошёл, опомнился, успокоился, принялся искать обрывки материнского письма, но где там соберёшь их. Так и не удалось то письмо прочесть полностью.

О вражеских налётах узнавали обычно заранее. Какими-то таинственными каналами, что интересно, информация доходила до передовой по «линии связи», как её называли солдаты, ОБС (одна баба сказала) и почти всегда бывала безошибочной. Если сообщала ОБС, что 20-го будет налёт, то действительно он приходился на этот день.

С 27 по 30 марта налётов не было. Чистили оружие, готовили патроны: слегка-слегка протирали их масляной тряпочкой и набивали ленты. Первого апреля должны были сниматься на новое место дислокации. ОБС ничего не доносила, налётов не ожидалось, и 31-го под вечер комбат отпустил бойцов прогуляться по... городу. Остался только дежурный расчёт: командир Щербина и наводчик Фёдоров. Надвигались сумерки, но небо ещё оставалось светлым. И вдруг идут самолёты на высоте более тысячи метров, и не понять сразу: то ли немецкие «хейнкели», то ли наши «пешки».

Фёдоров дал пару трасс. Самолёты «молчат», свои ответили бы опознавательной ракетой. Для уверенности дал ещё длинную очередь – «молчат». Всю ленту выпустил. Зарядил новую и принялся поливать теперь по самолётам. Тут по ним ударила уже вся зенитная артиллерия. Первая волна зашла бомбить. Те, кто был в отлучке, мгновенно сбежались. Комбат и сам был в городе. Прихватил где-то велосипед да влетел на нём в колючую проволоку, кувыркнулся через неё, ввалился на «точку» с пистолетом в руке, сам не свой, и кричит: «Огонь! Огонь!»

Немцы повешали «фонарей», штук шесть, а они минут по пятнадцать каждый горят так, что хоть книжку читай, к тому же – ослепляют расчёты, цели не видно. Этот бой длился часа четыре с половиной и кончился за полночь. Но все расчёты остались живыми.

После отбоя Костя Михайлов взялся за баян. Жителей местных собралось человек около сотни, и часов до трёх ночи, впотьмах, солдаты давали им концерт, пели песни. А утром полк снялся. Перебросили его на охрану аэродрома истребителей.

С середины 43-го Фёдоров стал командиром расчёта, но стрелять самому приходилось по-прежнему часто. Хотели было направить его в офицерское училище, да он уходит с передовой от товарищей не пожелал, сроднились.

* * *

Боевой путь 223-го зенитно-артиллерийского полка не был прямым и лёгким, и 23 февраля 1944 года, в самый день рождения Красной Армии, полк вторично оказался под Перекопом, на знаменитом Крымском перешейке.

К этому месту немцы пристрелялись отлично и каждые пять минут кляли снаряд прямо в ворота Турецкого вала, через которые полку надобно было переправиться, пока не рассеялась ночная тьма.

Но на немецкую педантичность нашлась русская смекалка. За четыре с половиной минуты солдаты успевали заровнять воронку так, чтоб прогнать какую-то часть техники, людей. За полминуты до разрыва очередного снаряда движение перекрывалось, а после разрыва возобновлялось.

Позиции полку определили сразу за Турецким валом, недалеко от ворот: тут же принялись их оборудовать. Здесь из четырёх полков зенитной артиллерии была сформирована 76-я зенитно-артиллерийская дивизия.

К той поре на счету Фёдорова было уже три сбитых самолёта и уничтоженный экипаж немецких мотоциклистов.

Наши части готовились к наступлению, и перед городом Армянском, хорошо укреплённым немцами, было сконцентрировано большое количество артиллерийских стволов. Поэтому авиация врага прилетала сюда с бомбовой нагрузкой регулярно в одни и те же часы, и, отбомбившись, улетала безнаказанно.

С появлением зенитчиков ситуация изменилась. Так, 24 февраля в 10 часов утра прилетели шесть «Фокке-Вульфов-190», а восвояси убралось на одного меньше. За два дня зенитчики «уронили» на землю четыре немецких истребителя: по одному в каждый налёт. Но двух оставшихся асов сбить никак не удавалось, и они портили нервы вплоть до освобождения Севастополя, два с половиной месяца.

После эффективной работы зенитчиков немецкая артиллерия засекала их и сразу наносила массированный артналёт. На небольшой пятячок минут за 15 было обрушено сотни четыре снарядов. Расчёты укрылись в щелях, их забрасывало землёй от разрывов, солдаты выгребались из засыпи, а щель всё более мелела, лица людей были серыми, и не только от земли... Но есть бойцы, которые даже в такой невероятной ситуации не теряют самообладания.

Казах Шейкен Мустагелянов в момент разрыва бросал комки земли в Попова Ивана. Дважды попадал в туловище, Попов хватался панически за это место, смотрел, не ранило ли его. В третий раз Шейкен угодил Попову, прямо в лоб, и тут уж боец Иван благим матом заорал, что его убило. Долго потом солдаты потешались над этой шуткой Мустагелянова. Как говорится, и смех, и грех...

Таких артналётов довелось взводу пережить несколько, но потерь, к счастью, не было. Лишь в первой батарее разбило вдребезги пушку. Жили в землянке. Однажды после налёта вернулись бойцы в свою фронтную квартиру, а в потолке зияет дыра: снаряд пробил перекрытие и ушёл в землю, не разорвавшись. Несколько дней боялись в землянку войти, но потом вернулись и жили в ней до 8 апреля, пока не началось наступление...

Первый день наши орудия молотили по обороне врага часа четыре. Только после этого пошла пехота. Мощной была оборона у немцев перед Армянском. Какой-то десяток километров до Ишуни войска преодолевали с боями пять дней.

Но за Ишунью немцам было уже не за что зацепиться. Да и со стороны Сиваша наши войска начали обходить врага, и он был вынужден отступать. «Хлыстанул аж до самого Севастополя!» – говорит Фёдоров.

Под Ишунью пулемётчики-зенитчики сели на свои машины-полторки и тоже до самого Севастополя продвигались уже без боёв. Путь лежал через

Крымскую степь, безводье. А колодцы оказались отравленными. Несколько человек умерли от этой воды. Был отдан приказ, запрещающий пить воду из колодцев. Люди изнемогали от жажды, повара не могли приготовить пищу, пока не привезли, наконец-то, воду аж из-под Перекопа...

Начались тяжёлые бои за Севастополь. Позиции зенитчиков находились над долиной Бельбек. Задача была одна: «срубить» немецкие самолёты с хвостов наших «иллюх». Когда наши штурмовики Ил-2, обработав вражеские позиции, уходили домой, «фоккеры» атаковали их сзади. Здесь-то и обнаружили вновь те два немецких самолёта, которых не удалось сбить под Перекопом. Зенитчики узнали их по почерку. Достать их так и не смогли. Однажды ждали самолёт на обратном курсе, охотились, а он прошёл по долине у самой земли на огромной скорости, по нему и стрелять-то невозможно.

Вызывала почтение под Севастополем и точность немецких артиллеристов. Небольшая халатность опытного уже вояки Владимира Фёдорова едва не стоила ему тогда жизни. Рассматривал немецкие позиции в бинокль против солнца, нарушив правила маскировки. Немецкий наблюдатель засёк блики оптики, и тут же на позицию расчёта прилетели три снаряда.

Иван Попов как-то ночью, завернув самокрутку, толстенную, как гильза, сидел на позиции и беспечно курил. Предупредили ведь, что немец засечёт его по огоньку сигарки. Не поверил вятский парень. А немец тут же, как по заказу, вlepил три снаряда. Осколком сорвало с Попова пилотку вместе с куском кожи на голове. Чуть на тот свет не отправился вятч. Война не прощает оплошностей и ротозейства ни солдату, ни генералу. Но и риск на войне становится делом привычным.

Что мы ленивы и нелюбопытны, А.С. Пушкин воскликнул, конечно же, в запальчивости. Но вот закрепились с той поры за русским человеком, что ты будешь делать, несправедливая эта характеристика.

Именно из любопытства решил Фёдоров в третий день наступления под Армянском побывать в немецких окопах, откуда пехота уже выбила врага. Хотелось поглядеть, как немцы жили. Перед окопами, на поверхности земли лежали мины, между собою они были соединены проводками. Стоит задеть такой проводок и – взрыв. В солдатском обиходе мины эти называли «лягушками». Фёдоров не захотел искать проходы в минном поле, а, повесив автомат на грудь, отправился напрямик. Рисковым был парнем.

Осторожно (это здесь главное!) ступая между проводками, он благополучно миновал роковое место, вышел к оборонительным сооружениям. И тут из немецкого крытого окопа послышался стон. Фёдоров изготавился к встрече с врагом, но оказалось, что в окоп заполз наш пехотинец, раненый в бою. У него была перебита нога выше колена. Он изнемог от жажды и просил пить, но воды у Фёдорова не было. Он выволок раненого солдата на бруствер, взвалил себе на спину и потащил. Донёс до минного поля. Одному да с осторожностью пройти здесь днём пара пустыков, а вдвоём... Малейшая оплошность – оба отправятся на тот свет. Солдат замолчал.

Каких-то десять саженей переступал с тяжёлой живой ношей Фёдоров между проводками, а пот холодный катился со лба, как горох.

Пехота оставляла убитых либо позади, либо впереди, когда атака бывала неудачной. Фёдоров вышел с бойцом прямёхонько на солдат из похоронной команды, которые подбирали трупы. Просит их: «Спасайте, братья славяне, раненого!» Похоронщики положили того на волокушу и повезли в санбат...

Довелось Фёдорову на фронте повидать немало смертей, даже к этому привыкает человек. Но невыносимо тяжело и горько бывало на душе, когда случалось после боя увидеть мёртвых девушек. Валяется на земле убитая, перепачканная, иногда истерзанная и изуродованная русская девушка с рассыпавшимися волосами: чья-то дочь, невеста, которой не суждено стать ни женой, ни матерью... Как такое забыть?! А вспомнишь, и – мороз по коже ходит.

*На войне смерть вот уж точно ближе рубашки.
Может, потому и:
Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой
На войне одной минутки
Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрой...*

Поэмой А. Твардовского «Василий Тёркин» зачитывались, знали её наизусть. Тёркин очень помогал воевать, а его автор имел среди солдат огромнейшее уважение. Вообще о литературе на войне можно сказать, что это был особый род войск, незаметно распределявшийся среди всех других родов, подпитывающий души солдат, без чего победа была бы, пожалуй, невозможна.

Взводу зенитчиков повезло ещё в том, что всю войну был свой гармонист Костя Михайлов, который игрой и песнями снимал напряжение и усталость, разгонял тоску и дух уныния, поднимал бойцам настроение.

5 мая 1944 года под Севастополем началась артподготовка. Первый день по обороне противника сыпали «катюши». На второй день пошла авиация. Тут и Фёдорову с товарищами пришлось поработать: 36 лент расстрелял он по «Фокке-Вульфам», атакующим наши «илы».

7 мая «угощать» немцев принялась артиллерия и била до полудня. Казалось, за три дня от разрывов снарядов и бомб живого места не должно остаться. Но едва поднялись батальоны нашей пехоты, обречённые немцы оказали яростное и жестокое сопротивление. Особенно много полегло наших бойцов у Сапун-Горы. Но остановить войска было уже невозможно.

Очистили Севастополь быстро, немцев сбросили на Херсонесскую косу. И ни одной их барже не дали приблизиться к косе. Нашим командованием был предъявлен ультиматум врагу, и фашисты сдались со множеством вооружения и техники.

В освобождённом городе дали такой салют, который, вспоминает Фёдоров, не может он сравнить даже с победным. Всю ночь над Севастополем висела огненная шапка. Это был солдатский салют. Свой автомат Фёдоров берёт, но из немецкой винтовки за ночь, признаётся, рассобачил целый ящик трофейных трассирующих патронов.

Из Севастополя передислоцировались в Бахчисарай, на охрану железнодорожной станции, командование опасалось ночных налётов. Но их не было. После полного освобождения Крыма солдаты сразу оказались в глубоком тылу, и месяц жили, как на курорте. Впервые за войну Фёдоров разделся до нижнего белья и в постель лёг спать по-человечески. Ведь на войне выматывались так, что порой на битых кирпичих спали, как на перине. А тут... блаженство такое, что словами не выразить.

В Крыму бойцы получили вместо махорки листовой табак Дюбек. Резали его и курили. После махры – душа отрывается, признаётся ветеран.

Брились солдаты и зимой и тем более летом. У Владимира Фёдорова имела опасная бритва, подарок отца. Он пронёс её через всю войну. Многих солдат она побрила и до сих пор хранится как дорогая память о тех днях.

В Бахчисарае состоялся даже культпоход в ханский дворец-музей, сотрудники которого сумели во время немецкой оккупации попрятать и сохранить экспонаты...

После освобождения Крыма началось, по приказу Сталина, массовое выселение татар. Сейчас депортация крымских татар расценивается как преступление тоталитарного режима. Судить прошлое очень легко, труднее в нём разобраться. В те дни солдаты акцию по выселению татар за их пособничество немцам воспринимали как меру законную и необходимую. Конечно, бойцы не знали агентурных данных, послуживших основанием для выселения, но отравление воды местным населением при наступлении наших войск – испытали на себе.

Занимались выселением оперативные группы НКГБ, к которым была привлечена и некоторая часть бойцов зенитного полка, использовался автотранспорт зенитчиков. Переселенцев свозили на сборные пункты, здесь грузили в товарняки и отправляли за пределы Крыма.

* * *

Из Бахчисарая полк перебросили в Житомир, где в течение месяца он пополнялся, отдыхал, обучался. А затем в составе 4-го Украинского фронта воевал в Западной Украине, Венгрии, Польше, Германии, Чехословакии. Позиционные действия по прикрытию объектов сменились на непосредственное сопровождение наступающих войск, теперь полк постоянно находился на острие удара пехоты или танковых ударных группировок.

За бои по освобождению польского города Горлице полку было присвоено наименование Горлицкого; за освобождение города Бельско полк награждён орденом Боевого Красного Знамени. За овладение городами Богумин, Фриштадт, Скочув, Чадца, Великая Битча полк награждён орденом Кутузова III степени. Трижды 76-я Перекопская зенитно-артиллерийская дивизия с боями пересекала Карпатский хребет. Самолётов теперь сбивали мало, немецкая авиация всё реже появлялась в воздухе, помогали пехоте, танкам, артиллерии.

Недалеко от Бельско пехоту остановил сильный артиллерийский огонь. В небольшом селении на деревянной колокольне засел немецкий корректировщик. Как его уничтожить? Полевой артиллерии нет. По лощине подтянули к селению пару малокалиберных зенитных пушек и два расчёта установленных на машинах крупнокалиберных пулемётов, командирами которых были друзья Вениамин Ломакин и Владимир Фёдоров.

Теперь надо было из зарослей стремительно выдвинуться на открытое место, сделать разворот и в течение 40-45 секунд уничтожить наблюдателя огнём пулеметов и пушек, не отцепляя их от машин. Операция удалась. Колокольню срезали, она загорелась. А без корректировщика батарея становится «слепой» и ничего не может.

Под польским городом Струмином немцы, собрав небольшой бронированный кулак, 12 февраля 1945 года ударили во фланг наступающей колонны, которую зенитчики прикрывали. Когда «Фердинанды» обстреляли колонну, командир пулемётного расчёта Фёдоров выскочил из машины,

отбежал метров полсотни вперед, чтоб глянуть, что там происходит, разобратся в обстановке. Именно в этот момент в его машину и угодила снаряд, взрывом снесло боковой и задний борта, Шайкену Мустагелянову оторвало ногу возле бедра. В полевой госпиталь его доставили быстро, но спасти не удалось, умер, не приходя в сознание. Тогда вспомнилось Фёдорову, как три месяца назад, в ноябре 44-го, Шайкен сказал, что ему приснились часы. И проговорил с обречённостью, что не дожить ему до конца войны, сон нехороший, к смерти. И вот нашла она его за три месяца до Победы. Горевал взвод по этому спокойному, обстоятельному и хозяйственному человеку. На 27 году оборвалась его жизнь.

В том бою ранило шофёра, ранило осколком и Вениамин Ломакина. А незадолго перед тем, 21 января 45-го, под Кросно, в Фёдорова едва не угодила пуля снайпера, спас комок мерзлой земли на бруствере, от которого пуля срикошетила. Этот же снайпер ранил командира взвода Александра Куликова, к счастью, легко.

Сколько раз костлявая рука смерти тянулась к Фёдорову. Но везло ему – уворачивался из-под косы «Старухи в саване». В Крыму, под Ишунью, поручили донесение отнести в полк. Пошёл Фёдоров и в дороге слышит, как «заржал» по-ишачинному шестиствольный немецкий миномёт. Навострил слух: на него, вроде, идут мины, навесные «гостинцы». Упал на бугорок, где был. В такой ситуации, говорит Владимир Иванович, солдату надо тысячную долю секунды, чтобы оценить обстановку. Первый разрыв произошёл метрах в двадцати. В эту воронку Фёдоров и юркнул по-пластунски быстрее ящерицы. Взрывы слева, взрывы справа сыплются... Из воронки оглянулся, а бугорка того и в помине нет.

Был случай, когда жизнь спас мешок с трофейной кожей. Разгромили немецкий обоз. А у Фёдорова сапог не было. Он и прихватил этот мешок, надеясь заказать полковому сапожнику обувку пошить. И тут сзади разорвались две мины. Крупный осколок сбил Фёдорова с ног, но застрял в мешке с кожей.

А закончилась война для Фёдорова в Праге. Самым памятным днём великой кампании стал для него 8 мая 1945 года. Находились в 30-40 километрах от Праги. Сопровождали танкистов. На полуторке с закреплённым пулемётом ДШК приехали с замнацштаба Батушанским в штаб танкистов. Картина такая: все люки у танков распахнуты, и в них набились солдаты, как блохи в собаку, только задницы торчат, Фёдоров дивится, непонятно, что происходит. Но тут капитан Батушанский выскочил из штаба, как пуля из ствола, и говорит, что по радиации открытым текстом передали: завтра немцы подпишут капитуляцию, и будет объявлена победа.

Шофёр Иван Гугочкин, сибиряк, погнал свою машину обратно в полк. Сообщили радостную весть. Что тут началось... Невообразимое... Дожили до победы! Победа! Живы!

А на другой день около полудня вошли в освобождённую Прагу. Чехи встречали освободителей, как дорогих родственников, приходилось буквально продираться через ликующие толпы людей. Радости, объятиям и поцелуям, угощению не было никакого предела...

В 17 часов 9 мая полк выстроился на берегу Влтавы и дал залп из всех огневых средств. Салютовали Победе. Это был последний боевой залп. По смертельным дорогам войны 76-я Перекопская зенитно-артиллерийская дивизия отмахала 3287 км, начав боевой путь в Крыму, а с 223-м полком Фёдоров прошёл от Сталинграда.

В конце дня расчёты Владимира Фёдорова и Вениамина Ломакина затащил к себе в гости немолодой чех. Он поднёс победителям по рюмке-другой водки, сам выпил и неожиданно запел: «Ревела буря, дождь шумел, во мраке молнии летали...» Бойцы изумились, откуда чех знает песню о Ермаке. Оказалось, что в Первую мировую этот человек был в русском плену. Солдаты подпели ему с удовольствием.

* * *

За боевые заслуги в Великой Отечественной войне Владимир Фёдоров был награждён двумя медалями «За отвагу», орденом Славы III степени, орденом Великой Отечественной войны I степени, медалями «За оборону Сталинграда», «За освобождение Праги», чехословацкой «Дукельской памятной медалью», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», значком «Отличник ПВО» и как комсорг роты – грамотой ЦК ВЛКСМ.

Но самой для него почётной наградой стало то, что старший сержант Фёдоров в составе трёх человек от дивизии был направлен в Москву для участия в Параде Победы на Красной площади, который состоялся 24 июня 1945 года.

Параду предшествовали дни двадцать муштры, в знойной Москве, ноги в сапогах горели. За это время каждому участнику индивидуально пошили парадную форму. 24 июня подняли в 4 часа утра и в касках с карабинами отправились пешком до Красной площади. Шёл дождь, но улицы были запружены народом. Девчата, как с ума посходили – бросались к победителям целоваться. Наверное, не одна из них в тот день порассекала себе брови об острые кромки солдатских касок.

По прибытии войска построились на Красной площади. Ровно в 10 часов из ворот Спасской башни выехал на белом коне легендарный маршал Г.К. Жуков. Трепет восхищения, гордости и уважения пробежал лёгким ветерком по солдатским рядам. Командовал парадом маршал К.К. Рокоссовский, тоже на коне, но тёмной масти.

Встретились они на середине площади. После доклада К.К. Рокоссовского, объехав войска, Г.К. Жуков спешил и поднялся на трибуну Мавзолея. Подали команду на прохождение. Видел Фёдоров на трибуне и Сталина. Но что там разглядишь, шагая в столь ответственном строю, когда надо видеть грудь четвертого человека, чтоб держать равнение. Запомнилась только седина сталинских волос.

Следующий день участники Парада получили для отдыха. И к Фёдорову пришла его одноклассница Лелька Лоцман, с которой переписывались всю войну, она училась в Москве в нефтяном институте. Этот день они гуляли по столице и говорили, говорили, вспоминали.

Когда началась война, Володя Фёдоров был уверен, что дальше Смоленска немец не пройдёт, не пустят. А что победа будет скорой, думал не он один. Их школьный класс оказался счастливым: из семи парней только Кочергин Юрий погиб, будучи лётчиком; двое вернулись инвалидами, трое здоровыми. Один лишь одноклассник не был на фронте из-за слабого зрения.

Фёдорову, считает он, безумно повезло: прошёл такую войну, побывал, можно сказать, в преисподней и вышел из неё живым. Кто знает, как бы всё обернулось, не угоди он в зенитчики? Ведь 95-я стрелковая дивизия, в которой он был поначалу, почитай, вся полегла под Сталинградом. Что интересно,

в нём постоянно гнездилась какая-то мистическая уверенность, что его не убьют. Уже в Польше одна старушка, в хате которой остановились на ночлег, напроорочила ему, что будет он жить до 90 лет... Враньё, конечно, считал он, но психологически такое «пророчество» чем-то грело и поддерживало.

В 23 часа 25 июня участники Парада сели в поезд и отправились обратно в свои части. Демобилизовали старшину Фёдорова лишь в апреле 1947 года.

* * *

Паровозоремонтный завод, на котором работал отец Фёдорова, был в начале войны из Мичуринска эвакуирован в Пермь. Сюда и приехал демобилизованный солдат.

Семья занимала комнату в общежитии паровозоремонтного завода. Владимир Иванович оказался в этой комнате пятым. Совсем тесно стало, пришлось ютиться, как на передовой. А у него, 23-летнего парня, энергии было хоть отбавляй. В косогоре, по соседству, он вырыл землянку, оборудовал, обустроил и всё лето жил в ней...

Если б судьбу, какая выпала в войну людям всех возрастов и профессий, сложить в одну зримую и охватную для человека картину жизни, то увидевший эту картину, наверное, сошёл бы с ума от ужаса. Цена победы оказалась невероятной для народа, для страны – миллионы убитых отборных парней со всей России. Представить невозможно, как гибель их подорвала потенциал нации.

В 1948 году Владимира Фёдорова пригласили в управление МГБ, побеседовали, предложили работу в розыске. Согласился. Работа оказалась продолжением войны, ибо занимался Владимир Иванович розыском изменников Родины, лиц, прошедших обучение в разведшколах немецкой армии, военных преступников: старост, полицаев, расстрельщиков в немецких лагерях для военнопленных. В нашем Пермском крае после войны немало осело таких людей: поменяв фамилии, придумав новые биографии, чтоб уйти от возмездия, они пытались затеряться в леспрохозах, работали среди шахтёров, вели самый неприметный образ жизни.

Из числа наших военнопленных немцы вербовали кадры в разведшколы, готовили диверсионно-разведывательные тройки, забрасывали их на советскую территорию. Зачастую эти ребята сдавались с надеждой на помилование, иногда убивая в тройке того, кто сдаваться совсем не хотел.

На сдавшихся диверсантов заводили следственные дела, подробно допрашивая. Где, в какой разведшколе учился, с кем, когда и куда был заброшен, что знает о других. Фиксировались все полученные от них сведения.

Но и в разведшколах курсанты обучались не под своими фамилиями, именами, а только под кличками. От заброшенных и сдавшихся контрразведка узнавала клички других готовящихся к заброске, их приметы, особенности, по которым их можно было опознать, вычислить...

Те, кого контрразведка не нашла, числились и после войны в розыске по всему Советскому Союзу. Вот таких семь дел и дали Фёдорову. Икать предстояло, зацепившись за минимум данных. Это была кропотливая, нелёгкая и нудная работа, вести которую приходилось попутно с основной оперативно-розыскной деятельностью. А «сверху», как водится, требовали результатов. Владимир Иванович «перелопатил» много дел, составляя картотеку установочных данных на каждого упоминаемого в делах агента, выискивая своих.

Его картотека содержала сведения на 300-400 человек, к нему обращались с запросами даже из других областей. Нередко бывало так, что на поиски агента по кличке затрачивали годы, находили, а он, оказывается, сдался сразу после заброски, дело было заведено на его подлинную фамилию, он отбыл наказание и чист. Владимир Иванович тоже слал запросы в другие области. Разыскал пятерых бывших агентов, живых и здравствующих, но отбывших наказание.

В те годы довелось Фёдорову поколесить по районам области, особенно когда в 1954 году были ликвидированы районные органы госбезопасности. Дай бог, десяток суток проводил в семье и вновь отправлялся то в Добрянку, то в Чёрмоз, Ильинское, Карагай, Осу, Елово, Барду...

«За последние годы много вылито помоев на работников госбезопасности», – сетует с горечью Владимир Иванович.

Но лично его никогда никто не принуждал врать в делах, заниматься фабриками. Ответчик ли он и ему подобные за дела НКВД – исполнителя репрессивной воли партбольшевистской верхушки? От него требовали одного – безукоризненной работы. Присяге он был верен, с делами разбирался тщательно и всегда действовал так, чтоб и государству не был нанесён ущерб, и человек чтоб не пострадал невинно, он восстанавливал справедливость...

Порой приходилось заниматься делами мелочными и неприятными. Сколько раз довелось разгребать такую грязь, как ложные доносы, оговоры. Бывали просто курьёзные случаи. К примеру, такой вот помнится. Поступило анонимное письмо, в котором сообщалось, что бухгалтер одного леспромхоза занимается шпионажем, а в прошлом был активным белогвардейцем. Поручили Фёдорову провести розыск, который вывел его на автора письма – жительницу Кировской области. Глубоко уязвлённая тем, что её возлюбленный выбрал в жёны другую, молодую, – женщина хотела таким образом отомстить ему, никак не ожидая, что её разыщут. Ну, вызвали перепуганную грамотную интриганку в органы, побеседовали, да тем и дело кончилось. А случись подобное в злополучные 30-е годы, может, автора письма никто искать не стал, а бедному бухгалтеру, наверное, не посчастливилось бы. На что она, человек времени, видимо, и рассчитывала.

* * *

Майор в отставке Владимир Иванович Фёдоров разменял в 1993 году восьмой десяток лет, но, к счастью, бодр, энергичен. Хотя ранение в голову напомнило о себе через много лет инвалидностью второй группы. В домашнем хозяйстве Владимир Иванович – мастер на все руки. С супругой Анной Николаевной – человеком прекрасной души – они всю жизнь прожили в двухкомнатной квартире на улице Лебедева, в доме, на первом этаже которого располагался кинотеатр «Молот»...

Когда въехали в квартиру, на кухне стояла дровяная печь. На четвёртый этаж дрова таскали, чтобы пищу приготовить, титан с водой в ванной нагреть. Позже обзавелись примусом, керогазом, а в 1968 году в доме установили газовые плиты. Теперь дом состарился вместе со своими обитателями и его, как и людей, мучают недомогания и хвори.

Летом супруги Фёдоровы живут в деревне, занимаются огородом. Владимир Иванович страстно любит порыбачить, покопаться в земле. К ней у него отношение особое, земля для него больше, чем кормилица. Полвека прошло,

а живы в его памяти слова военного старшины Аношкина: «Учтите, славяне, земля вас спасает! Если вы будете к ней варварски относиться, она вас предаст!»

Фёдоров знает, что это истина, выверенная кровавым, окопным опытом войны, и потому не переносит, если кто-то обращается с землёй небрежно, безжалостно. А сейчас таких людей полно развелось в матушке-России даже среди крестьян.

Если Владимир Иванович увидит в небе клин пролетающих журавлей, то переживает трепетное состояние. И тогда в его душе всплывает и звучит песня:

*Летит, летит по небу клин усталый,
Летит, в тумане на исходе дня,
И в том строю есть промежуток малый,
Быть может, это место для меня...*

Фёдоров считает, что это не просто удачная песня, это реквием, который надо исполнять над каждым уходящим из жизни ветераном Великой Отечественной. Слова-то какие, только вдуматься, так с благоговением и входят в сердце – Великая Отечественная!

Всего два слова, а какого беспредельного масштаба вместили в себя эти слова и трагедию невыразимую народа, и беспримерный его подвиг!

ПОЭЗИЯ

Евгений ПРУДЧЕНКО

Евгений Анатольевич Прудченко – поэт, журналист. Родился в 1964 г. в Алма-Ате (СССР, КазССР). В 1991 г. окончил Алма-Атинский институт народного хозяйства по специальностям «Экономика и социология труда» и «Банковское дело». Работал на производствах и в банковской сфере. В середине девяностых стал журналистом, стоял у истоков ряда казахстанских газет и журналов. Писать стихи начал после тридцати. Автор семи неизданных поэтических сборников, но как поэт нигде не публиковался. Живёт в Алматы (Казахстан).

Нереволюционная рапсодия

Часть 1

Наложим позже резолюцию...
к тебе, ТоварищЪ, – революция! –
я обращаюсь в здоровой памяти –
мы много верного истратили;
что тут поделаешь, эклектики,
для них законы диалектики,
что по воде кривыми вилами,
уж мы померились бы силами
с той камарильей безалаберной,
стоят архарами за кафедрой
твои профессоры с бородками,
мешая Гегеля с Кропоткиным,
их вызывает точка зрения
не смех, pardon, – недоумение, –
кого ж по заповедям миловать?
таких не слушать, интернировать!
Весьма опасно поколению
судьбы коленопреклонение...
и были б мы с тобой похожими
мировоззрениями, не рожам.

Мадмуазели вьются кошками,
дворцы с ковровыми дорожками,
к икре, к шампанскому, к кабанчикам;
всё, всё растратили растратчики.
Да, правда – дело растяжимое,
а ведь делили неделимое...

из табакерки роем полчища,
пора задуматься о помощи;
не испугают расстояния
миров двух противостояние.
Партизцы с выжженными нервами
в сраженьях с вихрями враждебными;
не с полонезами ж Огинского
зреть на страну с вокзала Финского!
Состроят мину очень умную,
зарядят сердце в семиструнную... –
разит от пораженцев снежностью,
то с придыханием, то с нежностью
в башку втемяшится буколика.
С броневика сильней риторика!!

Скроим по лучшей моде бантики!
Устой разрушили привратники,
прокравшись в сумраке по лестницам,
теперь не каются, но крестятся;
а ведь когда-то были алыми...
не смыть страну империями!
не просадить ночами долгими, –
есть Енисей, есть Лена, с чёлками
тайга, озёра, птичек рвение...
нехорошо – есть население,
пристроить некуда, и мается,
нет, с населением не справится,
что табунами под знамёнами
льняными, чёрными, зелёными,
тот с жёлто-белыми прожилками,
все с напряжением, с пружинками,
формаций крайних столкновение –
не граф Толстой с непротивлением.
Под пулемёт отлично спляшется... –
не в шалашах же вечно прятаться.

Чтоб времена за хвост не трогали,
вдаль мчит тройка... всё по-Гоголю;
чтоб позади враги не чавкали –
по пулёмету... звать «тачанками»,
по Перекопу переправами... –
и где бароны с адмиралами!?
дела за право дело спорятся;
сейчас, смотри-ка, хорохорятся,
примчали с комплексами золушки,
попило сучье племя кровушки...
опять «делите всё и властвуйте?»,
теперь в святые метят... – здравствуйте! –

на дилижансе стадо адское...
 что, спишет всё война гражданская?
 в парижках, бедные, намыкались?
 и ожирели, мало двигались...
 Здесь времена всегда азартные,
 запросы, лозунги – стандартные:
 «За копи, фабрики и вотчины...
 за день рабочий, укороченный!»

Часть 2

Животноводство, – зря затеяли, –
 основа жизни земледелие,
 мясные лавки, бойни кислые...
 в том смысле что инакомыслие
 непредсказуемо, до старости
 не дотянуть, тому и радуйся.
 Перебирают кости с ливером
 кто не с мечом крупнокалиберным,
 теперь всё проще, – заработали, –
 меч замещается банкнотами
 в пустых боях с авторитетами...
 ну, в крайнем случае, монетами.
 Поскольку краски акварельные,
 и жизнь такая... карамельная,
 хоть все желают шоколадного...
 а что возьмёшь ты с безлошадного?
 Вот вид: за горными долинами,
 за черемшой, за георгинами,
 повсюду – север, дело тонкое! –
 добро колхозное обломками.

Сидит – как будто в банке хариус –
 на троне время, архивариус.
 Одни – Сибирь, Кавказ с хазарами...
 другие сжали всю, Романовы;
 сплошь самодержцы в ратном кителе,
 говоруны, освободители,
 в семье большие, величавые,
 в контрреволюциях – кровавые.
 В своём отечестве вредительством
 в салопе временном правительство.
 Всё аккуратно, быт, романтика,
 путч броненосца, честь и Балтика;
 лишившись места неудобного
 ползут на поиски съедобного,
 дворянство с выгнутыми спинами,

обгородив страну гардинами,
 вскипает лозунгами броскими, –
 грустили б лучше под берёзками!
 Лишь время – кто тут станут первыми? –
 рассортировывает термины,

облагораживает лучшее...
 всплывут покойники живучие
 на пьедесталах победителей,
 проспектам – благоустроители,
 собор Казанский, – весь! – в обузу ли,
 но Голенищеву-Кутузову,
 не забегаловка таковская –
 вот галерея Третьяковская;
 вскипают страсти точно чайники,
 в жизнь возвращаются изгнанники.
 Ну а природа, – что ей станется? –
 здесь человеку должно кланяться:
 хребты с морщинами глубокими,
 режут под мощными потоками
 электростанции турбинами,
 сверкают звёздочки рубинами,
 плечом друг к другу, сжались, горбятся,
 впритык рабочий и колхозница.
 Хоть велика и сумасбродима...
 люблю я это слово, – «Родина»! –

пора уж прекратить родимую
 терзать, – прирос к ней пуповиной, –
 вот только время-то блошиное,
 и пуповина слишком длинная;
 виси, растянутые помочи,
 перетянуть не дали... – «сволочи...» –
 тавро здесь, так, для настроения,
 расстройство камнем преткновения;
 мы столько времени потратили...
 а как ещё назвать предателей!?
 Вчера грачи по полю стаями,
 сегодня клетки с попугаями,
 к премьер-министрам сострадание,
 прогноз, день завтрашний, – гадание, –
 век до предела сжатых плоскостей,
 час необузданных возможностей;
 что с аргамаками ретивыми
 летим в просторы с перспективами:
 внутри такая радость, – чудится, –
 ни загадаешь что, всё сбудется!

Часть 3

Прильнул к окошку этим вечером,
и загадать-то вроде нечего...
хотя... в среде астрономической
о жизни не гуманистической
всё ж думать надо, – и неделями! –
куда с такими-то идеями?..
Он, мир, в окно с деньгою, с ласками,
куда ему со свистоплясками
от широты господской милости
до эталонов справедливости?..
к ней обратишься как к заочнице, –
была ведь правильность в песочнице?
так и песочницы промотаны...
нет, не ворами, – обормотами.
Всё хорошо, как с Вольфом Мессингом
впотьмах тягаемся с армрестлингом,
теперь вот с целлюлозной фабрики
пускаем белые кораблики...
Пусть доплывут для дела хитрого
до океана ледовитого!

Здесь и вернуться бы к буколке...
когда б ни шарики за ролики
в умах, – пока ничем не смазанных, –
то ли в бумажных, то ль в пластмассовых;
но знают – в центе каждом кроется
вражда, разруха и бескормица...
там где купюры бродят с кралями,
нет мест экологам с пасторалями;
так подождём, пока проклюнется
тот сказ – не стерпится, так слюбится.
Тут мы Ван Вэя и застукаем... –
жить хорошо в краях бамбуковых,
легко откормленному статору –
пиши что хочешь императору,
водись со змеями да крысами,
жизнь запивай настойкой рисовой.
Кишит надеждами негромкими
Янцзы, усеянная джонками,
свисает небо иллюстрацией...
нет, хорошо дружить с китайцами,

так повезло, соседи добрые,
драконы вздыбленными кобрами,
лишь азиатская наследственность
мешает выписать доверенность...

тут отодвинешь все теории
коль нет в достатке территории;
переплелись, сроднились душами,
мир современный и разрушенный,
не удивить прохожих древностью,
Стена единственною ценностью;
не приспособлен он к мгновениям,
Китай, не место откровениям,
нет в содержимом откровенности,
вот и осматриваем ценности...
Вы бы ногами тут не шаркали!..
удобней жить с мечтами жалкими;
(прими Россию за Московию,
и нет конца средневековию),
в своих родимых, – не ворованных, –
живи в веках пронумерованных.

Век 21-й, только жжение,
нет ничего, – преобразование, –
нет ни царя, ни своры с кликами,
летят в обнимку с горемыками
по мостовым дурные лошади,
скрипя зубами и подошвами,
и ни шампанского с гусарами,
ни светских дам с аксессуарамми,
взгляни на встречного боярина
и ни к чему тебе кунсткамера,
торговец с видом теоретика... –
вот вдохновение, эстетика;
неровным взглядом на опричнину? –
так наскребёшь на зуботычину;
минувших дней квартиры с явками
дела... – лечение пиявками, –
всё те же стачки, жандармерия,
вот лишь исчезла инженерия.
Как похоронная процессия –
шалавы, урки и агрессия.

Часть 4

Уж лучше б жили со смутьянами,
чем с этими... островитянами;
сбылось желание заветное,
и?.. форма зла – инопланетное?
Чтоб люди стали экспонатами...
уж лучше сказки с транспарантами!
и некрасивые красавицы
великолепно совмещаются.

Три революции, зачинщики
не акушеры, но могильщики!
забылись годы уж тифозные,
вот в этом все метаморфозы-то.
Да, Чрезвычайная Комиссия, –
за что любить инакомыслие!?
Иным прославится провинция,
нет, не пиитами – мздоимцами.
Ещё б чуть-чуть для вида важного
сюда добавить буржуазного:
спят гимназистки с менестрелями,
гуашь мешая с акварелями...

вот mauvais ton, – дела французские, –
с невероятными нагрузками;
когда обхаживают пряники,
поосторожней бы в предбаннике.
Здесь революции без поводов,
без цзаофаней и без Оводов,
в лесах, украшенных рябинами,
они с дубинами и с вилами;
дубина – принявшим лишения –
не средство даже, украшение,
входя во время осторожное, –
дубина самое надёжное...
хоть за плечами, хоть за пазухой,
особо только не показывай,
ведь до неё всегда охотников,
то проходимцев, то угодников.
И сколько б в нас враги ни зыркали –
забьём! штыком и бескозырками.
Знать, хорошо в делах запутанных
от казематов и шпицрутенов.

В окне, что вижу то и слушаю,
Всё та же скорбь и малодушие,
вот львы с гноящимися ранами
перемежаются с баранами...
подай на паперти грош нищему,
но не от Герцена, Радищева.
С «Авроры» так когда-то ухнули!
теперь беснуются здесь ухари,
и снов пиратская флотилия
изнемогает от бессилия;
а, в общем, время-то хорошее,
но преимущественно – прошлое;
сплав дистрофии и гармонии,
не Эрмитаж, но... филармония,

дань обесцененного Балтике
на обесточенной геральдике.
Всё та же осень бьётся с листьями...
а мы росли максималистами.
Кто отстоял сей град неистово? –
аскеты вместе с атеистами!!

До блеска небеса натёртые...
на постаментах только мёртвые,
день спрятав завтрашний за спинами
неотражёнными витринами;
тут из немаловажных факторов –
чтят, обожают триумфаторов,
едва ль блаженного с каликою,
в следах – сапог Петра Великого,
градостроительство с рекордами
прошло петровскими ботфортами,
архитектура заключённого:
парадный – вход, а выход – с чёрного,
коль нет в них запахов с заплатами,
дворцы и пахнут казематами,
из одного ведь камня сделаны
цари, архангелы и демоны.
И лишь Нева в своём величии
течёт как вера в безразличие...
Стоит вдали от суеверия
страна, присмотришься – империя.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

«И в любви жизнь и смерть...»

(к 160-летию публикации романа
И.С. Тургенева «Накануне»)

Слово, вынесенное в заглавие романа И.С. Тургенева «Накануне», завораживает какой-то недосказанностью, мерцающей тайной. Название оказывается столь многомерным, что допускает многообразные варианты прочтения и интерпретации произведения. При внешней простоте сюжета внутренний план романа чрезвычайно ёмок. В глубинах его поэтики за внешними, очевидными событиями открываются иные сферы – религиозно-философские, символические, метафизические.

Уже современниками Тургенева была воспринята та сторона символического содержания заглавия романа, появившегося на страницах журнала «Русский вестник» в 1860 г., которая была связана с общественными событиями накануне освободительной реформы. Н.А. Добролюбов в статье «Когда же придёт настоящий день?» истолковал «Накануне» как призыв к освобождению России от «внутренних турок».

Демократическая критика и советское литературоведение трактовали заглавие и содержание романа в социально-политическом плане: Россия «накануне» грядущих общественных сдвигов, реформы 1861 г.; «накануне» появления на русской почве «сознательно-героических натур»; «накануне» обновления, решительного шага, выбора. К настоящему времени достаточно полно исследованы конкретно-исторический и актуальный аспекты произведения. «Елена поставлена перед необходимостью выбора между Инсаровым, Берсеневым и Шубиным. Это как бы молодая Россия с её жаждой деятельного добра, и её герои – люди искусства, отвлечённой науки и гражданского подвига. Выбор Елены решает вопрос о том, кто более нужен России», – в таком ключе трактовало роман советское литературоведение. Следует также упомянуть ещё одного кандидата в «герои»,

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

Новикова-Строганова Алла Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России (Москва), историк литературы. Живёт в Орле.

не названного здесь. Это чиновник и делец Егор Курнатовский, числящийся женихом Елены.

Современные тургенеvedы открыли «особый характер развития трагического начала внутри романного сюжета»; обнаружили «двойной сюжет» «Накануне». «Миры внутри миров: Романы И.С. Тургенева» («Worlds within worlds: Novels of I.Turgenev», 1990) – так назвала свою монографию Джейн Костлоу, внимание которой направлено к сфере «лирической медитации» и «невывказанных эмоций» писателя. Интерпретируя в этом ключе сюжет «Накануне», американская исследовательница истолковала героическую судьбу Инсарова как «неумолимое движение в мир смерти, хаоса, забвения».

С такой позицией нельзя согласиться вполне. Устремлённость героя к смерти – сознательное самопожертвование, желание погибнуть за освобождение родины – не есть «движение к хаосу и забвению». Наоборот, здесь сосредоточено безотчётное стремление обрести цельность и гармонию, не исчезнуть бесследно с лица земли, не быть забытым.

«Вы услышите, может быть... но что бы ни было, забудьте ... нет, не забывайте меня, помните обо мне...»¹ – слова, произнесённые Лизой Калитиной при прощании с Лаврецким в предыдущем тургеньевском романе «Дворянское гнездо», звучат как заклинание, как лирическое внушение, и могли бы принадлежать каждому из тургеньевских героев, чьи образы формирует эмоционально-лирическая стихия. Здесь вечное стремление человека к счастью и сознание его недостижимости; смирение перед непостижимой тайной бытия и робкая, но неумирающая надежда не раствориться без следа в Неведомом. Прерванная на полуслове речь, глубокая пауза, умолчание, как часто у Тургенева, выразительнее и красноречивее звучащего слова передают скрытый смысл подводного течения текста.

Подобно каждому тургеньевскому роману, «Накануне» – это книга о счастье и долге, о любви и расставании, о жизни и смерти. Писатель, исповедующий творческое credo «тайной психологии», останавливается на пороге, на грани, накануне неразрешимой загадки, неразгаданной тайны бытия. В лирико-философских размышлениях Тургенева нарастает мотив вселенского, космического одиночества. «Ужели это всё только в нас, а вне нас вечный холод, безмолвие? Ужели мы одни... одни... а там, повсюду, во всех этих недосыгаемых безднах и глубинах, – всё, всё нам чуждо?» (6, 290) – в тоске вопрошает героиня, и с её мыслями сливается голос автора.

Тургенев напоминает, что люди очень одиноки. Любовь, сильные привязанности, личные и общественные интересы позволяют на время забыть об этом. Но конец земного пути обрывается во мраке: каждый встречает смерть один на один.

Тень смерти с самого начала повествования витает в атмосфере «Накануне», отзываясь даже в шуточных репликах: «Прощайте. Мир моему праху!» (6, 196). Елена осознаёт свои предчувствия: «на душе такой холод и ужас!» (6, 265); «когда мы говорили с тобой, я, сама не знаю отчего, упомянула о смерти; я и не подозревала тогда, что она нас караулила» (6, 265).

Трагическое мироощущение пронизывает всю художественную ткань романа, начиная с его «философской увертюры» – первого диалога Берсеневы и Шубина. Природа, любовь, жизнь и смерть как силы неведомые,

¹ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. – М.: Наука, 1978–1982. – Сочинения: В 12 т. – Т. 6. – С. 148. Далее сочинения И.С. Тургенева цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы.

неподвластные человеку одновременно страшат и притягивают его: «не всегда природа намекает нам на... любовь. <...> Она также грозит нам; она напоминает о страшных... да, о недоступных тайнах. Не она ли должна поглотить нас, не беспрестанно ли она поглощает нас? В ней и жизнь, и смерть; и смерть в ней так же громко говорит, как и жизнь.

– И в любви жизнь и смерть...» (6, 166).

В таком контексте заглавие «**Накануне**», гипнотически не отпускающее сознание читателя, открывается новым смыслом: «*канун*» – это порог, граница, завеса, стена, о которую бьётся в безумной надежде вырваться из плена человеческая душа, жаждущая воспарить, вознестись от тьмы к свету, от земли к небу.

Неслучайно один из ведущих в романе – излюбленный литературной традицией метафорический образ птицы. У Тургенева это птица-душа, устремлённая в запредельное, – центр лирико-символической системы «**Накануне**». «Её душа, – сказано о Елене, – и разгоралась и погасала одиноко, она билась, как птица в клетке, а клетки не было: никто не стеснял её, никто её не удерживал, а она рвалась и томилась. Она иногда сама себя не понимала, даже боялась самой себя... что-то сильное, безмянное, с чем она совладать не умела, так и закипало в ней, так и просилось вырваться наружу. Гроза проходила, опускались усталые, не взлетевшие крылья; но эти порывы не обходились ей даром» (6, 184).

В такие кульминационные моменты напряжения внутренней жизни героини ощущается явственно, как страдает и мечется её душа, ограниченная рамками земного существования. И эта универсальная, будто всеобщая человеческая душа, тоскуя, задаёт извечные вопросы, на которых не дано ответа: «К чему молодость, к чему я живу, зачем у меня душа, зачем всё это?» (6, 225).

Образы грозы и крылатой птицы становятся лейтмотивами художественной организации романа. Так, в Венеции – «умирающем городе» – Елена видит «высоко над водой белую чайку; её, вероятно, вспугнул рыбак, и она летала молча, неровным полётом, как бы высматривая место, где опуститься» (6, 291). Эта пейзажная зарисовка превращается в поэтическое иносказание, неожиданно раскрываясь новой эмоционально-смысловой гранью, когда финал повествования захлёстывает волна лирико-философских раздумий автора: «Как же это жизнь так скоро прошла? Как же это смерть так близко надвинулась? Смерть, как рыбак, который поймал рыбу в свою сеть и оставляет её на время в воде: рыба ещё плавает, но сеть на ней, и рыбак выхватит её – когда захочет» (6, 299).

Мотивы и образы этико-эстетической системы «**Накануне**» постоянно перекликаются, взаимоотражаются, обретая новые сверхсмыслы: человеческая душа – птица в клетке, испуганная рыбаком чайка без гнезда, пойманная рыба; неизбежность смерти – рыбак, раскинувший свои сети.

«Рыбак», вспугнувший птицу, не позволил ей долететь до гнезда, и она «сложила крылья – и, как подстреленная, с жалобным криком пала куда-то далеко за тёмный корабль» (6, 291). Не этот ли последний приют и есть настоящее гнездо, ведь – как писала Елена в прощальном письме родным – «смерть всё прикрывает и примиряет, – не правда ли?» (6, 298). Возможно, в этом заключительном падении в пучину, физическом уничтожении и есть избавление от раскинутой сети, вознесение к истине вечной жизни. Тургеневские образы-символы наполняются не только лирико-философским, но и христианским сверхсмыслом, получают почти дословное подкрепление в образности

Священного Писания: «*Душа наша избавилась, как птица, из сети ловящих; сеть расторгнута, и мы избавились*» (Пс. 123: 7).

Символизированная образность, представленная в романе, становится устойчивой составляющей художественного мира, созданного писателем; обнаруживается в интертекстуальных связях «**Накануне**» с библейским текстом, с другими тургеневскими произведениями, стихотворениями в прозе «**Без гнезда**», «**Дрозд (I)**», «**Дрозд (II)**», «**Порог**», «**Памяти Ю.П. Вревской**».

Универсальный мотив человеческой неустроенности, бесприютности в земном мире, впоследствии обозначенный Тургеневым художественными формулами «без гнезда», «на краю чужого гнезда», нашёл всестороннее воплощение в романе «**Накануне**».

«Куда я иду? где моё гнездо?» (6, 226) – задавалась вопросами Елена. «Все впечатления резко ложились в её душу; нелегко давалась ей жизнь» (6, 182). Героиня «с детства жаждала деятельности, деятельного добра; нищие, голодные, больные её занимали, тревожили, мучили; она видела их во сне, расспрашивала об них всех своих знакомых; милостыню она подавала заботливо, с невольной важностью, почти с волнением» (6, 183).

Елена не находит высокого смысла и цели жизненного пути среди привычного ей окружения. В обществе не видно героических личностей. По словам Шубина: «Нет ещё у нас никого, нет людей, куда ни посмотри. Всё – либо мелюзга, грызуны, гамлетики, самоеды, либо темнота и глушь подземная, либо толкачи, из пустого в порожнее переливатели да палки барабанные!» (6, 278). Вывод художника неутешителен: «Нет, кабы были между ними путные люди, не ушла бы от нас эта девушка, эта чуткая душа, не ускользнула бы, как рыба в воду!» (6, 278).

Скульптор Шубин, называющий себя «мясником», чьё дело – «мясо лепить, плечи, руки, ноги» (6, 162), призывающий занять «своё место в пространстве» (6, 165), быть «телом», неслучайно приходит в отчаяние, не сумев вылепить портрет Елены – «не даётся, как клад в руки» (6, 164). Эта неудача происходит, очевидно, потому, что главное в облике героини не физическое – тело, а метафизическое – душа. Отсюда и невольная метонимия в словах Шубина, укоряющего себя за «гамлетизм»: «неужели же я всё с собой вожусь, когда рядом живёт такая душа?» (6, 196). «Откуда же взялась эта душа у Елены? Кто зажжёт этот огонь?» (6, 164). И впрямь: «Вот опять тебе задача, философ!» (6, 164).

Но одной философией здесь явно не обойтись. К раскрытию тайны не удаётся приблизиться без искупительной жертвы – самоотречения, в библейской традиции – *всесожжения*. Ключ к разгадке, несомненно, сокрыт в заглавии романа, формирующем целый комплекс христианских аллюзий. Ассоциативные связи, образуемые сгущением образно-символических элементов, позволяют обратиться к новому истолкованию романа «**Накануне**», в заглавии которого сконцентрированы тематическое и символическое начала текста. Отгадка, очевидно, кроется в постижении романа в свете христианской веры.

В православном храме имеется место, именуемое канунник или канун, – столик, на котором стоит Распятие и устроена подставка для свечей. Стол этот называют ещё и жертвенником, где христиане оставляют свои приношения-пожертвования. Перед Распятием на кануне ставят поминальные свечи по душам усопших, служат панихиды, заупокойные богослужения. Главные герои романа – Елена Стахова и Дмитрий Инсаров – сгорают подобно двум жертвенным свечам *на кануне*.

Важно отметить, что графическое начертание заглавия в первом издании романа было именно таким: «**На кануне**». В автографе титульной страницы тургеневской рукописи название романа также написано как существительное *канун* с предлогом *на*.

«Наша барышня, как свечка тает» (6, 262), – отзываются о Елене. В символизированном контексте романа это сравнение обретает многозначный смысл. Стихия жертвенного огня, испепеляющего пламени интенсивно нарастает по мере движения сюжета. «Какой-то сухой, горячий дым, казалось, наполнял ей <Елене. – А.Н.-С.> голову» (6, 262). Однажды на фоне разгоравшегося, «заалевшего» неба Шубин заметил «две молодые могучие сосны, стоявшие особняком от молодых деревьев» (6, 194). Метафора, бесспорно, соотносится с образами Елены и Инсарова.

Мирские радости, земные удовольствия улечиваются, подобно дыму от жертвенника. Даже в самой смелой по тем временам сцене романа герои не столько наслаждаются близостью, сколько словно сжигают себя: у него «вся кровь зажжена», она «вспыхнула вся» (6, 268).

Недаром одно из толкований имени греческого происхождения Елена – факел. К финалу повествования главные герои, образно говоря, превращаются в два сгорающих факела, при беспрестанном духовном горении отмечая физическое угасание друг в друге.

Задолго до трагической развязки в романе начинают звучать похоронные причитания и плачи, как перед кануном в храме: «Мать причитала над ней, как над мёртвою <...> “Боже мой, болгар, умирающий... скелет скелетом <...> – и она его жена, она его любит...”» (6, 280).

Любовь героев становится своеобразным жертвоприношением. По мысли Тургенева: «Любовь – великое слово, великое чувство» (6, 166), – является духовно соединяющим началом только тогда, когда это «не любовь-наслаждение», а «любовь-жертва» (6, 167).

Тургеневский взгляд, как и в статье «Гамлет и Дон-Кихот», написанной год спустя после создания романа «Накануне», совпадает с истолкованием сущности любви апостолом Павлом: «Всё минется, – сказал апостол, – одна любовь останется» (5, 348).

Этическая проблема любви, счастья и долга поставлена в романе «Накануне» особенно остро. Поначалу главным героям романа представляется, что счастье зависит от них самих, что их жизнь будет безоблачной. Призрак несчастья, тень войны, возможность гибели мелькнули лишь на мгновение, но Елена тут же отогнала грозное предостережение: «– Разве умирать вдвоём тоже не весело? Да нет, зачем умирать? Мы будем жить, мы молоды. <...> Ещё много времени впереди» (6, 253). Знаменательны слова Инсарова: «Наше время не нам принадлежит. <...> А всем, кому в нас нужда» (6, 212).

Как и в романе «Дворянское гнездо», Тургенев показывает, что «счастье зависит не от нас, а от Бога» (6, 140). «Хочешь быть счастливым? Выучись сперва страдать» (10, 179), – афористически сформулировал писатель «Житейское правило». «Я искала счастья – и найду, быть может, смерть» (6, 298), – предчувствует Елена после кончины мужа. Человек не властен над вечными универсальными стихиями бытия, природы, любви, жизни и смерти, поэтому, с авторской точки зрения, «поставить себя номером вторым – всё назначение нашей жизни» (6, 167).

Это утверждение согласуется с учением Христа о «первых и последних»: «будут последние первыми, и первые последними» (Мф. 19: 30).

В письме от 10 (22) июня 1856 г. к графине Е.Е. Ламберт писатель признавался: «Я не рассчитываю более на счастье для себя, т.е. на счастье в том опять-таки тревожном смысле, в котором оно принимается молодыми сердцами; нечего думать о цветах, когда пора цветения прошла. Дай Бог, чтобы плод по крайней мере был какой-нибудь – а эти напрасные порывания назад могут только помешать его созреванию. Должно учиться у природы её правильному и спокойному ходу, её смирению» (5, 415).

Природа, само сложение жизни обучают человека смирению и терпению. На первый план выдвигается мотив жертвенного служения долгу – христианскому, нравственному, патриотическому. Любовь пребывает в одном ряду с такими «соединяющими словами», как «родина, наука, свобода, справедливость» (6, 167).

Так, Елена клятвенно обещает Инсарову: «Мы пойдём вместе, я пойду за тобой... Это мой долг. Я тебя люблю... другого долга я не знаю» (6, 266). Она готова не просто безоглядно следовать за своим избранником, но и отдать себя на служение его делу.

Подобно Елене, безымянная героиня тургеневского стихотворения в прозе «Порог» (1878) также стоит «на кануне», на пороге новой жизни, на грани, отделяющей привычное существование от жертвенного служения и подвига.

По мере развития действия огненная энергия романа «Накануне» всё более сгущается, концентрируется. У Инсарова при одной мысли об освобождении Болгарии от турецкого владычества, «при одном упоминании его родины <...> в глубине глаз загорелся какой-то глухой, неугасимый огонь» (6, 203). Огонь разгорается и внутри: «душа его загорелась» (6, 273), – и снаружи: «гроза росла, слышалось уже веяние близкой, неминуемой войны. Кругом занимался пожар, и никто не мог предвидеть, куда он пойдёт, где остановится» (6, 250).

С филигранным мастерством разрабатывает Тургенев поэтику психологических примет и символизированных образов, доводя их до логического завершения и оставляя в то же время некий необъяснимый, иррациональный план. Так, вначале горячо разгоравшееся «пламя», бушующий «пожар» обрастают в «тускло горевшую» свечку, а затем она и вовсе погашена.

Огонь в символично-поэтическом контексте становится одной из опорных точек универсально-философской структуры романа. В конечном итоге это метафора самой жизни, на огненный жертвенник которой возложено человеческое существование. Эта мысль подкрепляется также пейзажными зарисовками – картинами летней природы, в которых доминирует палящее, испепеляющее начало, связующее жизнь и смерть.

По Тургеневу, таинственной силе любви, как таинству жизни и смерти, не может противостоять человек. Он становится жертвой неведомых стихий. Но «сознательно-героические натуры» жертву приносят сознательно.

Для Инсарова родина – святыня: «люблю ли я свою родину? Что же другое можно любить на земле? Что одно неизменно, что выше всех сомнений, чему нельзя не верить после Бога?» (6, 214) – риторически восклицает герой. Он рассказывает Елене о православной Болгарии, оккупированной турками, с глубокой душевной болью: «Я уверен, вы полюбите нас: вы всех притеснённых любите. Если бы вы знали, какой наш край благодатный! А между тем его топчут, его терзают <...> – у нас всё отняли, всё: наши церкви, наши права, наши земли» (6, 212–213). Инсарову мало слов о любви к родине: «Вот когда кто-нибудь из нас умрёт за неё, тогда можно будет сказать, что он её любил»

(6, 213). Из дневника Елены мы узнаём о герое, что «он уже был приговорён к смерти, что он едва спасся, что его изранили» (6, 228). Героическая личность Инсарова известна в Болгарии, на родине полагаются на него: «Его уже давно ждали; на него надеялись» (6, 296).

Второй скульптурный портрет Инсарова работы Шубина, где «молодой болгар был представлен бараном, поднявшимся на задние ножки и склоняющим рога для удара» (6, 241), – не только ревнивый шарж. Эту скульптуру в символично-смысловом поле романа можно рассматривать как изображение жертвенного животного – овна в стаде «овец тонкорунных» (6, 241) – или той ритуальной жертвы, о которой говорится в Псалмах: «возложат на алтарь Твой тельцы» (Пс. 50: 21); «за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обречённых на заклание» (Пс. 43: 23). Подтверждение – в словах Инсарова: «Как стадо гоняют нас поганые турки, нас режут» (6, 214).

До сих пор в Болгарии сохраняют и продолжают «традицию подчеркнута уважительного, даже восторженного отношения <...> к роману Тургенева». Вполне объяснима «сердечная приязнь именно к этому произведению великого мастера, хотя бы на одном-единственном основании: “Накануне” – одно из немногих произведений мировой литературы, в котором на передний план выдвинут герой-болгарин, а болгарская тема является главной, книгопорождающей», – отмечает болгарский исследователь Э. Димитров.

В любви, неотделимой от долга, обнаруживается не только смелость, но и стремительность решительной натуры Елены. Отважная героиня готова следовать за своим избранником и на край света, и на поле битвы.

В своё время нищенка-ворожея, прозревая судьбу, произнесла необычные слова, изумившие Елену: «попался тебе человек хороший, не ветреник, ты уже держись одного; крепче смерти держись. Уж быть, так быть, а не быть, видно, Богу так угодно» (6, 234). Вот она и держится до конца, сознательно восходя на свой жертвенник, на свой *канун*, на *порог*, как и духовно близкая ей безымянная героиня стихотворения в прозе «Порог», которое стало перифразой любовного объяснения Елены и Инсарова. Героиня «Порога» также отвечала на все предостережения: «Знаю и это. И всё-таки я хочу войти» (10, 148).

В другом своём стихотворении в прозе – «Памяти Ю.П. Вревской», – по смыслу близком роману «Накануне» и прозаическому стихотворению «Порог», Тургенев пишет: «Жертва принесена... дело сделано» (10, 146).

«С Богом, в дальнюю дорогу» (6, 282), – пробует запеть Шубин при расставании с Еленой и Инсаровым. Символично, что это первый стих «Похоронной песни Иакинфа Маглановича» из «Песен западных славян» Пушкина. Но, замечает всеведущий автор: «Грешно петь там, где лежит покойник» (6, 282), – и эта ремарка предваряет судьбу героев, отъезжающих на войну.

Инсаров умирает по дороге в Болгарию. Со смертью мужа гибнут все надежды Елены на личное счастье, но не умирает любовь-долг: «Я не знаю, что со мною будет, но я и после смерти Д. останусь верна его памяти, делу всей его жизни» (6, 298). Из письма героини родным мы узнаём, что из Италии она сопровождает тело мужа, чтобы похоронить его на родине, которая становится родиной и для самой Елены: «уже мне нет другой родины, кроме родины Д. Там готовится восстание, собираются на войну; я пойду в сёстры милосердия; буду ходить за больными, ранеными» (6, 298).

Дальнейшая участь Елены неизвестна. Конкретизация её судьбы обнаруживается, предположительно, в элегических раздумьях стихотворения в

прозе «Памяти Ю.П. Вревской»: «На грязи, на вонючей сырой соломе, под навесом ветхого сарая, на скорую руку превращённого в походный военный госпиталь, в разорённой болгарской деревушке – с лишком две недели умирала она от тифа. Она была в беспомощности – и ни один врач даже не взглянул на неё; больные солдаты, за которыми она ухаживала, пока ещё могла держаться на ногах, поочерёдно поднимались с своих заражённых логовищ, чтобы поднести к её запёкшимся губам несколько капель воды в черепке разбитого горшка» (10, 146). Очевидец вспоминал, что могилу Вревской – сестре Юлии – «копали раненые, за которыми она ухаживала, и они же несли её гроб, не дали никому». Героическим натурам адресованы строки стихотворения в прозе «Дрозд (II)»: «Они гибнут без ропота; их губят без раскаяния; они себя не жалеют, не жалеют и о них...» (10, 177). «Да и стоит ли горевать и томиться, и думать о самом себе, когда уже кругом, со всех сторон разлиты те холодные волны, которые не сегодня-завтра увлекут меня в безбрежный океан?» (10, 176) – читаем в финале стихотворения «Дрозд (I)».

«У Тургенева метафизическое одиночество человека, его обречённость на мгновенное существование и потом вечное растворение в бездушном ничто не исключает, а только обостряет величие человеческой личности, осознавшей в себе духовную сущность любви и самоотдания», – отмечалось идеологами советского тургеневедения.

Однако напротив – осознание своей духовной сущности приводит человека не к маниакальному обострению собственного «величия», но к покаянию и смирению в Боге – в преддверии жизни вечной, а не в перспективе «растворения в бездушном ничто»; ведёт к ощущению какой-то непостижимой вины: «Но я подумала: за что же я буду наказана? Какой долг я преступила, против чего согрешила я?» (6, 265–266).

Герои «Накануне» признают и вину постижимую: «не грешно ли, не безумно ли мне, мне, бездомному, одинокому, увлекать тебя с собою... И куда же!» (6, 252) – делится своими сомнениями с Еленой Инсаров. Он готов и к возмездиям свыше: «Так пусть же Бог накажет меня, <...> если я делаю дурное дело! С нынешнего дня мы соединены навек!» (6, 252). Героиню также не покидает чувство вины: «может быть, я против тебя виновата? Я тебе помешаю, я останю тебя...» (6, 266).

Сама Елена предполагает в себе «грешницу»: «Может быть, я большая грешница; может быть, оттого мне грустно, оттого мне нет покоя. Какая-то рука лежит на мне и давит меня» (6, 224). Трагическая сторона духовной жизни героини проявляется и в том, что Елена готова бросить вызов судьбе, дерзает укорять Бога: «самые молитвы не раз мешались с укором» (6, 182).

Как найти выход из подстерегающей человека трагедии? Тургенев стоит на пути к преодолению с христианских позиций трагического ощущения вселенского одиночества, космического пессимизма. Автор романа ведёт читателя к христианскому миропониманию.

Ветхая часовенка, где происходит объяснение Елены и Инсарова; обрывок, который вместе с родительским благословением отец Елены подарил ей, послушнице, на прощание; навеянные её сном «высокие белые башни с серебряными главами <...> это Соловецкий монастырь» (6, 295); мечты «жить на всей Божьей воле» (6, 183); Христова милостыня – все эти говорящие детали, мотивы, образы становятся знаками-символами, деликатно вводящими в подтекст повествования христианские душевспасительные идеалы.

ПОЭЗИЯ

Карина ИБРАГИМОВА

Внутренний голос подсказывает Елене: «я мало молюсь; надо молиться...» (6, 224). В этой «жажде и радости молитвы» (6, 290) – как общения души с Богом, творения с Творцом – человек способен обрести «успокоительное сознание прочного убежища, неизменной защиты, бессмертного покровительства» (6, 290).

Но жаркие молитвы рождаются в героине только на краю «бездны», а затем и вовсе замирают: «она опустила на колени, но молиться не могла. В её душе не было упреков; она не дерзала вопрошать Бога, зачем не пощадил, не пожалел, не сберёт, зачем наказал свыше вины, если и была вина? <...> Елена молиться не могла: она окаменела» (6, 297).

Это окаменение не равнозначно тому душевному состоянию, в котором Господь укорял учеников, неспособных уверовать во всемогущество Христа, не постигающих чудес Божьих: «ещё ли не понимаете и не разумеете, ещё ли окаменено у вас сердце?» (Мк. 8: 17). «Окамененное нечувствие» – ожесточение или непроницаемость сердца, которое не может уразуметь духовное, святое, не способно полностью положиться на волю Божию, довериться Христу. От такого сердца отдаляется благодать. Окаменевшие сердца неспособны к истинному покаянию, бесчувственны к Божьей правде, ко всему святому, возвышенному и подлинно героическому, ради чего только и стоит жить, и, если потребуется, пострадать и отдать жизнь свою. Христос учит: «где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6: 21). Сердце Елены отдано патристическому долгу, самоотверженному служению людям, выступившим за христианскую веру, за освобождение родной земли от поругания иноверцами.

Божью волю героиня приняла со смирением: «Ведь это было небо... а мы люди, бедные, грешные люди...» (6, 291). И как последнее прозрение: «Видно, так следовало; видно, была вина...» (6, 298).

Тургенев в романе «Накануне» размышлял: «Каждый из нас виноват уже тем, что живёт, и нет такого великого мыслителя, нет такого благодетеля человечества, который в силу пользы, им приносимой, мог бы надеяться на то, что имеет право жить» (6, 297).

В 50-м – покаянном – Псалме Давида содержится горячая молитва к Богу о прощении грехов, выражены чувства глубоко раскаявшегося человека: «Жертва Богу – дух сокрушен; сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит. <...> благоволиши жертву правды, возношение и всесожигаемая; тогда возложат на алтарь Твой тельцы» (Пс. 50: 19–21). «Приносите жертвы правды и уповайте на Господа» (Пс. 4: 6), – взывает псалмопевец.

Герои романа «Накануне» «вознесли» свои «жертвы правды», сожгли себя на поминальном кануне собственной жизни и смерти, словно предчувствуя «землю обетованную» в Господе. Любить же Бога «всем сердцем» и ближнего, «как самого себя», по слову Христа, «есть больше всех всесожженных и жертв» (Мк. 12: 33).

Так общая религиозно-философская направленность «Накануне», лирико-символические образы и обобщения, христианские аллюзии допускают возможность соединения художественного текста с евангельским контекстом, уведя в безграничные духовно-смысловые глубины.

Карина Рашитовна Ибрагимова – родилась в 1996 г. в г. Перми. В настоящее время живёт в Москве, учится в магистратуре на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. Занимается в пермской литературной студии «Тропа». Трёхкратный победитель Всероссийской олимпиады по литературе (2010, 2011, 2012). Лауреат краевого конкурса имени Валерия Деметьева, лауреат международного конкурса «Волшебная строка» (2010, 2011). Неоднократно выступала по краевому радио. Публиковалась в альманахах «Литературная Пермь», «Волшебная строка», «Зёрнышки» (2012), «Не жила Россия без талантов» (2011), «Здравствуй, город» (2013), «Тропинка в детство» (2013); журналах «Астафьевскими Метрами» (2011, 2012, 2014), «Мы – земляки» (2009, 2015); сборнике «Тропа. Избранное» (2011). Автор поэтических сборников «Горение вслух» (2013) и «Изюм и виноград» (2018).

Живёт в Перми.

«Пойдём же, друг, бродить по мостовым...»

Пойдём со мной

Москва уснёт, но мы с тобой пойдём
по этим мокрым улицам и крышам,
(как Данте и Вергилий!) – под дождём,
чтоб пение небесных сфер услышать,
и, под огнями сумрачных домов,
в дыму осеннем, в киновари листьев
мы наберём букеты новых слов
и бросим миру в лица эти лисьи.

Придут снега, но стоит ли дремать?
Коснись со мной холодного гранита:
мне надоело, друг мой, воевать,
мне надоело всеми быть забытой,
ведь я же не Алкей, не Феогнид,
мой жаждет флот открытия Америк!
Ведь что же ярче в юности блестит,
чем новый берег?

Пойдём же, друг, бродить по мостовым,
смотреть на кабаки и на вокзалы!
О счастье, шито ты из бересты:
легко порвать, легко начать сначала –
и так я начинаю новый лист,
по эту ли он сторону от рая?..
Пойдём со мной, покуда воздух чист,
я приглашаю!

Ворожея

Солнце снова в железо заковано,
И в осоке уснут вечера,
Я к избушке твоей заколдованной
Пробираюсь во тьме до утра.

Ворожея, подруга речистая!
Видишь – звёзды, как жар, горячи...
Слышишь – сердце моё огневистое
Лебедьми над Непрядвой кричит.

Не спасёшь меня в холод колодезный,
Хочешь – душу с размаху руби...
Мне признаться пред небом не боязно
В ветровой заплутавшей любви.

Что хвалиться мне памятной силою,
Ворожить над болотной водой?
Я хочу позабыть, чернокрылая,
Прежних мыслей настой травяной.

***

Закатятся и возвратятся солнца,
но что они? Нам – гроздья винограда,
хмельная ночь – и осень, осень, осень:
вот первая и горькая награда.
И падал снег.
Под ним дрожали крыши,
и краткий свет, как нож, разрезал полдень,
и если ты замолкнешь, то услышишь,
как умирает терпкое «сегодня».

Так стань мне божеством или проклятьем
на пару дней, оставшихся до лета,
взъерошенным стихом, который знать нам
не суждено без права и привета,
и пей до дна, не испытывавший страха,
расплёскивай по чашам эти песни!

Зови меня хоть птицею, хоть прахом:
когда же смолкнет солнце – мы воскреснем.

Аллюзия

Тянет ночь, кочующая, грузная –
не любя:

жизнь моя – огромная аллюзия
на тебя,

что, вздыхая, валится подкошено
сердцем – вниз,

если ты позволишь, тяжкой ношею
поделись.

Так – любовь и боль моя становятся
на ребро:

город этот – старая пословица,
тёмный брод,

кипятком – в сердца, в ладони снежные
жжётся – стих...

я хочу, чтоб ты сокрытой нежности
не постиг.

***

По пологим холмам – и в горячую слякоть,
– Так, что пышет дождём кровеносная сетка –
Я привыкла бросаться, как в реку – и плакать,
И шутить над собою колюче и метко.

Я уже не вернусь: ведь сюда уходящий
Не глядит впопыхах на пустые ошибки,
И забудется старая комната, ящик
Потускневших стихов, что колючи и зыбки,

И улыбка чужая – ненужным приветом
Проскользнёт по губам – и дыханье собьётся...
Я уже не вернусь: рассыпается лето
В прогоревшем и мутном сентябрьском солнце.

Купеческие висы

Море дымилось. Мы бросили якорь
там, у последнего фьорда,
чтобы потом, уезжая, заплакать
и отвернуться нетвёрдо.

Да! Мы носили рубахи по-русски,
как и барон, так и ленник,
здесь обещали нам странные сгустки
времени, счастья и денег.

Челюстью лязгая – мощной, балконной –
город рычал в непогоду.
В воду бросали мы старые кроны,
в жгучую, чёрную воду!

Этой воде ли простить нам печали,
дать индульгенции в руки?
Слышат ли волны, как стонут причалы,
полные снов о разлуке?

Мёду ли жаркого? Сизого шёлка,
что на базарах дамасских
взял моё сердце, как ты, незнакомка,
робостью, грустью и лаской?

Что тебе снится ночами скупыми
в северном робком сиянье?
Я сохраню – о, поверь! – твоё имя
запеленав его снами,

и, убаюкивая, как ребёнка,
с сердцем, подкошенным бредом,
я – ведь купец я! – на радость потомкам
в страны иные уеду.

И, меж крестовых походов и пыли,
в золоте пьяном приборя
 снова приснятся мне фьорды и мили,
небо моё молодое.

Мчись же, ладья – пусть охрипнут вороны,
пусть искажаются ноты!

В воду мы бросим старинные кроны,
в жгучую, чёрную воду.

***

Ночью останется только читать по-латыни,
брехать стихом и тугие верёвки плести...
Ходишь с пергаментом – даром что солнце не стынет,
значит, к восходу немного останется сил.

Пьёшь – не взахлёб, да и пинешь с неловкой оглядкой,
мол, разберёмся потом, а пока – карнавал!
Просишь огня, а дают отопления... Кратко:
я бы нашёл, если б ведал, чего я искал.

Всё – суета? Так скажи это другу и смейся,
лекции брось и молись на свою немоту;
все мы, как видно, немного данайцы-ахейцы:
лезем в нутро –
только видим в нутре пустоту.

Капает с крыши. Промокла под осень солома,
в серых хрущёвках синее включившийся газ.

Дай мне пергамент – и выпусти в полночь из дома,
дай мне смирения!

Только, молю, не сейчас.

***

В средневековой пустоте,
где ночь – от края и до края,
мы все – отчаянно не те,
и не живём, а умираем,

и рвётся чёрная строка
от строгости молитвослова
к окну, в витраж и облака
без дум и горького былого.

На что я трачу эту жизнь,
о чём кричу высоким слогом?
Номинализм и реализм! –
какая сухость, боги, боги...

Свою же праведную грусть,
по завещанию Эразма,
несу я к Вакху и молюсь
тайком об этом безобразье.

Я – жалкий грешник, чистый лист,
но всё же в чём-то разумею:
номинализм и реализм
мои не высушат идеи,

там, в монастырской пустоте,
сизжу, зажатый кельей тесной,
и к неизвестной красоте
слагаю сумрачные песни.

Монолог запертых ночью в музее

Какой там импрессионизм,
нам дайте бутербродов с чаем,
мы все порядком здесь серчаем,
что свет погас, а лифт завис.

О, мы блуждали в темноте,
как тени скорбные в Аиде,
без всякой надобности в гиде,
но с надобностью в красоте.

По залам влѣк нас этот пыл,
к груди прижали мы билеты!..
Но нас охранник не заметил:
и сам ушёл, и дверь закрыл.

Как душно здесь! Со всех сторон
белеют мраморные бюсты;
напрасно здесь, кося под Пруста,
искать утраченных времён,

одна лишь пыль покрыла зал...
Нам тут заночевать придѣтся?
С одной стены глядит уродец,
с другой картины – кардинал.

Мы повернули. И во тьме,
казалось, засияли стены:
полотна вспыхнули Гогена
в противовес седой зиме.

И мы стояли, онемев
от этой яркости безумной,
не замечая мглы чугунной,
сигнализации напев...

И уж поверьте, что, когда
открыл нам дверь освободитель,
билет мы взяли на Таити
и улетели навсегда.

Из цикла «Сентябрьские стихи»

***

Я училась всему: понемногу, помногу? – впустую,
ибо время меня не грызёт, не тревожит, не лечит;
это, может, и к лучшему. Так, подъезжая к столице,
я смотрю на рябину и рыжие мхи у дороги,
колоски и шиповник. Других я названий не знаю.
Мне хватает и тех, что могу удержать на мгновенье –
как горячие угли, как снежные искры в ладонях! –
ведь случайное слово всегда будет проще и ближе,
чем плетенье словес. Безопасней не думать, не помнить,
не привязывать встречи к домам, а тоску – к переулкам,
и, в какой-нибудь книге знакомое выискивая имя,
в тот же миг разучиться читать на родном языке.

***

К передвиженью по карте
нужен особый талант;
верхняя полка плацкарта,
снова я твой арестант.

Едем, качаемся в дрѣме,
тычемся в ком простыней,
чтобы услышать сквозь гомон
грѣзу свободы своей.

Полка с Вселенной мне узки,
но, растирая виски,
жажду вкусить среднерусской
средневековой тоски!

Ой, то не вечер для юных,
чѣрная шапка в снегу...
К чѣрту колѣса фортуны,
слышать о них не могу!

Стуком их ровным и рьяным
полнятся наши края:
здравствуй, Кармина Бурана,
милая песня моя.

Так всё отныне и будет
во времена перемен:
путь в никуда ниоткуда —
и растворенье во тьме.

***

в реке не страшно, там течёт вода,
офелии и рыбы плещут в бездне;
я столько лет карабкалась сюда,
что позабыла, для чего я лезу,
а в самом деле, Боже, для чего,
ты мне не говорил, а я не знаю,
плыву непотопляемым бревном
к калиточке потерянного рая.
а там закрыто. выключили свет.
мол, милая, и так уж много чести,
но я-то исполняла свой обет,
я думала, там будут Эвересты!
а это просто северный пейзаж
мне говорят: «вы этого хотели»
(таскаться, будто матушка Кураж,
нести пургу и торговать метелью?!)
тут нет трагедий, у меня есть дом,
там молоко и баночки из лаша:
в хранилище незначимых имён
так пошленько вершится повесть наша,
и я плыву – скорей бы уж, скорей! —
в реке не страшно, там не до балета,
и точно не до оперных ролей,
ведь всё равно выходит оперетта.

***

Я пишу тебе письма на жёлтой шершавой бумаге,
словно ранний романтик (а может, и бартовский скриптор,
языку подчинённый), мечась меж двумя берегами.
Эта комната осенью схожа с заброшенной криптой.
Заходи в катакомбы – я буду радушный хозяин,
я тебе на стене нарисую ягнёнка и рыбу.
Это будет наш завтрак: духовное светлое пламя
да цветной фолиант, привезённый тобой из Магриба.
В эти ветхие дни я сажаю на нитку сюжеты,
словно яркие бусины (вроде обычай навахо).
Ты не верь им, не верь: я всего лишь цепляюсь за лето,
но зимы не боюсь, потому что не ведаю страха.
Ты ко мне не придёшь: неприход твой сродни ритуалу,
как работа, метро, сериал, остывающий ужин,
я зову твою тень, только зова безмолвного мало:
мне так нужен мой голос, но разве я голосу нужен?..

Метаморфозы: уроки птичьего языка

Есть то, о чём я не могу писать,
пока не доучу, допустим, птичий
насмешливый пронзительный язык
без словарей и прочих упражнений.

Его слова наивны и светлы:
закрой глаза и повторяй за мною,
но помни: что с закатом значит «осень»,
с рассветом превращается в «весна».

Произносить не легче: сделай вдох,
пусть струны арфы вытянутся в горле,
и вспомни, что любовь подобна смерти,
и зазвучи, и в звуке задохнись.

С тех пор, как я учу его, мой слух
настроился на звон цветущей липы
и отторгает прочие слова,
которые я прежде так любила.

Я снова прихожу к тебе домой.
Там холодно. Зима грызёт деревья,
ты говоришь мне что-то; но на птичьем
звучат похоже «стой» и «уходи».

Переведи меня на твой язык,
переведи меня через дорогу,
я так хочу сказать тебе, что я...
Но я не помню слов, что шепчут люди,
зажатые меж тесных зимних рам
в томительном, горячечном ознобе
под музыку кипящей батареи,
в стеклянной клетке выбеленных стен!
Я – Филомела, лавровая ветвь,
я – Дафна в соловьином оперенье,
скажи мне, что твердят на грани сна,
какие песни посвящают страсти?..

Вот то, что было прожито давно:
когда я прохожу во тьме по парку,
ты следуешь за мной. Я слышу листья,
подёрнутые инеем и глением,
но стоит обернуться – пустота.
Ты существуешь и не существуешь,
такого слова не бывает в русском,
(другое есть, но я его не помню,
весьма невразумительный глагол).

Когда-нибудь я позабуду всё
расплывчатое, тёмное, простое
и клёкотом наполню этот дом.
Не вслушиваясь в лиственную речь,
я буду рвать сиреневые фразы;
отброшенные мною на асфальт,
они твоё всегда слагают имя:

бескрылых букв бессмысленный набор.

Золото

Возьми моё молчание, которое золото,
и дай мне простой фарфор.
Всем сёстрам по серьгам из слитка размолотого,
мне – разговора сор.

Потому что из любого узелка – хоть Гордиева! –
я одна расплету, смеясь,
карфагенские косы буйного норова,
коммуникаций вязь.

Даже в злом завихрении спора, как омута,
знай, водица моя чиста;
возьми моё молчание, которое золото,
и я разомкну уста.

ЮБИЛЕЙ

Николай КАРТАШОВ

Поэт из глубины народа

В конце прошлого года литературная общественность отметила 210-летие со дня рождения поэта-самородка Алексея Кольцова. Значимая дата, имеющая отношение к творчеству поэта, есть в этом году. Ровно 185 лет назад в Москве в типографии Н. Степанова вышел в свет первый сборник стихов Кольцова. К слову сказать, единственный при его жизни. Судьба-горемыка не баловала поэта, да и пожил он на белом свете совсем мало. Впрочем, обо всём по порядку.

В январе 1831 года на страницах «Литературной газеты» было опубликовано стихотворение «Перстень» никому не известного автора Алексея Кольцова. Оно было сопровождено следующим

Николай Александрович Карташов – родился в 1957 г. на Белгородчине. Окончил Воронежский государственный университет и Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище. Проходил службу в Вооружённых Силах и правоохранительных органах. Автор и составитель более 20 книг, среди которых «Мытари», «Верую в верность», «Солдаты казны», «Служивый народ», «Станкевич», «Жизнь Станкевича», «Крамской», «Ватутин», и других. Секретарь Союза писателей России. Член правления Московской городской организации Союза писателей России. Удостоен государственных, ведомственных и общественных наград. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат ряда творческих премий. Живёт в Москве.

Портрет А. Кольцова

предисловием: «Вот стихотворение самородного поэта, г. Кольцова. Он воронежский мещанин, и ему не более двадцати лет от роду; нигде не учился и, занятый торговыми делами по поручению отца, пишет часто дорогою, ночью, сидя верхом на лошади. Познакомьте читателей “Литературной газеты” с его талантом». Рекомендательные строки были подписаны загадочной криптонимной подписью: «Н. С – ч». Ниже были помещены и сами стихи:

*Я затеплю свечу
Воску ярова,
Распаяю кольцо
Друга милова.*

*Загорись, разгорись,
Роковой огонь,
Распай, растопи
Чисто золото.*

*Без него – для меня
Ты ненадобно;
Без него на руке –
Камень на сердце.*

*Что взгляну – то вздохну,
Затоскуюся,
И зальются глаза
Горьким горем слез.*

*Возвратится ли он?
Или весточкой
Оживит ли меня,
Безутешную?*

С этого стихотворения, можно сказать, и начался путь в большую поэзию певца земли русской Алексея Васильевича Кольцова (1809–1842). А первооткрывателем поэта стал студент Московского университета Николай Владимирович Станкевич. Именно он скрывался под криптонимной подписью «Н. С – ч». Тот самый Станкевич, организатор и глава знаменитого впоследствии московского литературно-философского кружка, в состав которого входили Виссарион Белинский, Тимофей Грановский, Константин Аксаков, Михаил Бакунин, Януарий Неверов, Василий Красов, Михаил Катков, Иван Тургенев... Их имена и по сей день составляют гордость нашей словесности.

Существует множество версий знакомства Станкевича и Кольцова. В «Былом и думах» А.И. Герцена читаем: «В Воронеже Станкевич заглаживал иногда в единственную тамошнюю библиотеку за книгами. Там он встречал бедного молодого человека простого звания, скромного, печального. Оказалось, что это сын прасола, имевшего дела с отцом Станкевича по поставкам. Он приглубил молодого человека; сын прасола был большой начётчик и любил поговорить о книгах. Станкевич сблизился с ним. Застенчиво и боязливо признался юноша, что он и сам пробовал писать стишки, и, краснея, решил их показать. Станкевич обомлел перед громадным талантом, не сознающим себя, не уверенным в себе. С этой минуты он его не выпускал из рук до тех пор, пока вся Россия с восторгом перечитывала песни Кольцова. Весьма может быть, что бедный прасол, теснимый родными, не отогретый никаким

участием, ничьим признанием, изошёл бы своими песнями в пустых степях заволжских, через которые он гонял свои гурты, и Россия не услышала бы этих чудных, кровно-родных песен, если б на его пути не стоял Станкевич».

Аналогичную аргументацию приводит П.В. Анненков: «Мы убеждены, что стихотворство сблизило Станкевича с Кольцовым. Кольцов брал книги из единственной тогда в Воронеже библиотеки, куда часто заходил и Станкевич; да по разнообразным перекупкам и поставкам своей фамилии Кольцов бывал и в пансионе. Не надо обладать большой долей фантазии для предположения, что их связала тайная страсть к стихотворству, взаимно открытая друг у друга. По преимуществу образования Станкевич сделался покровителем поэта-торговца, указывал ему книги для прочтения...».

Ещё одно свидетельство находим у В.Г. Белинского: «Слух о самородном таланте Кольцова дошёл до одного молодого человека, одного из тех замечательных людей, которые не всегда бывают известны обществу, но благовеинные и таинственные слухи о которых переходят иногда и в общество из тесного кружка близких к ним людей. Это был Станкевич, сын воронежского помещика, бывший в то время в Московском университете и приезжавший на каникулы в свою деревню, а оттуда иногда в Воронеж. Станкевич познакомился с Кольцовым, прочёл его опыты и одобрил их».

Один из биографов Кольцова – В.В. Огарков также склонен считать, что знакомство Станкевича с поэтом-прасолом произошло в Воронеже. В очерке «Алексей Кольцов. Его жизнь и литературная деятельность», написанном в 1892 году, Огарков рассказывает: «...Кольцов познакомился с человеком совсем иного калибра. Это знакомство имело громадное влияние на всю его последующую жизнь и литературную известность и ввело скромного воронежского прасола в круг людей, при имени которых благовеинно сжимается сердце у всякого образованного русского. Это был Николай Владимирович Станкевич... Знакомство его с поэтом-прасолом произошло в 1830 году, в один из приездов Станкевича, бывшего в то время студентом Московского университета, в свою деревню (Острогжского уезда) на каникулы. Из деревни Станкевич довольно часто приезжал в Воронеж, где, вероятно, и познакомился с Кольцовым в единственной книжной лавке, у Кашкина».

Однако Я.М. Неверов, близкий друг Станкевича, пишет об их встрече совсем иначе: «Не помню точно, в 1835 или 1836 г., Станкевич сообщил мне о своём знакомстве с Кольцовым, которое произошло следующим образом. Отец Станкевича имел винокурный завод, куда местные торговцы скотом (прасолы) пригоняли свои гурты для корма бардою. Разумеется, молодой Станкевич не имел никаких сношений с этими лицами. Однажды, ложась спать, он долго не мог найти своего камердинера, и когда последний явился, то, на замечание Станкевича, привёл такое оправдание, что вновь прибывший прасол Кольцов за ужином читал им такие песни, что они все заслушались и не могли от него отстать. При этом камердинер сказал несколько оставшихся у него в памяти куплетов, которые и на Станкевича произвели такое впечатление, что он пожелал лично узнать от Кольцова, откуда он достал такие прекрасные стихи. На другой день он пригласил его к себе и, к удивлению своему, узнал, что автор этих стихов сам Кольцов. Разумеется, Станкевич тотчас же попросил его передать ему все стихотворения и, напечатав их отдельно брошюрою, прислал ко мне в Петербург».

Он же, Неверов, после появления версии Анненкова, что знакомство Станкевича и Кольцова состоялось в книжной лавке Кашкина или в

пансионе Фёдорова, ответил одному из исследователей жизни Кольцова Де-Пуле со всей определённою: «Анненков положительно ошибается, говоря, что Станкевич познакомился с Кольцовым в книжной лавке или в пансионе; знакомство могло поддерживаться там, но началось именно так, как я писал Вам. Рассказ Станкевича у меня живо сохранился в памяти, я не могу только сказать, когда именно состоялось это знакомство, и, конечно, не помню, какие именно песни читал Кольцов людям Станкевича».

Иными словами, близкий друг Станкевича настаивал на знакомстве в имении Станкевичей – Удеревке.

Дореволюционный историк литературы, библиограф, он же автор-составитель и редактор первого академического издания сочинений Кольцова (Кольцов А.В. Полное собрание стихотворений. Выпуск 1 / под редакций и с примечаниями А.И. Лященко. – СПб.: Императорская Академия наук, 1909. – Н.К.) А.И. Лященко придерживается свидетельства Неверова: «Счастливые обстоятельства сблизили поэта в это время с человеком, давшим Кольцову не менее чем Сребрянский. Это был блестящий по уму и способностям, хорошо образованный и влиятельный среди московской учащейся и мыслящей молодёжи Николай Владимирович Станкевич, сын воронежского помещика. Знакомство с ним состоялось при оригинальных обстоятельствах...». И далее Лященко полностью приводит рассказ Неверова.

Известный современный исследователь жизни и творчества Кольцова Н.Н. Скатов также склонен верить Неверову: «...В 1830 году, в острогожской деревне он (Станкевич – Н. К.) так чутко воспринял талант Кольцова и так точно и раньше всех понял, в чём заключается суть этого таланта, а к 1831 году эта суть уже вполне определилась: достаточно сказать, что была написана “Песня пахаря”».

Свидетельство Неверова имеет некоторое сходство с легендами, которые вот уже сто девяносто лет передаются из поколения в поколение земляками Станкевича. Причём излагают они их живо, увлечённо, как будто всё это произошло совсем недавно, а сами рассказчики при сем незабываемом событии присутствовали.

Между тем послушаем «очевидцев». По их словам, встреча Кольцова и Станкевича произошла необычно и случайно. Было это летом. Кольцов гнал по степи гурт скота. Думая, что его никто не слышит, распевал песни на собственные стихи. Близ села Верхний Ольшан его встретил едущий в коляске барин во фраке, цилиндре и белых перчатках. Именно в белых перчатках, любят подчёркивать земляки. Это был старший сын местного пана Станкевича – Николай, возвращавшийся из своего имения, села Удеревки. Он подошёл смущённого Кольцова, спросил, что за дивные песни тот поёт. Узнав, что прасол распевает песни собственного сочинения, пригласил его в своё имение, попросил показать имеющиеся стихи, которые были написаны карандашом на обрывках листов, и взял их себе. Было это в 1830 году.

А вот вторая легенда. Её рассказала автору этой статьи его покойная бабушка Пелагея Акимовна, в девичестве Даньшина, чей отец владел большой пасекой и ветряной мельницей и был вхож в семейство Станкевичей. По признаниям других родственников, он даже состоял в каком-то родстве с этой дворянской семьёй.

Итак, неподалёку, километрах в семи от усадьбы Станкевичей, есть упомянутое село Верхний Ольшан. Некогда это был город-крепость Ольшанск, входивший в число крепостей Белгородской засечной (оборонительной) черты

для охраны южных границ от ногайцев и крымцев. Там жила тётка Станкевича – Мария Фёдоровна Бояркина. Племянник часто у неё гостил. Бывало это тогда, когда Станкевич ехал в Воронеж или возвращался оттуда. Дорога шла через Верхний Ольшан, и миновать дом тётки никак было нельзя. Навещал он её в каникулы, что обычно случалось во время охоты. Набродившись с ружьём по окрестным перелескам и лугам, он вместе с собакой Дианой любил отдохнуть у родственников.

Бывал в этих краях и Алексей Кольцов. Однажды зимой он гнал гурты скота в имение к отцу Станкевича. В дороге его и спутников застала сильная метель. Уставшие, измученные и замёрзшие, они нашли временное пристанище в Холодном Яру, где их обнаружили мужики из дома Станкевичей.

Как водится в таких случаях, мужики пришли на выручку, помогли гуртовщикам, привели их в дом. Отогревшись, Кольцов в знак благодарности стал с искренним удовольствием петь свои песни спасителям.

Станкевич в это время находился дома и собирался ложиться спать, но никак не мог дозваться придворного дядьку Ивана. Когда тот пришёл, Николай спросил его, где он был так долго.

– Скот отцу вашему Владимиру Ивановичу пригнали, – объяснил камердинер. – Не окажись в Холодном Яру наших мужиков, помёрзли бы гуртовщики в такую стужу. Прасол среди них есть. Алексеем зовут. Он на радостях нам пел песни свои... Очень хорошие. Я не слышал таких раньше. Вот я, паньч, их и заслушался...

И слуга прочитал запомнившиеся ему строчки:

*Вьюги зимние,
Вьюги шумные
Напевали нам
Песни чудные,
Наводили сны,
Сны волшебные,
Уносили в край
Заколдованный...*

Как дальше гласит легенда, Станкевич немедленно послал Ивана за прасолом. Тот вскоре привёл малорослого, коренастого юношу со скуластым лицом и с очень пытливым, наблюдательным взглядом. При виде барина Кольцов растерялся. От нахлынувшего волнения не знал, что и сказать. Начал заикаться. Но надо было знать Станкевича. Простой в общении и добрый по натуре, он сразу расположил к себе Кольцова. После знакомства начался их разговор, продолжавшийся до самого утра. Станкевич, как и его дворовые люди, тоже заслушался дивными песнями прасола. Одну из них – «Песню» – он трижды просил Кольцова повторять вслух. А тот, потеряв смущение, звучным голосом пел:

*Если встречу с тобой
Иль увижу тебя, –
Что за трепет-огонь
Разольётся в душе!
Если взглянешь, душа, –
Я горю и дрожу,
И бесчувствен и нем,
Пред тобою стою!*

*Если молвишь мне что,
Я на речи твои,
На приветы твои,
Что сказать, не сыщу.*

Расставаясь, Станкевич попросил Кольцова принести ему все имеющиеся при нём стихи и песни.

– Я попробую их издать, – сказал Станкевич, подавая на прощание руку и дружелюбно улыбаясь новому знакомцу.

Не ведал скромный прасол, что совсем скоро он будет знаменит. Очень знаменит. Его песни – величавые, как родные степи и поля, звонкие, как церковные колокола, тёплые и отзывчивые, как души русских людей, – будут знать и петь вся Россия.

Совершенно очевидно, в ту памятную ночь Кольцов рассказал Станкевичу и о том, как в первый раз сочинил стихи. Брат под сомнение этот факт трудно, поскольку кольцовский рассказ можно встретить в мемуарах, письмах людей, в разное время встречавшихся с поэтом. Ясно, что Станкевич, являясь едва ли не первым профессиональным слушателем стихов Кольцова, по определению, не мог его об этом не спросить.

В данном контексте процитирую рассказ Кольцова, записанный известной русской писательницей А.Я. Панаевой и напечатанный в 1889 году в её книге «Воспоминания». «Я (Кольцов – Н. К.) ночевал с гуртом отца в степи, ночь была тёмная-претёмная и такая тишина, что слышался шелест травы, небо надо мною было тоже тёмное, высокое, с яркими мигающими звёздами. Мне не спалось, я лежал и смотрел на небо. Вдруг у меня стали в голове слагаться стихи; до этого у меня постоянно вертелись отрывочные, без связи рифмы, а тут приняли определённую форму. Я вскочил на ноги в каком-то лихорадочном состоянии; чтобы удостовериться, что это не сон, я прочёл вслух свои стихи. Странное я испытывал ощущение, прислушиваясь сам к своим стихам».

Таковы лишь некоторые документальные и художественные доказательства (если их таковыми можно считать) о встрече двух замечательных личностей. Но кому из написавших людей всё-таки верить? Близким родственникам? Другам? Биографам? Литераторам? А может быть, даже легенде?

Автору этих строк наиболее близкой к истине кажется изложенное выше утверждение одного из самых близких друзей Станкевича – Я.М. Неверова, которому Станкевич сам сообщил о своём знакомстве с Кольцовым, а также о том, как и при каких обстоятельствах оно произошло. В свою очередь, другие приведённые версии людей, знавших и Станкевича, и Кольцова, таких доказательств не содержат.

Вместе с тем, точного ответа на поставленные автором вопросы нет и, скорее всего, не будет никогда, поскольку ни Станкевич, ни Кольцов не оставили после себя письменных свидетельств о времени и месте своего знакомства. Поэтому сегодня, думается, не столь принципиально, где же всё-таки оно состоялось: в книжной лавке или в имении Станкевичей? Главное, что оно состоялось. И особенно важно значение самой встречи. Оно просто неоценимо. Неоценимо уже хотя бы потому, что благодаря Станкевичу Россия обрела настоящего народного поэта.

Именно Станкевич стоит у истоков кольцовской поэзии как её первооткрыватель. По сути, он стал литературным Колумбом, который открыл поэта, чей голос зазвучал искренне и звонко. Именно так, как должна звучать настоящая поэзия.

Опубликование стихотворения, безусловно, дало начинающему поэту уверенность в своих силах, подбодрило его, а также принесло ему даже некоторую известность. Во всяком случае, в Воронеже к нему стали относиться уже как к печатавшемуся литератору. И печатавшемуся в «Литературной газете», авторами которой были Василий Жуковский, Александр Пушкин, Пётр Вяземский, Владимир Одоевский, Евгений Баратынский, Николай Языков, Дмитрий Веневитинов...

Весной того же года Кольцов собственной персоной заявился к своему литературному покровителю в Москву. Молодой стихотворец остановился у Станкевича, который принял его сердечно, как родного, и ввёл в круг своих товарищей.

Из той первой поездки Кольцов вернулся окрылённый. Встречи с людьми добрыми и светлыми и, в первую очередь, со Станкевичем, Виссарионом Белинским оставили в его сердце неизгладимое впечатление. От новых друзей, собственно, и получил Кольцов благословение на своё дальнейшее поэтическое творчество.

А в 1835 году увидел свет и первый сборник поэта-самородка. Накануне Станкевич сообщил Неверову: «Мы издаём стихотворения Кольцова. Когда они выйдут, пожалуйста, напиши об них в “Северной пчеле”, что ты думаешь; а то наврёт какой-нибудь неуч. Пиши беспристрастно, ты, верно, найдёшь в них хорошее, а недостатков не скрывай, ты выскажешь их так, как может высказать человек, уважающий чувство, в какой бы оно форме ни явилось».

К этому времени Станкевич и Кольцов уже знали друг друга почти пять лет. Их связывала настоящая дружба. Хотя, надо заметить, в ту пору не приветствовались близкие отношения богатых и бедных, «благородное» сословие и «хамов» разделяли чуть ли не крепостные стены. И это, безусловно, делает честь дворянину Станкевичу, для которого был важнее человек, нежели его принадлежность к тому или иному социальному классу.

Вообще чем-то радужным и светлым веет от отношений этих двух замечательных людей. В каждый свой приезд в Воронеж Станкевич обязательно встречался с Кольцовым. В письмах последнего находим тому подтверждение: «Николай Владимирович Станкевич уехал в Острогжск, хотел быть в октябре, но до сих пор ещё не проезжал через Воронеж...»; «Станкевич был у меня проездом...».

Конечно, сейчас невозможно в деталях воссоздать их личные встречи. Но известно, что Станкевич всегда был рад приезду Кольцова, водил его по улицам Первопрестольной, показывал достопримечательности. Вместе они посещали Кремль, собор Василия Блаженного, бывали у Царь-пушки, у Царь-колокола...

И, понятно, вели многочасовые беседы. Вне всякого сомнения, говорили они обо всём. Как и подобает друзьям. Обсуждали дела житейские. Читали стихи. Так, читая как-то любовную сцену из «Ромео и Джульетты» Шекспира, Кольцов восторженно воскликнул:

– Эфто! Вот был истинный поэт! А я что, какой мой талант? Ледащий!

Размышляли о порядках в России. Касаясь темы просвещения народа, Станкевич считал, что все бедствия случаются от невежества большей части граждан. Кольцов соглашался и грезил возвести в центре Воронежа на Дворянской улице большой дом, а в нём устроить книжный магазин и библиотеку для своих земляков.

Но вернёмся к сборнику стихов. Он был напечатан в Москве в типографии Николая Степанова и назывался просто «Стихотворения Алексея Кольцова». Книга получилась неброская, точнее брошюра, – всего 40 страниц. На обложке нет никаких украшений, за исключением небольшой строгой гравюры-политипажа на титульном листе. Тираж – ровня нынешним скромным тиражам. Сборник продавался по два рубля за экземпляр. Издание было осуществлено при непосредственном участии Станкевича, в том числе и на его деньги. Станкевич отобрал для сборника 18 стихотворений, в том числе «Песня старика», «Сестре при посылке стихов», «Удалец» (Мне ли, молодцу разудалому...), «Великая тайна. Дума», «Люди добрые, скажите», «Вздых на могиле Веневитинова», «Песня» (Ты не пой, соловей...), «Первая любовь», «Не шуми ты, рожь», «Путник», «Видение Наяды», «Пирушка русских поселян», «Маленькому брату», «К.Н.» (Опять тоска, опять любовь...), «Размышления поселянина», «К другу» (Развеселись, забудь, что было...), «Песня пахаря» (Ну! тащися, сивка...), «Совет старца».

Тогдашняя отечественная поэзия ещё не знала такого всплеска и порыва чувств, как их сумел от всей души выразить Кольцов. В его песнях искренне и размашисто зазвенела, словно коса в луговых травах, душа народная. Всё, в них изображённое, запечатлённое, было для поэта не частью чужьей-то посторонней судьбы, а своим, увиденным, пережитым и выстраданным в сердце:

*Ты не пой, соловей,
Под моим окном;
Улети в леса
Моей родины!*

*Полюби ты окно
Души-девицы...
Прошебечь нежно ей
Про мою тоску;*

*Ты скажи, как без ней
Сохну, вяну я,
Что трава на степи
Перед осенью.*

*Без неё ночью мне
Месяц сумрачен;
Среди дня без огня
Ходит солнышко.*

Или:

*Оседлаю коня,
Коня быстрая,
Я помчусь, полечу
Легче сокола.*

*Чрез поля, за моря,
В дальнюю сторону –
Догоню, ворочу
Мою молодость!*

*Приберусь и явлюсь
Прежним молодцем,
И приглянусь опять
Красным девицам!*

*Но, увы, нет дорог
К невозвратному!
Никогда не взойдёт
Солнце с запада!*

Литературная критика достаточно благожелательно приняла сборник самобытного поэта. Тот же Неверов опубликовал сразу две статьи о Кольцове. Сначала в журнале «Сын Отечества», одном из старейших и почитаемых печатных изданий России.

«Жизнь поэтов и художников должна быть известна публике, – отмечал он в статье “Поэт-прасол”, – иначе она не может вполне понимать их, вполне им сочувствовать. Эта истина давно всем известна, но для неё до сего времени у нас весьма мало сделано. Мы были как-то невнимательны к нашим поэтам и литераторам, не старались узнать частную их жизнь, в коей, как в фокусе, сосредоточены все тайные движения души, породившие то или другое произведение – и потому нам трудно дойти до общего взгляда на историю нашей литературы, до полного объёма нашей духовной деятельности. Мы вовсе почти не знаем, как развивались, как мужали отечественные наши таланты; мы видим только, что они сделали, но не понимаем, почему делали так, а не иначе, что призваны были сделать, и как исполнили своё призвание. Такое невнимание к жизни литераторов вредно для успехов словесности и несправедливо в отношении к лицам для неё трудящимся. Эти причины позволяют нас короче ознакомить публику с г. Кольцовым, тем более что талант его представляет явление замечательное даже в психологическом отношении, как сильное стремление души вопреки всем обстоятельствам, средствам и отношениям жизни».

Вторую рецензию о поэте-самородке Неверов поместил в не менее уважаемом «Журнале Министерства народного просвещения». По сути, это была первая попытка оценить творчество молодого талантливого поэта: «Вскоре... случай свёл г. Кольцова с другим молодым литератором, который заметил этот талант в тиши, в безвестности напевавший сладкие и приятные песни, вверявший мечты и жизнь бумаге, коей, казалось, суждено было быть безответною могилою этих поэтических отголосков. Кольцов был понят, оценен – и молодой литератор великодушно взял на себя труд и издержки печатания».

Правда, за эти слова Неверову досталось от Станкевича, который хотя и не в резкой форме, но всё же выразил тому своё неудовольствие: «Я не сердился, а смеялся за строки, напечатанные тобой в “Сыне Отечества”. Шут! С чего тебе вздумалось величать меня литератором и великодушным? Ведь ты очень хорошо знал, что прославление моего великодушия вовсе мне не приятно...»

Неверов, хотя и получил на орехи от Станкевича, исправно отчитался о выполнении поручения. «Как скоро появилась в Петербурге эта брошюра («Стихотворения Алексея Кольцова» – Н.К.), – писал Неверов, – я тотчас же напечатал о ней статьи в “Сыне Отечества” и в “Журнале Министерства просвещения”. До того времени я и имени не знал нового поэта и, получив брошюру, я весьма сочувственно отнёсся к этому новому в нашей литературе

деятелю. Вскоре после этого Кольцов сам приехал в Петербург и, конечно, встретил от меня радушный приём, постоянно бывал на моих литературных вечерах, где и познакомился с литературной молодёжью. Кроме того, я его рекомендовал Краевскому и Одоевскому, через них он получил доступ к Жуковскому, который представил его Государю...».

Кроме Неверова, Станкевич сделал «строжайший выговор» и Белинскому за попытку последнего сказать о нём в предисловии к сборнику как о материальном покровителе издания. После этого Белинский уже никогда не писал о Станкевиче как спонсоре. Зато в рецензии «Стихотворения Кольцова», опубликованной в 1835 году в журнале «Телескоп» (ч. XXVII), он обстоятельно и предметно представил читателям творчество поэта-самородка.

«Немного напечатано их из большой тетради, – написал он о кольцовских стихах, – не всё из напечатанных равного достоинства; но все они любопытны как факты его жизни... Большая часть положительно и безусловно прекрасна. Почти все они имеют близкое отношение к жизни и впечатлениям автора и потому дышат простотою и наивною выражения, искренностию чувства, не всегда глубокого, но всегда верного, не всегда пламенного, но всегда тёплого и живого... поэзия Кольцова так проста, так неизысканна и, что всего хуже, так истинна! В ней нет ни диких, напыщенных фраз об утёсах и других страшных вещах; в ней нет ни моху забвения на развалинах любви, ни плотных усестов, в ней не гнездится любовь в ущельях сердец, в ней нет ни других подобных диковинок».

Завершая критический разбор стихов поэта-самородка, Белинский от имени друзей Станкевича вопрошал: «Не знаем, разовьётся ли талант Кольцова или падёт под игом жизни? – Этот вопрос решит будущее, нам остаётся только желать, чтобы этот талант, которого дебют так прекрасен, так полон надежд, развился вполне. Это много зависит и от самого поэта...».

Безусловно, эти лестные и даже где-то восторженные отзывы сыграли свою роль, как бы сейчас сказали, в продвижении имени поэта-самородка. Неслучайно маленькая книжка вскоре принесла прасолу известность в литературном мире, дала возможность очутиться в обществе «славной стаи» писателей, подружиться со многими известными поэтами. И опять же во многом благодаря Станкевичу. Через него молодой поэт приобрёл полезные и необходимые для себя знакомства сначала в Москве, а в последующем и в Петербурге. Современные исследователи насчитали их порядка полусотни! Например, в северной столице Кольцов был доброжелательно принят В.А. Жуковским, В.Ф. Одоевским, П.А. Вяземским, другими известными поэтами и писателями.

Наконец, Кольцов познакомился с самим «богом поэзии» – Александром Сергеевичем Пушкиным. Через полгода в статье «Письмо к издателю», опубликованной в «Современнике», опровергая мнение, будто в последнее время замечено «равнодушие к поэзии», Пушкин на примере Кольцова, наоборот, указал на интерес к поэзии: «Кольцов обратил на себя общее благосклонное внимание». Лаконичная и точная формулировка великого поэта. Именно «общее» и именно «благосклонное внимание».

В то же время надо иметь в виду, что далеко не всем, особенно некоторым вельможным столичным литераторам, пришёлся к их писательскому двору поэт-самородок, поэт-самоучка, поэт-прасол из воронежских степей. Одни принимали его как диковинку, смотрели на него, как смотрят на заморского зверя. Другие взирали на Алексея Кольцова с плохо скрываемым чувством собственного превосходства, высокомерия и пренебрежения, мол, каждый

сверчок должен знать свой шесток. Третьи вообще старались его не замечать, поворачивались спиной.

Известный московский литератор (якобы Надеждин), как-то общаясь со Станкевичем и Белинским, издевательски заявил им:

– Что-де вы нашли в этих стишонках, какой тут талант? Да это просто ваша мистификация: вы просто сами сочинили эту книжку ради шутки!

Популярный поэт Нестор Кукольник, автор нашумевшей в то время «Роксоланы», встретившись с Кольцовым, высокомерно протянул ему два пальца. Кольцов в ответ лишь усмехнулся, понимая, что для вельможного Кукольника он всего лишь погонщик скота, степняк, мужик...

Некоторые литераторы не находили ничего поэтического в стихах поэта-прасола. В те годы в почёте были другие авторы. К примеру, в обеих столицах чуть ли не захлёбывались от восторга, читая трескучие романы Марлинского, и находили величайшую прелесть в таких цветистых строках Бенедиктова, как «мох забвения на развалинах любви», «любовь, гнездящаяся в ущельях сердец», «снег на сердце; но то не снег долин».

Действительно, лишь немногие русские поэты того времени имели столь шумную, хотя и «сезонную» популярность, как Бенедиктов. «...Не один Петербург, вся читающая Россия упивалась стихами Бенедиктова, – вспоминал поэт Яков Полонский, – он был в моде. Учителя гимназий в классах читали стихи его ученикам своим, девицы их переписывали, приезжие из Петербурга молодые франты хвастались, что им удалось заучить наизусть только что написанные и ещё нигде не напечатанные стихи Бенедиктова».

Разумеется, таких «знатоков» поэтического слова простые и искренние песни Кольцова вряд ли могли удовлетворять. Биограф Кольцова – Огарков писал: «И, понятно, им не мог нравиться подстриженный в скобку, в длинной чуйке прасол, слишком походивший по виду на обыкновенного, вульгарного человека. Но если бы эти господа знали, как этот простоватый человек, скромно сидя в уголке на их блестящих собраниях, смотря исподлобья и тихонько покашливая в руку, – как этот прасол отлично видел их собственные недостатки! Как он умел, несмотря на свою необразованность, проницательно угадывать под звоном фраз умственное убожество! Удивились бы сильно они, если бы слышали, с какою иронией говорил и писал о них поэт и как он мастерски очерчивал их спесь и хвастовство».

По словам Белинского, не было человека, более зоркого, проницательного и догадливого, чем Кольцов с его спокойным и покорным видом: он распознавал людей сквозь кору наносной культуры и цивилизации и судил о них очень правильно и самостоятельно.

Подтверждение этому находим и в воспоминаниях известного литератора И.И. Панаева, который отмечает в Кольцове блеск ума, тонкость и наблюдательность по отношению к подобного сорта литераторам.

– Эти господа, – сказал с лукавою улыбкой Кольцов Панаеву, – несмотря на их внимательность и ласки ко мне, смотрят на меня как на совершенного невежду, ничего не смыслящего, и презабавно хвастают передо мною своими знаниями, пускают пыль в глаза... Я слушаю их, разиня рот, и они остаются очень довольны, между тем я их вижу насквозь... Они на меня совсем как на дурачка смотрят...

Так поэт-самородок в разговорах воздавал должное своим некоторым высокомерным знакомым. Ответы им Кольцов даёт и в ряде писем. В частности, в письме Белинскому он довольно резко высказывается о столпах поэзии

Василии Жуковском, Павле Вяземском, редакторе «Отечественных записок» Андрее Краевском: «Жуковский принял меня два раза что-то очень холодно, так что к нему пойду разве по делу или проститься. Вяземский тоже холодной прежнего, даже сух. Краевский поважнел и погордел, и немного суше... Да, новость: я в этот раз вдвое поумнел противу прежнего; так славно толкую, говорю уверенно, спорю, вздорю, что беда... В первый раз я всё больше разыгрывал молчанку, а теперь – дудки. Нет, братцы, лихо говорю; это правда, что оно поподручней; а мне, ей-богу, что-то хочется и самому кой-кого... одурачить; пусть наши копыты помнят».

Как уже отмечалось, Кольцов обладал природным умом. И все же, того образования, какое имел Станкевич, его друзья, ему не хватало. Кольцову в диковинку было слышать ставшими привычными для круга Станкевича слова «абсолют», «субстанция», «воплощение духа в природе», «субъект и объект». Понимание их, конечно, не далось поэту и впоследствии, о чём он признавался в одном из писем к Белинскому: «Субъект и объект я немножко понимаю, а абсолюта – ни крошечки, – впрочем, о нём надо говорить долго, – а если и понимаю, то весьма худо; хорошо тогда понимать, когда сам можешь передать; без этого понятия не понятия».

Действительно, вопросы «о тайнах неба и земли», которые обсуждались в кружке Станкевича, сильно озадачивали Кольцова. Однако интерес к философским занятиям у него огромен. Неслучайно в тот период поэт пишет много дум. Его думы, по определению Белинского, особый и оригинальный род стихотворений. Конечно, Кольцов не являлся первооткрывателем этого жанра. Написание дум было характерно для украинской поэзии. Но Кольцов знал украинское народное творчество, поскольку во многих уездах Воронежской губернии, которую он изъездил вдоль и поперёк, проживали выходцы из Малороссии. От них он впервые и услышал стихи-раздумья.

Кольцовские думы того периода – это результат его поездок в Москву, встреч с друзьями и, в первую очередь, со Станкевичем. Именно влияние последнего ощущается в содержании его стихов. В таких стихотворениях, как «Великая тайна», «Неразгаданная истина», отражены вопросы смысла жизни, сущности и цели человеческого бытия. Например, Станкевич писал: «Смерть есть разрушение, разрушение в природе есть перерождение из одного состояния в другое. Смерть одного звена природы есть рождение другого. Вода, уничтожаясь, переходит в пары, воздух делается водою, человек становится землёю, земля перерождается в растение (разумеется, при условиях)». Эти мысли Кольцов довольно точно передал в думе «Великая тайна»:

*Тучи носят воду,
Вода поит землю,
Земля плод приносит;
Бездна звёзд на небе,
Бездна жизни в мире;
То мрачна, то светла
Чудная природа...*

А вот строки из думы «Царство мысли»:

*Повсюду мысль одна – одна идея,
Она живёт и в пепле, и в пожаре;
Она и там – в огне, в раскатах грома;*

*В сокрытой тьме бездонной глубины;
И там, в безмолвии лесов дремучих;
В прозрачном и плавучем царстве вод глубоких,
В их зеркале, и в шумной битве волн,
И в тишине безмолвного кладбища;
На высях гор безлюдных и пустынных;
В печальном завываньи вьюг и ветра;
В глубоком сне недвижимого камня;
В дыхании былинки молчаливой;
И в дикой силе львиной мышцы крепкой;
В судьбе народов, царств, ума и чувства, всюду –
Она одна – царица бытия!*

В этих строках ощущается близость и родство тех взглядов, настроений, идей, которые господствовали в кружке Станкевича. Примечательно, что к тому времени литературно-философский кружок стал настоящим центром мысли, где строились умственные плотины и проходили буйные пиры разума. И, понятно, Кольцов получал там хорошую духовную пищу, что способствовало его развитию и как поэта, и как философа.

Примечательно, после смерти Станкевича, а тот умер от чахотки в 1840 году, поэт в стихотворении «Поминки» в возвышенном стиле сумел передать образ своего друга-покровителя. Станкевич изображён таким, каким он вошёл в духовную жизнь России молодой. Рядом с ним – его «младые друзья», его единомышленники:

*Под тенью роскошной
Кудрявых берёз
Гуляют, пируют
Младые друзья!*

Однако это не пикник на лоне природы, а торжество молодости, жар пламенных сердец:

*Их очи, как звёзды
По небу, блестят;
Их думы – как тучи;
Их речи горят.*

*Давайте веселья!
Давайте печаль!
Давно их не манит
Волшебница – даль!*

*И с мира, и с время
Покровы сняты;
Загадочной жизни
Прожиты мечты.*

*Шумна их беседа,
Разумно идёт;
Роскошная младость
Здоровьем цветёт.*

*Но вот к ним приходит
Неведомый гость
И молча садится,
Как тёмная ночь.*

*Лицо его мрачно,
И взгляды – что яд.
И весь на нём странен
Печальный наряд.*

*Под сенью роскошной
Кудрявых берёз
Гуляют, пируют
Младые друзья!*

*Их так же, как прежде,
Беседа шумна;
Но часто невольно
Печаль в ней видна.*

Под влиянием бесед в кружке Станкевича у Кольцова сложились и другие думы, в частности, «Человек», «Поэт». Сам Кольцов нередко чувствовал это влияние на своё творчество. Так, по поводу «Думы двенадцатой» он написал: «Она у меня выскочила в минуту; если она не из чего-нибудь, то пусть будет моя. Как-то таким образом у меня написалось, хотя я и не охотник на чужбинку».

Однако надо отметить, что в области философской лирики Кольцов достиг немногого. «Дело не только в том, что автору не хватало специальных знаний, – написал один из исследователей творчества поэта-самородка О.Г. Ласунский. – Сам склад его дарования не располагал к умозрительному, созерцательному характеру творчества. Художник явно подавлял в Кольцове философа... Главная и бесспорная заслуга Кольцова перед родной литературой – его замечательные “русские песни”, выросшие наполовину из фольклора».

Много раньше, в 1846 году, в статье «О жизни и сочинениях Кольцова» об этом скажет Белинский. Скажет уверенно, сняв сомнения, озвученные в 1835 году им же самим по случаю изданного на средства Станкевича первого сборника стихов: «Не знаем, разовьётся ли талант Кольцова или падёт под игом жизни?»

Критик напишет: «...До Кольцова у нас не было художественных народных песен, хотя многие русские поэты и пробовали свои силы в этом роде, а Мерзляков и Дельвиг даже приобрели себе большую известность своими русскими песнями, за которыми публика охотно утвердила титул “народных”. В самом деле, в песнях Мерзлякова попадаются иногда места, в которых он удачно *подражает* народным мелодиям... Но... в целом его русские песни не что иное, как *романсы*, пропетые на русский мотив. В них виден барин, которому пришла охота попробовать сыграть роль крестьянина. Что же касается до русских песен Дельвига, – это уже решительные романсы, в которых русского – одни слова. Это чистая подделка, в которой роль русского крестьянина играл даже и не совсем русский, а скорее немецкий или, ещё ближе к делу, итальянский барин».

И далее Белинский говорит, что даже Пушкин, «несмотря на всю объективность своего гения... не мог бы написать ни одной песни вроде Кольцова, потому что Кольцов один и безраздельно владел тайною этой песни. Этою песнею он создал свой особенный, только одному ему довлевший мир, в котором и сам Пушкин не мог бы с ним соперничать, – но не по недостатку таланта, а потому, что мир песни Кольцова требует всего человека, а для Пушкина, как для гения, этот мир был слишком тесен и мал и потому мог входить только как элемент в огромный и необъятный мир пушкинской поэзии».

Поэт прожил на свете всего тридцать три года. Он умер в Воронеже 10 ноября 1842 года от чахотки, лечить которую в то время не умели ни в России, ни за её пределами. Ушёл поэт в мир иной тихо, держа в ладони тёплую руку своей няни. Похоронили его на Митрофановском кладбище.

К сожалению, его смерть не вызвала никакого сострадания со стороны отца – Василия Петровича, с которым у Кольцова ещё с юношеских лет были весьма сложные отношения. Как рассказывала сестра поэта А.В. Андропова, на следующий день после его смерти в Тёмном ряду, в лавке Мелентьева, происходила такая сцена. Приходит туда Кольцов-старший и спрашивает парчи, бахромы, кисеи. Выбирает, торгуется. Хозяина в лавке не было, но вскоре он пришёл. Отец Кольцова пустился в разговоры о том, как он накануне вечером весело провёл время в трактире, что у него вышло подходящее дело с дворянами.

– А кому это ты парчу покупаешь? – спросил у него хозяин лавки.

– Сыну... Алексею: вчерась помер, – был ответ.

Едва ли не весь Воронеж знал о конфликте отца с сыном. Раздор возник из-за того, что Кольцов-младший отказался жениться на девушке, выбранной Кольцовым-старшим. А ещё раньше произошла другая драма. В их доме жила крепостная горничная Дуняша, девушка редкой красоты и чуткости. Юноша страстно полюбил её, но отец счёл унизительным родство со служанкой и во время отъезда сына по прасольским делам продал Дуняшу донскому помещику в казачью станицу. Кольцов тогда слёг в горячке и едва не умер. Оправившись от болезни, он начал искать невесту, но поиски оказались безрезультатными. Кольцов долго переживал разлуку, обида на отца осталась у него до конца жизни.

Станкевич знал эти горькие истории непосредственно из уст Кольцова. Читал он и выплаканное поэтом-прасолом стихотворение «Первая любовь», которое потом включил в известный нам сборник:

*Что душу юности пленило,
Что сердце в первый раз
Так пламенно, так нежно полюбило –
И полюбило не на час, –
То всё я силюсь придать забвенью,
И сердцу пылкому и страстному томленью
Хочу другую цель найти,
Хочу другое также полюбить!
Напрасно всё: тень прежней милой
Нельзя забыть!
Она тихонько к ложу льнёт,
Печально руку мне даёт,
И сладкою мечтою вновь сердце очарует,*

*И очи тёмные к моим очам прикует!..
И вновь любви приветный глас
Я внемлю страждущей душою...
Когда ж ударит час
Забвенья о тебе, иль вечности тобою?..*

Раны первой любви так и не зарубцевались в душе Кольцова, что и подтверждают другие стихотворения поэта, – «Измена суженой», «Последняя борьба». И особенно трогательно-проникновенная «Разлука», впоследствии положенная на музыку А.Л. Гурилёвым и ставшая популярным романсом:

*На заре туманной юности
Всей душой любил я милую;
Был у ней в глазах небесный свет,
На лице горел любви огонь.*

Безусловно, болезнь душевная принесла поэту не меньше страданий, чем болезнь физическая. Не будь её, может быть, Кольцов не ушёл бы так рано из жизни. За год до своей смерти поэт написал Белинскому: «Если литература дала мне что-нибудь, то именно вот что: я видел Пушкина, жил долго с Сребрянским, видел Станкевича...».

Нет сомнения, что Кольцов назвал имена самых близких для себя людей, которых искренне и горячо любил.

ПОЭЗИЯ

Светлана ГОРОШИЛОВА

*Светлана Борисовна Горошилова – родилась в Заполярье на Полярной станции. По образованию – технарь, по складу души – поэт. Автор двух поэтических книг «Верю» и «Полёта память». Победитель конкурсов «О чести, доблести и славе» (2002) и «Русь Православная» (2013). Член Союза писателей России. Художник. Член Международного Художественного Фонда и Международной Федерации Акварелистов.
Живёт в Москве.*

Память

А на берёзах те же письма...

От суеты в дорогу соберусь
в который раз проделать путь незримый
в пределы тайны, где вершилась Русь.
Та память средь веков необорима.
Душе моей там горе горевать –
по всей земле могильные курганы.
В который раз умчится в небо рать,
и в пыль степную сгинут басурманы.

А на берёзах – те же письма,
и тот же горький привкус у полыни.
И пращуров далёких имена
в моей крови прописаны доньине.
Окликнут: «Не пристало унывать!»
И, помолясь, велят с колен подняться,
и жить в добре, о них не забывать,
чтоб силы богатырской не лишаться.

Земляк мой русский, слышишь ли набат?
С времён былинных беды да набег.
Ты чуешь – в душах множатся стократ
любви и боли свежие побеги.
И нам в снегах идти, в траве до плеч,
вживляя в память искры всех мгновений.
Нам русский слог и синь очей беречь,
и дом родной для новых поколений.

Ветеранам войны

*Вам – Россию не предавшие,
Её душу не сгубившие,
Её рощи не продавшие,
Её песен не забывшие.*

Я пред вами склоняюсь в поклоне,
зло поправшие в битве большой.
Подвиг ваш на гербе, на иконе,
россияне с отважной душой.
Вы от войн заградили границы,
вы отечеству были верны.
Как же дороги мне ваши лица,
патриоты родимой страны.

Ваши головы стали седыми,
но всё снятся бывшие бои.
Сколько ж вынесли вы молодыми,
защищая истоки свои,
чтобы Родину видеть в короне
той цветущей победной весны...
Я пред вами склоняюсь в поклоне,
люди – люди Великой страны!

***

Я не знала войны.
Отчего же пронзительно больно?
Отчего не проходит
щемящее чувство вины?
Мои мысли и взгляд
устремляются в небо невольно,
там, где души солдат,
не пришедших с кровавой войны.
Как хотели они
жизнь на Родине сделать счастливой
и в жестоких боях
отстояли её, сберегли.
Вы простите, солдаты,
нас, живущих сегодня в России,
что границы её
мы без вас сохранить не смогли.

Золушка

Как Золушка сегодня я бедна.
Одна лишь разница – живу не в сказке.
Ты наяву, родимая страна,
как мачеха устраиваешь встряски.

Заморский принц – заезжий капитал,
чтоб сократить у «соросов» убытки,
купил твой люд, растлил, кого распял
и беззащитно обобрал до нитки.

Затем, чтоб оболванить и тебя,
пустить по миру в тыквенной карете.
Нет, матушка, жалея и любя,
мы друг за друга на Земле в ответе!

***

Рассветное утро задумчиво в полдень плывёт,
ложится туман, пеленая земные печали.
И время о чём-то минувшем чуть слышно поёт,
вживляя грядущие ритмы, что будут в начале.

И будет красиво звучать этот полуобман,
химерной свободы крыла простирая над нами.
А русской молитвы слова поглощает туман,
и веет от мира тревогами и сквозняками.

...А тихое утро задумчиво в полдень плывёт,
спелёнутый воздух в тумане дурмана не чует.
Но время о чём-то грядущем всё громче поёт
и чем-то минувшим озябшие души врачует.

Колокола звонят

Звонят колокола России,
пока не в лад.
Мы, слыша их, едва ль спросили,
о чём звонят?

В молитве ли объединиться
за грешный люд?
От равнодушья ль пробудиться
народ зовут?

Иль робко возвещают миру
на Русь права?
В безверье набирают силу
колокола.

Наследнику

*Русь, Россия, Расеюшка, мы зовём тебя матушкой,
на земле этим именем край другой не назвать.
Наша жизнь – твоя долюшка, в ней и радость, и горюшко.
А детей лишь, как водится, только маме понять.*

Нынче во поле стоит тишина.
Перед нею встану, к травам склонюсь.
Не одна тут наследила война,
собирала здесь Отечество Русь.

И в земле хранится меч-кладенец
и сокрыто Пересвета копье.
Но сияет над святыней венец,
отгоняя до сих пор воронье.

Где наследник? Подойди, поклонись!
Павшим в битвах ты по крови родной.
От своих истоков сил наберись,
Стань для рода богатырь и герой.

Пусть не лучшие у нас времена,
за кордоном же и пряник пахуч.
Но бескрыла на чужбине спина,
будь на Родине умён да могуч.

Посмотри – над полем радужный свет,
там святых благословенная рать,
ждёт, когда же разореньям в ответ,
мы Державу станем вновь собирать.

Май

Вот и цветенью выпал срок
и, запахом пыли,
узорам тропок и дорог
доверилась земля.

Настал черёд и светлых дней,
в цвету кустарник бел.
А в нежной зелени ветвей
соловушка запел.

И я пришла встречать зарю
знакомой мне тропой.
Я здесь своя, благодарю,
что прямо предо мной

окрасил вечер небеса
и не даёт уснуть,
что облака, как паруса,
зовут, алея, в путь –

любить зелёную траву,
напев родной земли.
Чтоб от участия наяву
цветы в душе цвели.

Чтоб мир, по-доброму простой,
как светлый лик берёз.
как одуванчик золотой,
в грядущий день пророс.

ПОЭЗИЯ

Александр КОЗЫРЕВ

Александр Леонидович Козырев – родился в Перми в 1981 г. Выпускник Пермского Государственного Университета им. А.М. Горького (ныне – ПГНИУ). Педагог дополнительного образования I категории, преподаватель кафедры иностранных языков ПФИЦ УрО РАН. Член пермской литературной студии «Тропа», лауреат ряда краевых литературных конкурсов, обладатель грамоты «За большой вклад в развитие детского и юношеского творчества» Международного творческого фестиваля «Волшебная строка». Публиковался в сборниках «С тобой и о тебе» (1998), «Дементьевские тропинки» (2005), «Тропа. Избранное» (2011), «Не жила Россия без талантов...» (2011), «Тропинка в детство» (2013), научно-просветительском издании «В мире языка. Языки в мире» (2018). Автор сборника «Я буду...» (2012 г.). Подготовлен к печати второй авторский сборник «Лето в ладошке». Живёт в Перми.

«Я знаю – были времена...»

Осень

Листва срывается, паря,
В одно неловкое движенье.
А осень – просто продолженье
Пути, стихов, календаря.

Хоть мы её почти не ждём
И у порога не встречали,
Пока что никакой печали
Не пролилось седым дождём.

И день, раскрашенный в цветы,
По-летнему и свеж, и светел,
Как будто вечности ответил
Бесцеремонно и на «ты».

То отнимая, то даря,
Не прекратят года круженье.
А осень – просто продолженье
Пути, стихов, календаря.

***

Пусть долго верят маленькие дети,
Что взрослые всеильны и добры.

В. Радкевич

А если я чего-то не смогу,
То не казни сомнением заблудшим.
Был другом другу и врагом врагу,
Но для тебя хотел быть просто лучшим,
Да чтоб, когда сорвутся небеса,
В последний миг успеть подставить плечи,
Пока стою, покуда в силах сам,
От резкого падения беречь их,
Не дать им потревожить детский сон...
А если вдруг чего-то не успею,
Твоей улыбкой буду я спасён,
Не прерывая жизни эпопею.

***

Так не бывает, знаю, но
Увидеть вас бы за порогом
Всего на час, ведь я о многом
Хочу спросить уже давно.

Не ради громкого ура
Всё делал искренне и прямо,
Но почему так больно, мама,
Идти дорогою добра?

А подлость, будто бы истец,
В любом суде я звал к ответу,
Но почему за правду эту
Молва расплатою, отец?

Скажите, что не зря мой путь,
Хотя бы слово или фразу.
Не предавал ещё ни разу
Уроков тех святую суть.

Когда ж замрёт дыханье дня
С последним выигранным боем,
То, обещаю, вам обоим
Не будет стыдно за меня...

***

*Устав от мирской суеты,
Собрался твой друг без речей
Бродягой туда, где цветы,
Где лес и волнистый ручей.*

Евгений Макаров

Когда в сто тысяч двадцать первый раз
Мне опостылет душный мегаполис,
Без предисловий и красивых фраз
Я двинусь в путь, на еле слышный голос.

Когда в герои выдвинут другой,
На эту суету махнув рукою,
Я буду там, где радуга дугой
Согнётся вновь над чистою рекою,

Где ветер сосны ласково качал,
И где закатный луч, в листве играя,
Опустит ночь на тихий мой причал –
Земной портрет мной найденного рая.

***

Прислоняясь лбом к оконной раме,
Вновь почти неслышно прошепчу:
«Никуда холодными утрами
Уходить от вас я не хочу».

Новый день жестоко и бесславно
По живому рубит, по корням.
Не узнать ему о самом главном,
Не отвлечь, не обмануть меня.

Будет снег, задиристый и колкий.
Будет вечер. На руках опять
Под мерцанье огоньков на ёлке
Станет дочка тихо засыпать.

Позабыв о суетном и прочем,
Этот мир не делится на треть.
До утра твоё «спокойной ночи»
Вновь его заставит замереть...

***

Я знаю – были времена,
И после страшных потрясений
Непобедимой и весенней
Вставала на ноги страна.

Как прежде, улицы полны,
Случайных встречных обнимая,
В то утро памятного мая,
В котором не было войны.

Росли деревья неспеша,
Цвели аллеи и бульвары,
Где дотемна гуляли пары,
Свободно юностью дыша...

Чуть различимы имена
На оборотах старых фото,
Но через годы скажет кто-то:
Я знаю – были времена!

***

Когда опять, подобно чуду,
Снег скроет землю под собой,
Я в этот миг почти забуду
О том, что жизнь – извечный бой.

Когда в безмолвье и покое
Застынет время, в чистоте
Я снова вспомню, что такое
Спокойно следовать мечте.

Переливаясь в бликах солнца,
Лишь на мгновенье, только мне
Вдруг детство тихо улыбнётся
И растворится в белизне...

Последняя пристань

Все отвергнув чужие истины,
Пролистав вперёд на главу,
К нашей тихой последней пристани
Тёплым вечером доплыву.

Сколько прожито и изведено –
Хватит стойкости серых плит.
Взгляд твой верный, спокойно-преданный
От напрасного исцелит.

Сколько нам дано высшей силою? –
Вьётся по ветру тонкий шёлк.
Будет так. Я вернулся, милая.
Всё я понял. И всё нашёл.

Полине

Полине – поляны
Цветов и малины,
Дубы-исполины
И воздух лесной.

Полине – долины,
Далёкие страны,
Где резво дельфины
Играют с волной.

Полине – былины
И добрые сказки,
Пьеро и Мальвина,
И пёс Артемон,

И пух тополиный,
И снег, и салазки –
Весь мир для Полины,
И всё это – он.

***

Был я грустен и невесел
(Не похоже на каприз),
Нос на вешалку повесил
И почти уже раскис.

Только вместо неотложки
Так внезапно – я не вру –
Чьи-то маленькие ножки
Пробежали по ковру.

Чьи-то тёплые ладошки
Вдруг дотронулись до век;
Мне открыл глаза-окошки
Самый главный человек.

На своём, не очень сложном
Языке сказал малыш:
«Пап, ты что? Ну, разве можно?
Ведь со мной не загрустишь!»

***

Не вспоминая об ином,
Опровергая чьи-то штампы,
Под тёплый свет настольной лампы
Читаю дочке перед сном.

А ночь спокойна и тиха.
По кругу ходит всё на свете,
И, как вчера, взрослеют дети
На тех же сказках и стихах.

Всему назначена пора.
Ты подрастёшь, меняя платья.
Ну, а пока в моих объятьях
Ты сладко дремлешь до утра.

Посвящение В.С. Высоцкому

На пределе и струны, и нервы,
А иначе ведь не по-мужски.
Каждый день – как последний и первый,
Пульсом стрелок колотит в виски.
И просить ли коней: «Не так быстро»?
Пусть несутся вперёд во всю прыть!
Пониманье – как вспышка, как выстрел:
Что ты, Гамлет? Конечно же, «быть»!
Что, судьба? Безо всяких там «либо»
Всё вернёшь – где-то после – с лихвой!
И другие прошепчут: «Спасибо!»
Ох, спасибо за то, что живой!»
Ах, оставьте «не слишком ли скоро?»!
Есть иной, вневременной перевал.
Просто снова позвали те горы,
На которых ещё не бывал...

***

Всё-таки не стану, хоть убей,
Выяснить, кто правый-виноватый.
Я гоняю с дочкой голубей
Возле неизменного «Вивата».

Кто-то скажет: мол, чего достиг?
А ведь мог бы, что же так беспечно?..
Я хочу, чтоб этот самый миг
Длился долго, если можно, вечно.

В воздухе предчувствие зимы.
Время натянулось, как пружинка.
Вновь по-детски подставляем мы
Лица первым падавшим снежинкам...

***

Дав выйти запоздалому теплу,
Смотрю на облака, летаю с ними.
Я вновь рисую пальцем по стеклу,
По буквам вывода всё то же имя.

Я точно так же крошечен и мал
Пред этим миром, познанным отчасти,
Чьё отраженье только что поймал
В глазах ребёнка. Может, это счастье...

***

Всё то, что было этим летом –
От ярких дней и до ночей –
Пора укутать тёплым пледом
И сделать чай погорячей.

Пора включить обогреватель,
Спокойно ждать, заняв посты,
Пока прочтёт обозреватель
Архива жёлтые листы.

Всё реже выходя наружу,
В маршруты выбирать дворы.
Под сто шарфов, как можно глубже
Себя запрятать до поры.

ПРОЗА

Василий ПОЛЯКОВ

Мы давно играем в шахматы...

В семилетнем возрасте меня научили играть в шахматы мальчишки с соседней дачи. К концу лета мы довольно бойко разыгрывали партии, которые обязательно продолжались до полной победы одного из участников. Реже сражения заканчивались вничью. В этом случае на шахматной доске не оставалось ни пешек, ни фигур, кроме одиноких королей.

Когда мне исполнилось одиннадцать лет, я впервые попал в подмосковный пионерский лагерь. Меня сразу записали участником шахматного турнира. К окончанию первой партии мой оппонент располагал только королём против моего короля с ферзём. Я понимал, что надо выигрывать, ставить мат, но окружившие нашу доску ребята в силу своей искренней заинтересованности не умели соблюдать тишину, постоянно обсуждали позицию и целесообразность очередного хода. Их реплики отвлекали и, конечно, мешали. В конце концов, один из мальчишек очень уверенно заявил, что владельцу одинокого короля нужно сдаваться.

– Рано, – хмыкнул кто-то за моей спиной. – Возможен и пат.

– Да, – обернулся я, – всякое бывает.

Я впервые услышал слово «пат»; никто и никогда не объяснял мне, что это такое. Представляете, как мне было стыдно?

Пытаясь не выпустить короля противника, я сделал неосторожный ход.

– Пат! – восторженно закричали за моей спиной. – Очко пополам!

Через некоторое время я узнал, что такое «пат». Пат (французское pat, итальянское patta) – игра вничью, положение в шахматной партии, в котором сторона, имеющая право хода, не может им воспользоваться, так как все её фигуры и пешки лишены возможности двигаться, причём король не находится под шахом. Партия, в которой возник пат, признаётся ничейной.

...Интерес к шахматам в Москве стал всеобщим после матч-турнира на первенство мира 1948 года.

Василий Евгеньевич Поляков – коренной москвич, родился 4 июля 1938 г., окончил 330-ю среднюю мужскую школу, затем 2-й Московский медицинский институт, клиническую ординатуру и клиническую аспирантуру в НИИ педиатрии АМН СССР. Врач-педиатр, гематолог, лимфолог, онколог и детский онколог, организатор здравоохранения. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Профессор, академик Международной Академии Информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Тогда в каждой семье успели запомнить всех участников и говорили про Ботвинника, Смыслова, Кереса, американца Решевского и доктора математики Эйве из Нидерландов. Я ходил из школы по тихим переулкам – Большому Казённому, Лялину, Подсосенскому, выходил на улицу Обуха (теперь Воронцово поле) и доходил до своего Кривогрузинского (теперь переулок Обуха). Как раз напротив этого переулка на стенде вывешивали газету, где помещали очень подробные отчёты и диаграммы о сыгранных партиях. Как же было радостно, когда в очередной раз побеждали Михаил Ботвинник и Василий Смыслов!

...В школьные годы мы много играли, но о существовании кружков и секций шахмат в домах пионеров я узнал только в седьмом классе. Помню своё первое посещение городского дома пионеров в переулке Стопани. Убранство этого дома-дворца, архитектура, лепнина, великолепно натёртые паркетные полы сразу создали ощущение праздника.

А вот сами шахматисты потрясли меня до глубины души. Среди них преобладали болезненные и тщедушные дети, бледные и анемичные, часто с дефектами зрения, речи, походки. Многие были сутулы, болезненно скованы. Над длинным столом, на котором стояли шахматные доски и шахматные часы, витала абсолютная тишина. Бедно и чаще неряшливо одетые дети были вместе с тем чересчур серьёзными и печальными, как старики, в глаза которых заглянула вечность.

А объяснялось всё просто. Зачастую это были дети из самых бедных семей. Отцы многих из них погибли на войне или пропали без вести, а зарплата их мам на производстве, в школе, в больнице, в сфере быта и обслуживания была более чем скромной. Мамы для создания сносных условий жизни надрывались приработками на второй работе, но они всё равно вынужденно обделяли детей заботой, вниманием, уходом.

Комок подкатил у меня к горлу. Мне стало почему-то так жаль этих ребят, обделённых радостью, весельем, бьющим через край ощущением счастливой жизни.

Я ушёл подавленным и почти до конца школы в секцию не ходил.

К счастью, в газетном киоске я случайно купил книжку по теории шахмат Василия Панова, вечерами почитывал её и даже пытался освоить кое-какие открытые, полуоткрытые и закрытые начала... Я узнал некоторые шахматные хитрости и пытался применять их в партиях со сверстниками. Иногда это помогало найти путь к выигрышу.

...С первой же четверти десятого класса ребята стали поговаривать о будущем поступлении в институт. Рассуждали, что разряд по любому виду спорта создаёт абитуриенту особенно благоприятный ореол.

Я вспомнил про шахматную секцию дома пионеров и решил к концу школы обязательно стать шахматистом-разрядником. Поскольку у меня не было даже 5-й категории, я сразу записался в квалификационный турнир. Среди пяти-семиклассников я был самым старшим и, конечно, мне было неловко. Но за два турнирных дня я обыграл всех своих противников и сдал таблицу турнира руководителю кружка. Только его подпись допускала меня к турниру на 4-ю категорию в следующее воскресенье.

Помню, что к этому турниру я готовился дома по Панову. Я разобрал и хорошо усвоил английское начало... В новом турнире я быстро справился с тремя мальчишками. Четвёртую партию мне предстояло играть с девушкой из 8-го класса. Она была красивой, очень стройной, изящной, чернобровой и

тёмноволосой, с длинной густой косой. Перед встречей с ней за шахматной доской я краем уха услышал, что ребята называли мою будущую партнёршу «крепким орешком» и что она уже успела отобрать очки у большого количества шахматистов мужского пола.

Вот тут-то я и применил английское начало. В одном из вариантов там есть «данайская» жертва коня, которую я замаскировал вроде бы своим просчётом. Девушка внимательно оценила позицию на доске один раз, другой... и уверенно взяла коня. Через двенадцать ходов она была разгромлена.

– Поздравляю вас, – виновато, будто извиняясь, сказала она.

Я осторожно и молча пожал её ладонь. Рука была влажной и холодной. Я взглянул в её лицо – в нём не было ни кровинки.

Потом я играл ещё несколько партий и потерял эту девушку из виду.

Но когда я уже уходил, я случайно увидел её за колонной. Она стояла, прислонившись к колонне спиной и несколько закинув голову. Из глаз её текли слёзы – слёзы обиды и горя.

Дома я снова засел за Панова, но читать не смог. Перед моими глазами и сейчас стоит портрет девушки, которую я так глубоко обидел за её доверчивость.

Больше в квалификационных турнирах я не участвовал и никаких разрядов по шахматам не заработал.

Когда моего приятеля, довольно сильного игрока в шахматы, спрашивали, на уровне какого разряда он играет, этот человек отшучивался: «Едва играю е-4...» Мне шутка понравилась, и я взял её «на вооружение».

...Прошло несколько лет. Я уже был студентом медицинского института. На каникулы по профкомовской путёвке впервые поехал в дом отдыха. В один из зимних вечеров пронеслась весть, что к нам приедет кандидат в мастера спорта по шахматам, который даст сеанс одновременной игры на 20 досках. За первые доски уверенно уселись ветераны, знавшие свою силу и надеявшиеся если не обидеть кандидата, то хотя бы сыграть с ним вничью. Меня подмывало сыграть с сильным противником, но одновременно сдерживала боязнь публичного конфуза. Когда вакантным осталось последнее, 20-е место, друзья почти насильно усадили меня за партию.

Сначала всё шло сносно, хотя позиционно с первых же ходов преимущество оказалось на стороне моего более опытного противника. Затем в середине доски начались размены пешками и фигурами. К моей досаде, я допустил просчёт и остался без коня. Конечно, в приличном турнире, когда силы соперников равны, партию после этого сдают. И это самый справедливый итог и выход из положения.

«Ай, да конфуз, – подумал я, – надо сдаваться... Но когда ещё доведётся сыграть против кандидата в мастера?»

Я успокоился. Стал играть внимательнее и осмотрительнее. А противник понял, что за 20-й доской сидит очень уж посредственный игрок. Он даже не стал делать рокировку, а бросил своего короля вперёд, используя его для уничтожения моих зависших пешек. Одну из них я успел защитить конём, а две другие стали его лёгкой добычей. И вот тут я вдруг увидел, что его король оказался в туннеле из моих пешек и своих фигур. Достаточно было одного диагонального удара слоном, чтобы «шах» стал одновременно и матом его королю. Но мешал мой конь. Нужно было отойти конём, но так, чтобы он его обязательно взял. Я увидел спасительную вилку. Я беру защищённую пешку и одновременно нападаю на его ферзя и ладью. По идее он должен был взять

моего коня, если продолжал верить в мою посредственность. Подойдя к 20-й доске, чтобы увидеть мой ход и ответить мне, мой противник стал нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. И я отдал коня. Он кинул взгляд на доску и, почти не задумываясь, принял мой дар. Мой противник отошёл, а я ещё долго не мог успокоиться, пока он делал свои ходы на других девятнадцати досках. Я всё мысленно проверял, действительно ли я выиграл. Через некоторое время очередь снова дошла до меня. Я выждал несколько мгновений, поставил своего убойного слона и произнес вслух «шах!». Секунд двадцать мой противник молчал, а потом вымолвил: «Так это же мат...»

– По-моему, да, – ответил я.

– Поздравляю, – сказал кандидат в мастера. – Однако ловко вы меня перехитрили.

В сеансе одновременной игры кандидат в мастера обыграл 16 противников и только с тремя разошёлся вничью. Проиграл он только одну партию.

Потом среди отдыхающих разнёсся слух, будто у меня первый разряд по шахматам, но я это тщательно скрывал и скрываю.

– Да я едва играю е4, – оправдывался я, но этому уже никто не верил.

К счастью, моя путёвка скоро окончилась, поэтому никто из солидных игроков так и не успел проэкзаменовывать меня в личной встрече.

...В студенческие годы увлечение шахматами сохранилось, но так и осталось домашней забавой. В турнирах мне играть не довелось, но иногда, в охотку, я с удовольствием для себя просматривал за доской партии ведущих шахматистов.

Помню, какое восхищение вызвала у меня напечатанная в журнале «Наука и жизнь» партия Таля с одним из своих противников. С середины партии он комментировал четыре варианта возможного развития событий в зависимости от какого-то принципиально важного хода его противника. В каждом из просчитанных в уме продолжений Таль видел на 24 хода вперёд! Фантастика!

...Однако вот и институт позади. У меня диплом врача-педиатра, и я продолжаю учиться в клинической ординатуре Института педиатрии АМН СССР. С первых же самостоятельных шагов мне понравилась детская гематология. В конце концов, мой профессиональный рост продолжился и в клинической аспирантуре по этой же специальности.

В отделении на 50 коек 25 были отведены детям с заболеваниями системы крови. Преобладали всё больше тяжёлые больные, с онкогематологическими заболеваниями. Такие больные и в диагностическом, и в лечебном плане требуют постоянного внимания. Поскольку в те времена мы ещё не располагали современным опытом и возможностями, некоторые процедуры, в силу болезненности, были детям неприятны. Необходимость повторять эти процедуры в динамике нужна для коррекции и индивидуализации лечения, но не всем детям объяснишь это. Младшие плакали, но покорялись. А вот старшие иногда бузили и отказывались. Приходилось и уговаривать ребят, и успокаивать, и даже идти на маленькие хитрости.

Одного из моих пациентов звали Костя. Хороший был мальчуган – умный, правдивый и независимый. Мы с ним быстро нашли общий язык, и до определённого времени всё шло по плану и хорошо. Но когда возникла необходимость в который раз произвести пункцию грудины для контрольного исследования костного мозга, Костя сказал категорически: «Нет! Не хочу!»

Все попытки говорить непосредственно с ним, воздействовать на него через маму успеха не имели.

Всем отделением мы обсуждали, как найти правильный подход к больному ребёнку. Искали, искали...

Помог случай. Оказалось, что Костя играет в шахматы. За время пребывания в отделении он уже успел в свободное время обыграть самых сильных противников и имел статус некоронованного чемпиона отделения. Его соседи по палате раз сказали мне, как Косте хочется сразиться с взрослыми противниками, например, с кем-нибудь из врачей отделения. Однако женщины в шахматы не играли, а из троих мужчин один был заведующим отделением, второй – старшим научным сотрудником и только я – аспирантом.

Тот день как раз был процедурным, и делать неприятные манипуляции была моя очередь. Проходя по отделению, в раскрытую дверь палаты я увидел четырёх мальчишек, сгруппировавшихся вокруг тумбочки с шахматной доской. Костя был среди игравших. Я подошёл, понаблюдал за играющими и увидел последние три победных хода Кости. Он опять выиграл.

– О, да ты молодец, – сказал я, – здорово играешь!

– Доктор, а давайте с вами сыграем, – вдруг с некоторым вызовом выпалил Костя.

– Да я не очень сильный игрок, – сказал я.

– А мне говорили, что у вас разряд есть.

– Это пошутили, – сказал я. – Я едва играю е4.

– Так начинается испанская партия, – сказал Костя. – Раз вы знаете, значит играете...

– Да некогда, Костя. Ты же знаешь, что сегодня процедурный день.

– А мы быстро, между процедурами.

– Хорошо, – сказал я. – Только с одним условием. Выиграешь – пункцию тебе не делаем. Проиграешь – капризничать не будешь. Я тебя в процедурный кабинет без очереди возьму.

– Идёт, – очень серьёзно согласился Костя. – Только вы дали слово при свидетелях.

Мы начали игру, сделали несколько первых ходов. Меня позвали в процедурный кабинет. Потом я снова заскочил в палату и успел сделать ещё несколько ходов. Так мы и играли. Костя был очень серьёзен и сосредоточен, а я мотался из процедурного кабинета в разные палаты и почти на бегу успевал продолжать партию.

И что же? К середине игры я потерял коня. Потом, хода через три, Костя выиграл у меня слона и пешку.

К счастью, почти все процедуры были окончены и я смог сосредоточиться на партии в шахматы. Вообще-то пора было подготовиться к фатальному исходу и с достоинством произнести: «Сдаюсь!»

Но как часто губит людей «головокружение от успехов!» Костя уже уверовал в свою безнаказанную победу и сделал два неточных хода.

Я присмотрелся, задумался и... нашёл. Боже праведный, я нашёл комбинацию с двумя эффектными жертвами, не принять которые мой противник не мог. Третьим ходом ставился мат. Не торопясь, уверенно, я осуществил задуманное. Костя проиграл.

– А вы, оказывается, здорово играете, – похвалил меня Костя. – Давайте ещё одну?

– А наш договор?

Последовала маленькая пауза. И нужно было видеть, с каким благородным достоинством Костя встал и молча направился в процедурный кабинет.

Я постарался и сделал пункцию почти молниеносно. Но и Костя был молодцом. Он не только не пикнул, но даже не поморщился.

– Вот это выдержка, – похвалил его я и, обняв за плечи, отвёл в палату. Глаза Кости победоносно улыбались. Ребята с молчаливым восхищением смотрели на него.

Да, шахматную партию Костя проиграл, но в поединке самолюбий победа была на его стороне.

...Хочу вспомнить еще несколько партий в шахматы, но уже с другим большим ребёнком.

Я работал уже старшим научным сотрудником в детском гематологическом отделении Онкологического центра, когда после одного из обходов увидел, как увлечённо играют в шахматы старшие мальчики лет по четырнадцать. Среди них выделялся скромной застенчивой улыбкой самый рослый из них. Оказалось, что это тоже некоронованный чемпион отделения. Звали его Станислав. Мальчики уже настолько хорошо знали сильные и слабые стороны друг друга, что соглашались на ничью, сдавали партию или ликовали от выигрыша, когда по моим понятиям ещё можно было и посражаться. С этим предложением я и обратился к мальчикам. Проигравший тот час же восстановил позицию и уступил своё место мне. Я, конечно, видел, что у Станислава есть и позиционное, и материальное преимущество, но решил поймать его на жертве пешки. Ничего не получилось! Станислав рассчитал всё очень хладнокровно и с помощью промежуточных ходов устроил мне цугцванг – такое положение шахматных фигур и пешек, при котором каждый мой ход только ухудшал и без того очень слабую мою позицию.

Я доигрывал за сдавшихся (по моим понятиям преждевременно) раза три. Всякий раз победа была за Станиславом.

Потом по его просьбе мы играли несколько партий с самого начала. Всё было так же: проигравшим неизменно оказывался я. Мне не удалось сделать ни одной ничьей.

При выписке Станислав подарил мне монографию об испанской партии. Сколько же там уже сыгранных и заранее просчитанных вариантов!

Подарок мне понравился.

Прошло много лет. Станислав успешно проходил лечение и не менее успешно учился в школе. Потом я узнал, что он поступил в Институт электроники. Ещё через какое-то время я узнал, что он окончил институт, стал инженером.

Вдруг как-то летом мне попадает на глаза журнал «Наука и жизнь», и я читаю... читаю... и глазам своим не верю. Кроме заметки опубликована фотография молодого инженера, фамилия которого полностью совпадает с фамилией Станислава. И кем же стал этот молодой симпатичный инженер? Нет, вы не поверите! Чемпионом мира по шахматам по переписке!

Я желаю доброго здоровья всем своим маленьким пациентам. Я от души хочу, чтобы они играли в шахматы и любили их – и на досуге, и в минуту жизни трудную.

А вот одна мысль не даёт мне покоя.

Мне довелось побывать в Соединённых Штатах Америки. В одном из южных городов штата Флорида мы побывали в госпитале, который основан на пожертвования двух миллионеров. В вестибюле первого этажа висят два портрета этих людей, написанные маслом, а под портретами прикреплены медные таблички, рассказывающие, когда и сколько пожертвовали эти люди,

чтобы потом в этих стенах можно было лечить других людей – тех, кому от болезней, страданий и горя бывает и жизнь не мила.

Я вспомнил это потому, что в районе Каширского шоссе стоит достроенный, но не завершённый Институт детской онкологии и гематологии. Молчаливые стены уже очень много лет стоят своеобразным памятником чёрствости взрослых. Пока взрослые живут полноценной жизнью и наслаждаются ею, дети ждут, дети надеются, но многие умирают, так и не получив сострадания, помощи, надежды.

А мне видится другая картина. Я вхожу в достроенный и дооборудованный Институт детской онкологии и гематологии Российского онкологического научного центра имени Н.Н. Блохина. В просторном вестибюле моё внимание приковывают портреты. Самое интересное, что это не портреты медицинских работников. Это портреты выдающихся спортсменов, которым посчастливилось выигрывать мировые и европейские первенства, олимпийские игры, престижные турниры. Эти спортсмены прославились сами, прославили свою страну и высокими рейтингами, и высокими призовыми (за несколько сот тысяч и даже миллионов долларов). Так вот они первыми поняли, как трудно бывает малышам, которые боготворят своих кумиров, переживают и болеют за них даже тогда, когда сами очень сильно болеют, по-настоящему болеют.

Я подхожу к первому портрету, второму, третьему, вижу одухотворённые красивые молодые лица спортсменов. И первый портрет принадлежит... шахматисту?.. хоккеисту?.. теннисисту?.. футболисту?.. Я им всем истово кланяюсь. А всё потому, что я не профессионал, в шахматы «едва играю е4...»

Кстати, я совсем не буду против, если это будут портреты футболистов команд правительства страны и правительства Москвы...

Кисет

Если сегодня спросить современного молодого человека или девушку, что такое «кисет», ответит не каждый. И это вполне объяснимо, поскольку мешочек, завязывающийся верёвкой, для хранения табака или махорки уже канул в вечность, как и само слово. А ведь у наших дедов он был в почете, да и родители были хорошо знакомы с этим предметом, хотя сами им уже не пользовались. У нас в доме долго хранился такой мешочек как память о военном времени, о бабушке и о детстве моей мамы и её сестрёнки. После многочисленных переездов он где-то затерялся, о чём я очень жалею, так как с ним связана одна наша семейная история.

Девичья фамилия моей мамы – Журавлёва. Они с сестрой, как и их родители, Мария Фёдоровна и Иван Данилович, родились и жили в г. Усолъе-Сибирском Иркутской области. Жили хорошо. Когда-то в юности я пыталась описать их жизнь в стихотворении «Сёстры»:

*В далёкой Сибири, где древние ели,
Где летом жара, а зимою метели,
В Усолъе-Сибирском две девочки жили.
И папа, и мама их крепко любили.*

*Постарше – Любаша, а младшая – Тома.
Смышлёными были и в школе, и дома.
И слушали маму, и крепко дружили,
Счастливыми были и радостно жили.*

*И мама красивые шила наряды,
Их баловал папа – они были рады.
Любаша мечтала стать добрым врачом,
И делала мази – стекло с кирпичом.*

*Тамара безумно любила зверушек,
Не надо ей было богатых игрушек.
Цыплята, утята, щенки и котята
Ходили за ней, как за мамой ребята.*

Тамара Потёмкина – родилась в Иркутской области, член Союза писателей России, кандидат исторических наук, доцент. Автор шести сборников стихов, книги рассказов и двух музыкально-поэтических альбомов. Победитель литературных конкурсов МГО СПР (2014–2019), Фестивального движения русского мира «Осиянная Русь» (2017), лауреат Всероссийских конкурсов «Герои Великой Победы» (2016) и «Парад литератур» (2018 и 2019), Международной Бунинской премии (2017). Обладатель литературных наград.

Живёт в Москве.

*Но грозная встала война на пороге,
И папу они проводили в дорогу.
«Не плачьте, родные, у всех теперь – лихо.
его одолеем», – промолвил он тихо...
и т.д.*

Да, война всем принесла горе. Трудно было на фронте, непросто жили и в тылу, а призыв «Всё для фронта, всё для Победы!» был не просто лозунгом, а руководством к действию даже для детей. Когда началась война, Любе было 11 лет, а сестрёнке только исполнилось семь. Они отлично учились в школе, работали на огороде, кормили кур, помогали ухаживать за коровой Февральской, но им очень хотелось что-то сделать для тех, кто воевал. На территории городского курорта был организован госпиталь, куда привозили раненых, нуждающихся в длительной реабилитации. Там всегда были нужны дополнительные руки, и девочки стали просить маму брать их с собой.

– Хорошо, – согласилась Мария Фёдоровна. – Будете помогать мне по выходным.

– А как помогать? Мы сумеем? – встревожились сёстры.

– Конечно. Кому письмо надо домой написать, кому помочь дойти на перевязку, с кем-то просто поговорить. Да мало ли чего, – успокоила их мама.

Девочки были смышлёными, и скоро почувствовали себя в госпитале уверенно, а раненые с нетерпением ждали двух маленьких «санитарочек».

Однажды один раненый попросил Тамару:

– Спой, дочка, знаешь песню какую-нибудь?

Девочка не стала ломаться и запела. Одной песней не обошлось. На её звонкий голосок собрались из соседних палат все, кто мог двигаться.

– Вот молодец! Порадовала!

– Поёт, как моя дочка! – звучали их одобрительные возгласы и бурные аплодисменты.

Вечером Мария Фёдоровна объявила девочкам:

– Сегодня раненые так хвалили Томины песни, что я подумала подготовить для них концертную программу. Тамара будет петь, а Люба танцевать. Я сошью вам костюмы, чтобы всё было красиво.

Шила она прекрасно. И через несколько дней костюмы были готовы: русский сарафан для младшей сестры, шёлковые голубые шаровары с расшитой рубахой и кубанкой из мерлушки для старшей. Она подобрала песни для Тамары и научила Любу лихо отплясывать гопака с коленцами. После нескольких репетиций девочки были готовы к выступлению. Концерт прошёл с невероятным успехом и потом по просьбе раненых повторялся не один раз.

Этим детская помощь фронту не ограничивалась. Мария Фёдоровна учила девочек шить и вязать. Вечерами она строчила гимнастёрки, а девочки на руках обмётывали швы и петли. Работа была непростая, особенно для Любы, у которой это не очень получалось. Зато младшая шила с удовольствием, с интересом перенимая у мамы секреты шитья. Кроме этого девочки вязали особые варежки со свободным указательным пальцем для стрельбы, шили и вышивали кисеты, туго набивали их особой махоркой с дурмяной травой, как любил их папа. Кисеты шили многие девочки из их класса. Чаще всего они вышивали на них цветочки, но только не сёстры Журавлёвы. На их кисетах всегда красовался маленький журавлик.

– Вот получит папа такой кисет с вкусным для него табаком, увидит на кисете журавлика и поймёт, что это подарок от нас, – говорили они маме.

Кисеты отправлялись на фронт без адреса, распределялись случайно. Мария Фёдоровна понимала, что вероятность попадания именно их кисета Ивану Даниловичу невероятно мала, но не разочаровывала дочерей.

И вот наступил счастливый день Победы! Какое всеобщее ликование началось! Песни, объятия, цветы! Стали возвращаться домой солдаты и офицеры, среди них и Иван Данилович Журавлёв. Он гнал фашистов от Москвы до самого Берлина. Был награждён Орденом Красной Звезды и медалями. Девочки разглядывали награды, просили рассказать о его подвигах. Папа скромно отнекивался:

– Воевал, как все.

Но девочки настаивали, в разговор вмешалась и Мария Фёдоровна:

– Не скромничай, Ваня, и медали просто так не дают, а уж орден Красной Звезды и подавно. За что его получил?

Пришлось Ивану Даниловичу рассказать, как его подразделение попало в окружение, как героически они прорывались к своим. Но, как ни старался командир сохранить в живых всех бойцов, потери были большими. А ещё надо было спасти Знамя полка, чтобы оно ни в коем случае не досталось врагу. И тогда Иван намотал знамя под гимнастёрку и так вынес его из окружения.

– Долго мы добирались до наших, многие погибли в тяжёлых схватках с врагом. У нас закончилась еда и вода. Силы у выживших были на исходе. Хорошо, что один солдат сохранил кисет с табаком. Давал нам по щепотке. Затянешься разок, и вроде легче становилось. Жаль, ранили его смертельно, он перед уходом отдал мне свой кисет. Я его сохранил. Он меня потом не раз выручал, правда, такого вкусного табаку, как тогда я уже давно не пробовал. Сейчас покажу.

Иван Данилович достал платок, развернул его и показал домочадцам его содержимое. Девочки сразу разглядели в углу кисета вышитый журавлик.

– Папа, – наперебой закричали они. – Ты видел, что на кисете?

– Не до этого мне было, доченьки. Дайте-ка взгляну. Птичка какая-то.

Мария Фёдоровна взяла в руки кисет.

– Да не какая-то птичка. Это же журавлик. Его твои дочери вышили, надеялись так весточку тебе подать, поддержать тебя в бою, любовь свою выразить.

– Это что же, получается, что вы мне тогда помогли из окружения живым выйти, знамя спасти. Значит, в ордене этом и ваша частичка имеется. Они обнялись и невольно заплакали. Это были слёзы радости.

Неизвестный солдат

*(посвящается моему дедушке
Потёмкину Николаю Прокопьевичу,
погибшему под Курском)*

*До сих пор в неудобных позах
С той войны их останки лежат.
На могилах не льются слёзы –
Нет могил у пропавших солдат*

Припев:

*Сквозь давно истлевшую рубашку
Каждый год прорастают ромашки,
Это ты посылаешь ко мне вновь и вновь
Пережившую нас любовь.*

*Ваши души чисты пред Богом –
Мир спасли от фашистской чумы.
Как святые прошли дорогу
Через муки России сыны.*

Припев.

*Верю я, никто не забыт,
День настанет, придут времена,
И отыщут вас следопыты,
На жетонах найдут имена.*

Припев.

*Здесь, в краю рябин и берёз
Возведутobelisk на крови.
Память вечна, не надо слёз,
Будет мир во имя любви!*

Припев:

*Сквозь давно истлевшую рубашку
Каждый год прорастают ромашки,
Это ты посылаешь ко мне вновь и вновь
Пережившую нас любовь.*

Памяти Архимандрита Кирилла¹ (в миру – Иван Дмитриевич Павлов)

*Сталинград. Наша слава и боль.
Рвалась к Волге орда, всё сметая с земли,
Но к Отчизне святую любовь
Силы зла никогда одолеть не могли.
Среди воинов – Павлов Иван
Смертный бой вёл за каждую улицу, дом...
И теряя товарищей-однополчан,
Свято верил в Победу над лютым врагом.*

Припев:

*Сколько силы у русских солдат!
Как фашистов смогли разгромить?
Сколько жизней пришлось им отдать,
Сколько душ их теперь – в небесах!*

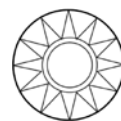
¹ Духовник Троице-Сергиевой лавры, духовный отец трёх русских патриархов, наиболее почитаемый старец Русской православной церкви конца XX – начала XXI вв.

Грохот, гарь, окровавленный снег.
Знает только Господь, что их ждёт впереди,
В пепле Библию спас человек,
Словно знак: это путь, куда надо идти.
Победили, закончив войну.
В мирной жизни и дальше он людям служил:
Вёл за грешные души борьбу
Тот герой Сталинграда, священник Кирилл.

Припев:
Скольким людям он в жизни помог!
Скольким истинный путь указал
Убеждал: «Милосерден наш Бог»,
Словом Божьим заблудших спасал.

Часто батюшке снилась война,
Как в минуты затишья ту книгу читал,
Всё пытался понять, чья вина,
О России, о вере, Христе размышлял.
Жизнь свою посвятил он Христу,
Стал духовным отцом для всех прихожан,
И дарил им любви теплоту
Духовник всей страны, русский воин Иван.

Припев:
Сколько силы у русских солдат!
Как фашистов смогли разгромить?
Сколько жизней пришлось им отдать,
Сколько душ их теперь – в небесах!

ПЕСНЯ СЛАВЯНСТВА

Красин ХИМИРСКИ

Красин Химирски (Болгария) – родился 8 октября 1938 г. в с. Върбице Врачанского округа, Болгария. Учился в суворовском училище в Софии. Окончил МГИМО по специальности «Международные отношения» с индонезийским и английским языком в 1962 г. Защитил диссертацию по американской литературе в Академии общественных наук (теперь Академия государственной службы при президенте Российской Федерации) в Москве и удостоен звания кандидата филологических наук (1974). Поэт, прозаик, переводчик. Единственный болгарский преподаватель по индонезийскому языку. Член Союза болгарских писателей, Союза переводчиков Болгарии, Союза болгарских журналистов, Болгарского ПЕН-центра, Международного фонда славянских культур в Москве, Американо-болгарской фондации по искусству. Председатель болгарской Ассоциации выпускников МГИМО и болгарского Общества друзей Индонезии «Нусантара».

Живёт в Софии.

Орфей в Колхиде

Поэма

I. «Арго»

После битв ночей и дней в морском безбрежье,
Среди пения Сирен смертельных магий,
Как виденье, белоснежною надеждой
Бог явил Кавказа горы и овраги.

И ударил в паруса попутный ветер,
И понёс «Арго» к Рионе, как планидой,
Где явился в необыкновенном свете
Дивный образ града стольного Колхиды.

И воскликнули: «Ура-а-а!» полсотни глоток.
Золотые струны лиры зазвенели.
В замке царь Ээт узнал их отголосок,
И на башню вмиг поднялся он с постели.

Повелел он аргонавтам властным тоном:
– Проходите к нам, вы гости, издалече! –
Те не ждали приглашения повтора,
Не пристало царской воле им перечить.

А Ээт, солнцеподобный, в центре зала
Принимал гостей у золотого трона.
Рядом с ним звездой утренней блистала
Дочь любимая Медея благосклонно.

«Царь великий, ты прими поклон наш низкий.
Мы приплыли из земли богов – Эллады.
Одолели мы три моря – путь неблизкий.
Златорунная Колхида – нам награда».

С одобренья Бога мудрого Зевеса,
В быстроходное «Арго» вошла ватага.
Зевс нам дал своих сынов, помимо племса, –
Полидевка, и Поллукса, и Геракла.

Преклоненно преподносим дар свой скромный!.. –
И Геракл с могучих плеч снял своевольно
Три афинских красных амфоры огромных.
В них – оливки, и елей, и благовонье.

«Нам земля известна ваша, – царь ответил. –
Птицы осенью всегда к вам улетают.
По весне их Бог вернёт, а с ними – дети –
Только зимние снега вершин растают».

«Громовержца милость видно за делами.
Среди гор Кавказских на высоких скалах
Прометея приковал он кандалами –
Дерзость – людям дать огонь – того снискала».

Медным голос стал Медеи от досады:
«Благодарны вам мы, иноземцам бравым.
Ценим дальнюю цветущую Элладу,
Но поспорим о целебных наших травах».

«Мы считаем вас гостями дорогими.
Приходите к нам на пир, едва немного
Отдых с тела и с души усталость снимет,
А придворные услужливо помогут».

II. Светлейшее родословие

Мчался Гелиос в сиянье колесницы
И блистал в зените радужной жар-птицей.

Облетал свои просторы вдохновенно
Твердь земли и вод разливы во Вселенной.

Вдруг всевидящий заметил Персеиду,
Очарован был лицом Океаниды.

Ясный луч от Бога Солнца тут же смело
Вмиг пронзил её божественное тело.

В срок назначенный бутон её раскрылся,
Отрок солнечный на белый свет явился.

Нарекли они в любви Ээтом сына,
Бросив в славную Колхиду пуповину.

Обещали, что солнцеподобный ликом
В крае колхов станет в срок царём великим.

От отца – высокий ум и нрав на благо,
А от матери – талант великий мага.

Не по дням, а по часам сын развивался.
Свою миссию он знал, и добивался.

Только стал он бородою покрываться,
К колхам сам благоволил придти на царство.

Он в мгновениях морских был всех идиллий,
И пленен океанидою Идией.

От любви создали Боги, пламенея,
Два счастливлчика – Апсирта и Медею.

Был, знать, баловнем судьбы Ээт когда-то,
И народ его земли жил пребогато.

III. Увертюра к пиршеству

День за днём три дня кипели бурно страсти
На земле колхидской с жаждой вождельенья.
Ни минуты не стихал дворец от счастья,
Каждый чувствовал своё предназначенье.

На убой волов пошёл десяток белых,
И на вертелах зажаривали туши.
Повара вокруг костров носились смело,
На пришельцев все похожие снаружи.

Пастухи с высокогорных поселений
Тонкорунных привели с собой баранов,
Словно выбранных на жертвоприношение,
Шашлыком украсить трапезу румяным.

Каждым утром шли охотники в чащобы
Подстрелить для пира розовых фазанов,
Поварам несли свою добычу, чтобы
Приготовить блюд, чудесных несказанно.

Лаваша горами тонко выпекали,
Он до вечера с утра не остывает.
Свежеиспечённый хлеб вкуснее, знали.
Свежий хлеб всегда друзей за стол сажает.

На лугу чуть свет – у юных дев забавы,
В розовых вуалях, и с глазами лани.
На траве в росе – их хоровод лукавый.
Лебеди в лесу на озере желаний.

Кто-то песню задушевную заводит,
Вмиг другого исполнителя находит.

И два голоса взлетают в небо звонко,
Наподобие небесных жаворонков.

Третий голос подпоёт, расслышав песню –
Эхом вторится мелодия чудесней.

И пульсирует, как сердце человека,
И мелодия пленит певцов от века.

При гармонии того многоголосья
Мир прекраснее становится и сносней.

И на царском пире музыка бытует,
И на сельских спевках, и на сабантуе.

И под звук дудука, доли и бандуры,
Вечно пели нам родные трубадуры.

IV. Легендарный пир

Все три ночи – как приснились мореходам.
Колдовство Сирен, и волн морских коварство,
И очаг домашний, и земля их рода,
Златострунной лиры звук родного царства.

С борта судна выходили аргонавты,
С грузом амфор тяжелых для веселья,
Заносили прямо в царские палаты
Дионисово вино из подземелья.

Всех с улыбкою прекрасная Медея,
Как гостей заморских, ласково встречала,
И в огромном Зале Солнечном, радея,
Место каждому достойное давала.

Гости радовались трапезной по-царски,
С Райским Рогом изобилие сравнимо,
Стол украсили богатство блюд гурманских,
Медовина и амброзия, и вина.

Шум прервал вдруг марш торжественный оркестра,
Зал наполнился мелодией из Рая,

Встали колхи, встали гости дружно с места,
Повелителя Колхиды уважая.

И на троне золотом в лучах алмазов
Царь Ээт воссел, как солнце, в тронном зале,
А корабль заморский, издалёка, сразу
Всем на пристань островную просигналил.

В торжество колхидских ритмов, полных силы,
С гордостью хребтов земли кавкасианцев,
Звуки семиструнной лиры нежно влили
Солнечную теплоту краёв балканских.

Девушки, в туниках длинных и прозрачных,
Разливали эликсир по рогам, с верхом.
Произнёс Ээт: «Царю – царёво, значит,
Богу – Богово. Я тамада – от века».

Два он поднял рога в золоте аварских,
Первый – капитану подарил Язону.
«Пусть, как рог, жизнь будет полной, по кавказски!

Выпьем за “Арго”, надежду эскадрону».

Тут же появились в зале чаровницы,
Жаркие красотки в легкокрылом танце.
Змеевидны косы, миловидны лица,
Истово кружились в фееричном трансе.

Из лесов тропических и джунглей были
Золотые птицы всех пород прелестных,
Пируэты – дух захватывал – крутили
В номерах акробатических небесных.

Грянул хор из голосов мужских могучих,
Пир звучал в одушевлении высоком,
Отзывается так эхом лес дремучий,
В небе Ангелы поют так перед Богом.

***

От веселия в мгновенья просветленья
У пирующих возникло предложенье.

Царь великий и Язон вдруг попросили,
Гости с колхами померились чтоб силой.

Великана колхи выбрали, как тучу,
Амирани, всех грознее и могучей.

Богатырь колхидский – хитростью хранимый.
Он в грядущем с Насреддином был сравнимый

Он под яблоней поймал ламю, без страха,
Семь голов её срубил единым махом.

Гости выбрали героя Геркулеса,
Потому что он любимый сын у Зевса.

Амирани грозно прыгал и метался,
Одержат победу хитростью старался.

Геркулесу больше ближний бой приемлем,
Мощным махом сбросил колха он на землю.

Вспомнить, как заведено, о каждом госте,
Тосты подняты в их честь – и длились тосты:

За отцов и матерей, детей и братство,
И за эллинов, и колхов, за их царства.

Шёл три дня, три ночи этот праздник светский,
Не было конца сюрпризам королевским.

Я там был, и ел, и пил, и веселился,
По усам тёк мёд, но мимо рта пролился.

V. Златое руно

После пира ночью Ээт – царь великий
Сам повёл гостей на таинство торопко,
По проходам тёмным, двор заглохший дикий
Вихрь златой понёс и поднял их высоко.

В лес зловещего Ареса вдруг попали.
Солнце брызнуло в лицо – и все в испуге!
Ослепил свет неземной – не ожидали,
По инерции глаза прикрыли руки.

Только было то – не солнце золотое,
А само Руно златое это было.
И пронзило вмиг затмение ночное,
И восход румяный брезжащий открыло.

Рёв жестокий громогласный вдруг раздался,
Аргонавты аж попятнулись – нежданно.
Тут Дракон пред ними страшный изрыгался,
Опалил своим огнём гостей незваных.

Лишь теперь они заметили такое:
Всю засеяли здесь землю чьи-то кости.
Кто позарился украсть Руно златое,
На тот свет того Дракон отправил гостя.

В этот миг запели золотые струны,
В нежных звуках были утра дуновенья,
Колокольчики на овцах тонкорунных
И колосьев золотой пшеницы пенье.

И страна Колхида вся заворожилась,
Услыхав Орфея лиры звук небесный.
И Руно златое ярче заискрилось,
Чувствуя сродство с мелодией чудесной.

VI. Орфей укрощает дракона

Склон высокий, вулканический, открытый.
Есть пещера там, в разломе ледниковом.
В ней нашёл свой дом, веками позабытый,
Тот страшилище Дракон, средь скал, для крова.

Уцелел он чудом в прошлые эпохи.
Ни в земные катастрофы, ни в эфире
Не исчезнув, ни в мирском переполохе,
А убежище нашёл в подземном мире.

В пасть ужасную раскрытую впадали,
Пропадая, реки, даже водопады.
А от власти титанической страдали
Все создания земные, как от ада.

Так зевал, как извержение вулкана.
Ураганною волной из жуткой пасти
От свирепства этой нечисти поганой,
Гибло всё при огнедышащей той страсти.

Этот монстр дух человека лишь унюхал –
Весь взбесился и задёргался, паршивый,
С боку на бок повернул всеядным брюхом –
Скалы с грохотом попадали с вершины.

Тут Орфей решился сам чинить расправу –
И божественная лира заиграла,
Песню ангельскую пел Орфей на славу,
И она Дракона вмиг околдовала.

Околдована Колхида, мир небесный,
Собрались здесь отовсюду птицы-звери,
Замер лес вокруг, деревья сдвинув тесно,
Даже скалы, затаив дыханье, млели.

Златострунным даром Бога Аполлона
Укрощён певцом фракийским поединок...
Победителя венком был, благосклонно,
Награждён царём Орфей непобедимый.

VII. Цветы Прометея

Капитан Язон просил Медею утром
 Рассказать про тайну знахарства Колхиды.
 И Медея не скрывать решила мудро,
 В чём целебность трав божественного вида.
 «Только, просьба, – капитан, – она сказала. –
 Это всё – взамен потерь тебе оплата».
 Подняла его к непроходимым скалам,
 Где в цепях прикован Прометей распятый.
 Его бок клевал стервятник клювом острым,
 Из упавшей красной крови рос красивый
 Красный огненный цветок земли погоста,
 С исцеляющей божественною силой.
 Каждой ночью на погост идёт принцесса.
 Прометеевы цветы ей видно сразу.
 «Невидимку» мазь таинственным процессом
 Так готовит, что невидим – кто помазан.
 Много тайн Медея выдала покорно:
 Как на землю сходит с неба в искрах злато;
 Семиглавых где убежище драконов;
 Путь из мира в мир иной, потом обратно;
 Где с поверхности с глубин тоннели в тайне;
 Что написано на скалах в руне древней;
 Что за грёзы, что ведут к планетам дальним;
 Где из космоса пришельцев след последний...

Юный Эрос по пятам спешил за ними,
 Он со стрелами в руках шёл золотыми.
 И направил две стрелы – в сердцебиенье,
 И незримо лук спустил по назначенью.

И Медея и Язон влюбились страстно,
 Их взаимная любовь была прекрасной.

***

Понял царь Ээт нежданно, что решили
 Отобрать Руно Златое агронавты.
 Три условия им дал неразрешимых:
 «Запряжёт быков безумных пусть оратай,
 Вспашет поле пред Руном Златым – раз любо, –
 И посеет в поле том драконов зубы».

И Язон запряг быков медноголовых,
 И в костях вспахал-засеял поле жёстко.
 («Невидимка» мазь сработал толково).
 Из зубов дракона вышло вражье войско.

И дала совет Медея, видя это –
 В группу строевых вояк подбросить камень –
 Каждый в злобе будет думать на соседа...
 Сделал так Язон. И замер, невменяем,
 Пред Златым Руном, сиявшим, словно пламень.

Со стены он снял Руно, обнялся с милой –
 Больше им скрывать любовь не нужно было.

Отбытие

Царь Ээт пока собой не овладеет,
 Аргонавты вышли к пристани Колхидской
 Со Златым Руном, с принцессою Медеей,
 И отправились в Элладу – путь неблизкий.

Счастливый эпилог

Со Златым Руном летел «Арго» крылатый,
 Всех несли крылья любви домой в Элладу.
 Им в Пути Богиня Нике помогала
 И все ветры в паруса им надувала.
 И в руках у аргонавтов вёсла пели!

Как Орфею не запеть тут, в самом деле?
 И Язон с Медеей слушали безвинно
 Песнь о двух сердцах в плену любви взаимной.

Он страдал о Эвридике и в Колхиде.
 Он её в горах родной Родопы видел.

Перевёл с болгарского Борис РЯБУХИН

Борис Константинович Рябухин – российский поэт, прозаик, драматург. Родился на Дону, вырос в Астрахани, окончил технический вуз и ВГИК. Член Союза писателей СССР с 1986 г., и Союза журналистов с 1973 г. Вице-президент Международной общественной академии литературы, наук, искусств «Русский слог». Книги отмечены литературными премиями.

Живёт в Москве.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Журнал «Великороссь» поздравляет
Инну Юрьевну с юбилеем!

Линия жизни

**Пальчиков Владимир Иосифович
(1936–2019)**

*«Палиндром будит скрытые пласты
языкового сознания»*

Ю. Лотман

Один из современных поэтов нашей эпохи Владимир Иосифович Пальчиков (Элистинский) общепризнан как основатель русского палиндромического сонета, талантливый экспериментатор Слова, член Союза писателей СССР с 1971 г., лауреат Всероссийской литературной премии им. Велимира Хлебникова, член-корреспондент Академии российской словесности. За поэтическое переложение Слова о полку Игореве, создание цикла стихов об Андрее Рублёве и древней Руси он был награждён Золотой Есенинской медалью, титулом «Золотое перо России» и другими наградами. Его достижения высоко ценили поэты Леонид Вышеславский, Лев Озеров, академик М. Гаспаров, славистка Эрика Гребер (Германия), Микаэла Бёмиг (Италия). Впервые палиндромические сонеты Пальчикова были опубликованы в 1990 г. в его книге «Свод сонетов» и вызвали интерес у литераторов Москвы, Астрахани, Киева, Ростова-Дону, Парижа, Рима. Книга была представлена на международных симпозиумах славистов в Загребе в 1994 г. и в Риме в 1998 г.

Леонид Вышеславский писал: «Эксперимент В. Пальчикова – уникальный, не имеет аналогов не только в отечественной, но и в мировой литературе. Читаешь эти воистину удивительные сонеты, и веет от них какой-то доселе неведомой новой магической поэтикой».

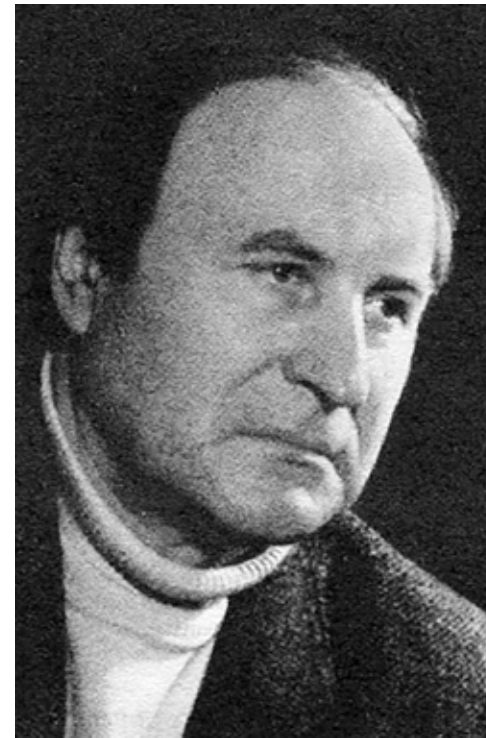
Псевдоним В. Пальчикова «Элистинский» отправляет нас в те времена, когда после окончания Ростовского Государственного университета он в течение тринадцати лет работал в редакции центральной газеты в столице Калмыцкой АССР г. Элисте. Тогда в переводе Пальчикова с

Инна МУХИНА

Инна Юрьевна Мухина – родилась в Москве. По профессии металлург, кандидат технических наук, изобретатель, ведущий специалист в области авиационного материаловедения. В течение многих лет стихотворения И. Мухиной постоянно появляются на страницах периодической печати, в сборниках и альманахах. Автор трёх поэтических книг: «Снежное вдохновение», «Энергия речи», «На островах времени». Победитель ряда литературных конкурсов. За творческие достижения в современной поэзии награждена Золотой Есенинской медалью, дипломами имени А. Блока, М. Цветаевой, Н. Гумилёва, Ф. Тютчева, орденами В. Маяковского и А. Грибоедова. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Владимир Иосифович Пальчиков
(Элистинский)

калмыцкого под его редакцией вышла книга одного из самых популярных калмыцких поэтов, автора многих книг стихов и романов Константина Эрендженова «Калмыцкие благопожелания» (2002 г.): «О степь калмыцкая, родная! / Где есть предел красе такой? / Ты как невеста молодая / Под брачной праздничной фатой». По воспоминаниям Владимира Иосифовича, многое в Элисте было созвучно его настроениям, и он принял псевдоним «Элистинский». Позднее, работая в московском издательстве, Владимир Иосифович писал так о своём многолетнем труде над палиндромическими сонетами: «Это экспериментальная поэзия с сохранением всех правил внешней формы и смысла».

Считается, что палиндромическая строка отличается от обычной только эффектом обратного чтения и имеет тот же самый смысл при чтении туда и обратно. Однако это слишком упрощённый, можно ска-

зать, усечённый подход, так как палиндромическое стихотворение должно быть простым, но представлять собой единое целое со своим, только ему принадлежащим смыслом. И конечно, невероятно сложно это выполнить, ибо здесь требуются особые энциклопедические знания и эрудиция; Владимир Иосифович обладал этим редким даром. Служение Слову было дано ему свыше. При проведении литературных диспутов он поражал всех философскими и поэтическими цитатами. Что только он не читал наизусть из классики и в виде отклика на литературные «опусы» студийцев и критиков. При этом В.И. Пальчиков был чрезвычайно скромным человеком, абсолютно лишённым присущими нашему времени стяжательству и меркантильности. Он писал: «Далек в своём палиндроме я и Ваалу и Мамоне». Действительно, как никто другой, он был далёк от корысти и наживы. Книги, книги, книги... Это были его страсть, и занятия, и духовный подвиг. У него была огромная библиотека, центр его мысли, и нам казалось, что всё это он знает наизусть. В тяжёлые перестроечные годы, когда средств на существование явно не хватало, ему приходилось работать вахтёром, что не имело к литературе никакого отношения. Конечно, он при этом не переставал писать стихи, критические статьи, руководил литературной студией. Он был нашим Учителем и наставником.

Литературная студия, которой более 15 лет руководил Пальчиков, находилась в культурном центре «Надежда» и называлась одноименно. Выходили в свет альманахи «При алтаре надежды», в которых мы могли печатать свои стихи и прозу, Владимир Иосифович их тщательно редактировал. Он называл нашу студию «творческой лабораторией», в которой приветствовались

желание и способность прикоснуться к прекрасному, выразить свои чаяния в Слове, развить возможные таланты. Сценарий занятий нашего ЛИТО развивался следующим образом: мы узнавали различные литературные новости, читали и обсуждали свои стихи, рассказы и эссе, спорили о разных поэтических направлениях, участвовали в конкурсах и тематических вечерах. Лучшие произведения получали награды. Важно было услышать мнение и критику слушателей и, конечно, руководителя.

Литературная студия «Надежда» под руководством нашего дирижёра и наставника В.И. Пальчикова вырастила целую плеяду литераторов, получивших высокое звание Члена Союза писателей Российской Федерации. Владимир Иосифович гордился своими учениками, стихи и проза которых были проникнуты глубоким чувством сопричастности к происходящему в стране и в мире. Видимо, не зря в одном из изданий альманаха «При алтаре надежды» студия названа «Храмом поэзии на Саянской», в котором высказывались современные идеи, касающиеся даже спасения мира. Здесь собирались люди разных философских воззрений и разной меры таланта.

Не забывали студию и руководители Московской областной организации Союза писателей Л.К. Котюков, Г.Б. Осипов и др. Особенно много для развития студии и повышения уровня литературного мастерства её членов сделал Григорий Борисович Осипов, ныне Президент международной Академии русской словесности. Во все времена существования студии в течение 15 лет Григорий Борисович всегда был с нами: это организация различных литературных конкурсов, обсуждение работы студии, подготовка студийцев к вступлению в Союз писателей, вручение наград и многое другое.

Литературной студией «Надежда» были возвращены многие литераторы, удостоившиеся звания Члена Союза писателей России: Надежда Ушакова, Наталья Иевлева, Инна Мухина (авт.), Алевтина Котова, Екатерина Сивко, Нина Малахова, Александр Леонтьев, Александр Кашин, Алла Губченко, Ольга Новикова и др. У большинства из нас написано и выпущено по нескольку книг, много публикаций в различных журналах и периодике. Нас объединяло бескорыстное служение Истине и Добру, красоте поэтического слова. И, конечно, каждый искренне писал стихи, посвящённые В.И. Пальчикову, которого мы любили.

Владимир Иосифович не приветствовал пошлых, скабрёзных стихов. А ведь именно в это время расцветали опусы Э. Лимонова, студии №13 и др. «телешаржи», где через слово всё было «ниже пояса» и в разных вариантах, безусловно, меркантильно и, как бы, должно было приниматься «на ура». Мы, студийцы, воспитывались на классике, и наш дирижёр Пальчиков тактично и талантливо направлял нас к осмысливанию истинной поэзии. Торопясь на занятия и боясь их пропустить, мы знали, что будем священнодействующими участниками живых литературных бесед «При Алтаре Камены».

В.И. Пальчиков написал шесть книг, множество критических статей и предисловий, а также совершенно оригинальных посвящений тем литераторам и ученикам, кому он дарил свои книги. Посвящения были интересны тем, что они касались особенностей творчества и личности посвящаемого; в последний год жизни он работал над поэтическим оформлением посвящений (а их накопилось множество!), планируя выпустить их отдельной книгой. Нам было очень интересно получать такие подарки, например, «Совершенномуудрой Инне Юрьевне Мухиной – о далёком и близком».

*Мум и нимб – увы, быву б минимум!
Мухина – мотае/вит «Ом мани ... хум»¹.*

Вот так много всего в одном только посвящении! Или такой катрен, посвящённый поэтессе, талантливому члену нашей студии Алевтине Котовой:

*Тек с Абрау-гор-рог² у/арб-аскет,
Нотабена – крик/с кирк – Энеба тон?
Тетра в кварту сток/нот (с утра в квартет),
Но в зенит вела. Алевтине звон.*

Или такое посвящение крупному теоретику и практику современной русской комбинаторной поэзии Ивану Владимировичу Чудасову (г. Астрахань), соавтору книги «Пятилирник»:

*Не знаю, может, крайний экстремист ты
В модерне но, и истинен, и ист.
Тебя возвесть я даже в Трисмегисты
Готов, поскольку ты палиндромист.*

Названия книг В.И. Пальчикова, возможно, вначале поражают необычностью, однако, глубоко продуманы автором. Например, книга 2005 г. «Кутикль от Калки гук» означает следующее: кутиклы – древнерусский музыкальный инструмент, Калка – река в Донецкой области, на берегах которой в 1223 г., русские сражались с татаро-монголами и потерпели тяжёлое поражение, гук – глухой звук, ночной крик совы (этимологический словарь русского языка. М. Фасмер).

Новые палиндромические сонеты в книге пронизаны патриотизмом, тревогой за Русь. Пальчиков связал наше прошлое с злободневностью сегодняшнего дня. Его слово напоминает о необходимости знать и помнить прошлое, быть готовым к защите Отечества.

*Всё ближе, ближе час назначенный,
Что мне от Калки (Гук ли, гик ли)
Шумит ... Тревогами охваченный
Душой дышу в мои кутиклы.*

В книге «О купавы торк. 100 новых палиндромических сонетов», 1999 г. Пальчиков цитирует великого французского поэта Стефана Малларме (1868 г.), который был приверженцем нового искусства, творческих поисков «тёмного» стиха. Малларме пишет, что «На страницах издания, пусть даже самого отважного, уважающего свободу творчества, я не могу позволить себе совершенно пренебречь общепринятыми нормами». Малларме – «искатель квадратуры метафизического круга на путях поэзии, интуитивист, мистик и маг» – таковы его рейтинговые знаки. Густ и загадочен его сонет, он завораживает своими суггестиями (лат. *suggtsnio* – намёк, внушение).

В своей программной статье «Мои густейшие, в суггестиях, сонеты» – послесловии в книге «О купавы торк» – В.И. Пальчиков рассказывает о сущности своего палиндромического эксперимента, вводит его в историко-литературный контекст, в круг современных морально-этических проблем. Он отправляет нас к Пушкину (Пушкин вакхический) и Гоголю, Тютчеву и Пастернаку, Вознесенскому и Вышеславскому и др.

¹ Ом мани падме хум – человек, рождённый в лотосе – здравица тибетских монахов в честь Будды.

² Рог – здесь: сила, военная мощь.

В сонетах к Леониду Вышеславскому Пальчиков пишет:

*Короли те всяк: «Я – светило, Рок...»
Лиром я быть? ... Босой, особь ты б морил ...
(Коры в шоке: – лад – в далеко швырок).*

Меня (автора) это стихотворение поразило, и я написала на эту тему своё, конечно, не палиндромическое!

В.И. Пальчикову

«Феба бюст и нецк ценит Сю. Бабеф»

*1. Палиндромизм – предназначенье
Не просто созданных стихов.
Быть может, это наважденье,
Неразделённая любовь
К палиндромическому слогу,
Или когда-то к Сю. Бабеф?
Какому поклонялись Богу
Сквозь немоту «Немит и Неф»?
Как хороши «самфиры» Ваши
И часть бериллия-берилл –
Среди густой словесной каши
Луч палиндрома засветил.*

И ещё

*2. Ваши истины – даль окоёма,
Закольцованных мыслей каскад.
Бьёт энергий поток неуёмный,
Не взыскую похвал и наград.
Рассыпаются искры огня,
Палиндромные цепи звенят.*

(Автор)

Пальчикову близка яркая парадоксальность Андрея Вознесенского, и он пишет сонеты к А. Вознесенскому. Отдельно о футуристах: Давид Бурлюк, Велимир Хлебников, ранний В. Маяковский; об эпохе Возрождения написаны сонеты: Данте, Петрарка, Рафаэль, Тициан, Микеланджело; о нашей эпохе: Ю. Гагарин, И. Сталин, В. Ленин; моление о спасении России и др.; об исторических личностях: Андрей Рублёв, Феофан Грек, Евпатий Коловрат.

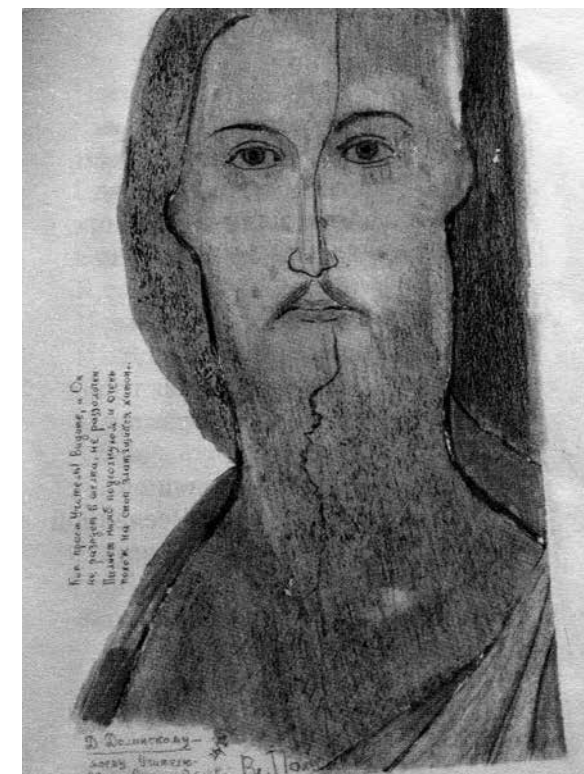
Суггестию и метафору «тёмной» поэзии Пальчиков называл благородной сложностью самодостаточного палиндroma, стремлением к простоте. Он объяснял: «И невозможное возможно. Я доказал, что русский язык творит чудеса в самых сложных ограничениях, что будучи разрушенным, он продолжает жить и развиваться».

*3. Как странен палиндром,
Зовущих слов мираж,
Сознанья скрытый пласт
И суггестий кураж.*

(Автор)

Пальчиковские сонеты, несмотря на сложность восприятия, врезаются в память всей мощью своих суггестий, их значимостью и необратимостью. «Поэтическая суггестия способна передавать смутные душевные состояния, завораживая пленительной неясностью». (М. Рьльский). Это – нечёткие мерцающие образы, зыбкие речевые конструкции настоящей поэзии, далёкой от штампа и пошлости. Огромное многообразие поэтической суггестии заключено в лирике А. Блока (Звуки снежной метели, ночи...), Б. Пастернака (Зимняя ночь и др.), Н. Заболоцкого (Можжевельный куст), Л. Мартынова (Река Тишина), В. Маяковского (Послушайте, если кто-то зажигает звёзды...), М. Лермонтова (Есть речи – значенье, темно иль ничтожно, но им без волнения внимать невозможно). Суггестии В.И. Пальчикова, палиндромические суггестии, безусловно, сложны, но имеют место быть, украшая сонет.

Нельзя не сказать об одной из замечательных работ Владимира Иосифовича «Сонеты временных лет», которая опубликована в книге «Пятилирник» в 2009 г. Название книги и слово об авторах – «Обретение имени» выбрано (удачнее не назовёшь!) и написано В.И. Пальчиковым. Авторов в «Пятилирнике» – пять: Алевтина Котова, Алла Кузьмина – спонсор этого издания, Инна Мухина – составитель и автор, Владимир Пальчиков, Иван Чудасов. Сонеты Пальчикова пронизаны тревогой за Русь на фоне исторических событий, а также циклы сонетов по мотивам древней Руси: «Слова о полку Игореве», живописи Андрея Рублёва и др. Вот как он сам пишет об этой необычной книге: «Участвуя в книге “Пятилирник” в качестве одного из авторов, я получил прекрасную возможность выпустить в свет довольно-таки полное собрание своих историко-философских сонетов – всё наиболее значительное и ценное из того, что сделал я в этом роде за 50 лет творческой работы». Написанные (некоторые давно) сонеты не только не устарели и не потеряли своей актуальности, но перекликаются с рубцовскими «Видениями на холме». У Николая Рубцова: «...и вереницы птиц твоих Россия затмил на миг в крови и жемчугах тупой башмак скуластого Батыя ... Россия, Русь! Храни себя, храни! Смотри опять в леса твои и долы со всех сторон нагрянули они, иных времён татары и монголы...». Пальчиков, опираясь на прошлые кровопролитные сражения русичей и говоря о судьбах современной России, призывает «всегда быть начеку» (Моление о спасении Руси).

Вариация иконы Андрея Рублёва.
Спас из Звенигорода

Иван Владимирович Чудасов пишет так: «Основным излюбленным жанром для Владимира Иосифовича всегда был сонет, и вершиной его творчества являются палиндромические сонеты, в которых каждая строка читается одинаково как слева направо, так и справа налево: “Иду ... Скорее, рок, суди!”. Пальчиков считает палиндромические сонеты квинтэссенцией мировой литературы и смело вводит в них собственные имена из различных культур и религий, использует словарь В.И. Даля, находясь при этом под жёстким диктатом языка, те или иные слоги языка словно сами входят в его тексты. Эти и другие оригинальные решения использования языка позволяют считать В.И. Пальчикова основателем русского палиндромического сонета».

Но, конечно, не только палиндромы интересовали В.И. Пальчикова. Вот сонет из цикла «Андрей Рублёв»

Реставратор

*Время, время! Всего ты мудрее,
Что же, крыльями ангела алого
Над твореньями гениев рея,
Не даёшь ты им вечного крова?*

*Краски сыплются глиной,
Былого нет давно уже блеска, старея,
Разрушаются лики Рублёва –
Упоённого светом Андрея.*

*Им бы в пору могильные склепы,
Но приходит художник Асклепий ...
Цвет поёт уже, линия плавна.*

*И в соборе под сводами нефа
Разрастается облаком в небе
Светлый лоб у Апостола Павла.*

Или вот сонет «Новый Птолемей», наполненный пространством и временем:

*Хотя в работе с рифмой моей
Кустарь я вечный (тут до ЭВМ ли),
Беру девиз я: веяниям внемли,
Да и дружить с науками умей.*

*Твержу себе: с учёными не смей
Тягаться в спорах, явное приемли ...
И в центр Вселенной милую мне Землю
Упрямо ставлю, новый Птолемей.*

*Я так считаю: вертится планета,
Чтоб всем на ней живущим, и везде
Светило солнце в ясной высоте.*

*А если все ж всё это не затем,
У философских истинных систем,
Тогда и смысла истинного нету.*

А посему, за веру в силу и красоту поэтического слова и гуманистическое влияние поэзии на ум и душу великого множества людей, Владимиру Иосифовичу Пальчикову низкий поклон и светлая память.

Литература

1. Книжное обозрение, №12, 1991 г., Москва.
2. К. Эрендженев. Калмыкские благопожелания. Перевод с калмыцкого Владимира Пальчикова (Элистинского), 2001 г., Москва.
3. Вл. Пальчиков. Свод сонетов. 1993 г., Москва.
4. Вл. Пальчиков. О Купавы торк. 1999 г., Москва.
5. Вл. Пальчиков. Кутикл от Калки Гук. Новые палиндромические сонеты. 2005 г., Москва.
6. Вл. Пальчиков. Сонеты временных лет. В книге «Пятилирник». Составитель И. Мухина. 2009 г. Москва.
7. Вл. Пальчиков. Чело – веков – человек. 2011 г., Москва.
8. Вл. Пальчиков. Предисловия, подборки стихов в литературных Альманахах «При алтаре Надежды», выпуски I–II. 2003–2008 гг., Москва.
9. А.Г. Леонтьев. Храм поэзии на Саянской. Литературный Альманах «При алтаре Надежды», выпуск III. 2008 г., Москва.
10. В. Маяковский. Стихи. Т.1, 1992 г.
11. Райнер Мария Рильке. Книга образов. 1910 г.
12. Велимир Хлебников. Экспериментальная поэзия. 1910–1915 гг.

ПОЭЗИЯ

Евгений КАРУНИН

Евгений Александрович Карунин – родился в 1972 г. в Москве. Окончил филологический факультет МГОПУ имени М.А. Шолохова; кандидат педагогических наук, доцент. Член МГО Союза писателей России, автор поэтических сборников «Российские перезвоны» (1998 г.) и «Царство вечных небес» (2004 г.), а также историко-патриотических поэм «Сказание о Невской битве» (2008 г.) и «Куликово поле» (2011 г.). Поэма «Куликово поле» была отмечена дипломом «Лучшая книга 2008–2011».

Живёт в Москве.

«Я – сын России, русский человек!»

Дева Мария

Где бы я ни был: на суше иль в море,
В поезде мчался иль сел на коня;
В радости жил или встретился с горем, –
Дева Мария, Ты подле меня..
Мил мне Твой образ, пресветлый, нездешний,
Мил мне Твой чуткий, вселюбящий взор,
Ты, как звезда не пути моём грешном,
Где суета, где соблазны и вздор.
В час, когда путь мой метель застилает,
В час, когда ветры бушуют вокруг,
Образ Твой чистый зарю предвещает
И не даёт заблудиться средь вьюг.
К небу поднять лишь глаза я посмею, –
Вижу Твой лик неземной красоты,
Вижу, как тучи над миром развеяв,
Мне с облаков улыбаешься Ты..
Разом земные мечты исчезают,
Всё, что ценил, рассыпается в прах..
Чувство свободы мне грудь наполняет,
Светлой слезою застыв на щеках.

Русский язык

Молитва седовласого монаха..
Беспечный крик играющих детей..
Плач покаянный грешника пред плахой.
Напевный голос матери моей. –
Как океан, могучий и безбрежный,

Ты всё объял, великий наш язык, –
Возвышенный, весёлый, жгучий, нежный,
И меткий, и стремительный, как миг!..
Ты – путь отцов. Ты летопись России:
Ты вместе с ней и строил, и страдал.
И ввысь взлетал. И падал от бессилья.
И вновь вставал. Шёл в бой. И побеждал!
Тобой, как хлебом-солью, я питаюсь.
Тебя я, как молитву, берегу.
И если с отчим домом прощаюсь, –
С тобой мне быть на дальнем берегу..
Пусть знает мир, что я – хранитель дара,
Который не растратится вовек,
И вопреки всем жизненным ударам,
Я – сын России, русский человек!

***

Я – поэт двадцать первого века
С песней звонкою в пылкой груди.
Я пришёл исцелить Человека,
Чтобы смог он себя обрести..
Вторгся в мир наш искусственный разум,
Подчинив себе души людей,
И всё чаще фальшивые фразы
Мы используем в жизни своей.
Мы играем чужими словами,
Мыслим так, как велит Интернет.
Утвердился расчёт между нами,
А любви, сострадания нет!..
Я – наследник минувшего века,
Я – поэт с песней звонкой в груди.
Я пришёл исцелить Человека,
Чтобы смог он себя обрести.
Я принёс с собой слово живое
О любви, о прохладе ночей,
О прилёте в гнездовье родное
Долгожданных крикливых грачей.
Я принёс с собой песнь о героях
Стародавних, былинных времён,
О поэтах, не знавших покоя,
О скитальцах, покинувших дом;
О неистовой, пламенной вере,
О надежде, умении ждать,
О земле, где лишь птицы и звери,
О краях, где царит благодать.
Может быть, меня кто-то услышит,

Чьё-то сердце забьётся сильней,
 Дождь весенний прольётся на крыши,
 И в садах запоёт соловей.
 Может, будет немного добрее
 Наш безумно-изменчивый век,
 И в себя, в свои силы поверив,
 Станет чище душой Человек...

***

Снова сердце стучит невпопад, –
 Тишины и покоя не хочет.
 За окном же – колдун-листопад
 Перемены мне в жизни пророчит.
 Лето звонкой стрелой пронеслось,
 Обогрев лучезарной улыбкой.
 Жаль – не всё совершилось, сбылось,
 Жаль, что счастье земное так зыбко!
 Завтра встретят меня холода,
 Снегопады, метели, метели,
 В зимний сумрак умчат поезда
 От надежд к неизведанной цели...
 Сохраню я в душе теплоту –
 Дар сгоревшего знойного лета –
 Чтоб не кануть средь вьюг в темноту,
 Чтоб дожить до весенних рассветов.
 Оттого-то опять невпопад
 Сердце бьётся, покоя не хочет...
 За окном же – колдун-листопад
 Перемены мне в жизни пророчит.

***

Давно отпылали пожары
 Лихой, беспощадной войны,
 Но вновь наводняют кошмары
 Мои быстротечные сны...
 И, как наяву, предо мною
 Под Курском деревни горят,
 И голос «Орудия к бою!»
 Разносится, словно набат...
 В зловещих крестах вражьи крылья
 Кружат над моей головой,
 А я, задыхаясь от пыли,
 В овраге лежу чуть живой...

Как тяжко, как трудно подняться,
 Но сердце в атаку зовёт, –
 И снова готов я сражаться,
 И снова бегу я вперёд!
 Сквозь пули, шрапнель, грохот минный,
 Сквозь жгучее море огня
 Отечества голос призывный
 Ведёт в бой неравный меня.
 Сейчас меня взрывом накроет –
 До смерти коварной лишь миг –
 И в вихре кровавого боя
 Утонет предсмертный мой крик...
 Лишь вера во мне б не угасла –
 Я верю, что будет опять
 На небе безоблачно-ясном
 Нам мирное солнце сиять!
 В огонь с этой верой бросаюсь,
 Свой взор устремив к небесам.
 Как больно!.. И я просыпаюсь –
 За окнами птиц голоса.
 Весеннее солнце сияет
 Средь мирных, высоких небес,
 И майской листвою играет
 За речкой берёзовый лес...
 Давно отпылали пожары
 Лихой, беспощадной войны,
 Но вновь наводняют кошмары
 Мои быстротечные сны...

Хокку – переключка через века

Я хочу рассказать вам об одной из национальных стихотворных форм Японии – хокку.

Хокку (или хайку) – лирическое стихотворение всего лишь из трёх строк, трёхстишие. Оно отличается предельной краткостью и своеобразной поэтикой. Хокку изображает жизнь природы и жизнь человека в их слитном, нерасторжимом единстве на фоне круговорота времён года.

Хокку зародилось в конце XV века на основе народных коротких песен – сжатых поэтических формул, где нет ни одного лишнего слова. Постепенно эти песни перешли в литературную поэзию и стали развиваться по своим законам.

Расцвет хокку пришёлся на вторую половину XVII века, когда творил Мацуо Басё, величайший поэт Японии, создатель целой эстетической школы японской поэтики. Стихи Басё и ныне, по прошествии трёх веков, знает наизусть каждый культурный японец.

Японская поэзия силлабическая, поэтому ритмика трёхстишия основана на чередовании определённого количества слогов: пять в первом стихе, семь во втором и пять в третьем, всего семнадцать слогов. Рифмы нет. Кстати, Басё, как поэт-новатор, иногда не считался с метром, стремясь достигнуть наибольшей поэтической выразительности.

Искусство писать хокку – это, прежде всего, сказать многое в немногих словах. Задача поэта – заразить читателя лирическим волнением, разбудить его воображение, и для этого не обязательно рисовать картину во всех деталях. Например:

*На голой ветке
Ворон сидит одиноко.
Осенний вечер.*

(Здесь и далее – произведения Мацуо Басё)

Стихотворение похоже на монохромный рисунок тушью.

Евгения Васильевна Полякова – родилась в Москве. В 1982 г. окончила МГПИИЯ им. М. Тореза. Работала переводчиком, преподавателем. Замужем, имеет двух дочерей. Живёт в Москве.

*Бабочки полёт
Будит тихую поляну
В солнечных лучах.*

Совершенно импрессионистическая картина. Иногда поэт создаёт не зрительные, а звуковые образы:

*Посадили деревья в саду.
Тихо, тихо, чтоб их ободрить,
Шепчет осенний дождь.*

А вот уже целая объёмная картина, которую легко представит себе современный читатель, избалованный чудесами изобразительных средств:

*Колокол смолк вдалеке,
Но ароматом вечерних цветов
Отзвук его плывёт.*

Благодаря своей максимальной краткости, сфокусированности, хокку учит видеть красоту в самом простом, обыденном, в том, на что обычно не обращают внимание:

*Внимательно взглядишь!
Цветы пастушьей сумки
Увидишь под плетнём.*

В хокку есть недоговорённость. Стихотворение состоит всего из трёх стихов. Каждый стих предельно короток. Всё лишнее отжимается, отсеивается, не остаётся ничего, что служит только для украшения. Даже грамматика в хокку особенная: грамматических форм немного, и каждая несёт на себе предельную нагрузку, иногда совмещая несколько значений. Средства поэтической речи отбираются крайне скупно: хокку избегает эпитета или метафоры, если можно без них обойтись.

*Едва-едва я добрёл,
Измученный, до ночлега...
И вдруг – глициний цветы!*

Я хочу привести одну цитату из повести Ю. Семенова «Семнадцать мгновений весны»:

«Однажды Штирлиц, больше всего любивший раннюю весну, сказал Плейшнеру:

– Скоро литература будет пользоваться понятиями, но отнюдь не словесными длительными периодами. Чем больше информации – с помощью радио и кинематографа – будет поглощаться людьми, а особенно подрастающими поколениями, тем трагичней окажется роль литературы. Если раньше писателю следовало уделить три страницы в романе на описание весенней просыпающейся природы, то теперь кинематографист это делает с помощью полуминутной заставки на экране. Ремесленник показывает лопающиеся почки и ледоход на реках, а мастер – гамму цвета и точно найденные шумы. Но заметьте, они тратят на это минимум времени. Они просто доносят информацию. И скоро литератор сможет написать роман, состоящий всего из трёх слов: “Эти мартовские закаты...”. Разве вы не увидите за этими тремя словами и капель, и лёгкий заморозок, и сосульки возле водосточных труб, и далёкий гудок паровоза – вдали, за лесом, и

тихий смех гимназистки, которую юноша провожает домой, сквозь леденящую чистоту вечера?».

Это написано в 1968 году. Как видите, Юлиан Семенов оказался провидцем. Причём он, естественно, не мог учитывать появление компьютерной графики, а также последние достижения звуковой и световой техники.

В постиндустриальную эпоху мы перегружены информацией: зрительные, звуковые, смешанные раздражители непрошенными гостями вламываются в наше сознание. Избыток информации порождает так называемое «клиповое мышление», когда человек не может надолго сосредоточиться на чём-то одном. Мозг требует всё новой и новой информации, а сознание скользит по поверхности, нет ни времени, ни сил, ни привычки что-либо тщательно обдумывать, проникать в суть вещей.

Мне кажется, жанр хокку для современного человека – это своеобразный антидот, лекарство от пресыщенности образами. Хокку невозможно читать запоем, жадно перелистывая страницы. Каждое трёхстишие требует внимательного, вдумчивого отношения, будит творческую фантазию читателя, делает его в известной степени соавтором произведения. Хокку избегает всего вычурного, высокоумного, его образы близки и понятны любому, даже не очень искущённому читателю. Ценность хокку в том, что эти стихи обращены к божественному свету, который есть в сердце у каждого.

Таким образом, нет ничего удивительного в том, что средневековая японская стихотворная форма оказалась так близка восприятию современного человека. Понятно, что мышление современного европейца существенно отличается от этических и эстетических взглядов японца XVI–XVIII веков. Однако, то, что лежит в основе хокку – ощущение неразрывной связи человека и природы, умение находить красоту в простом, незаметном, неприметном, понимание того, что каждый человек – целый космос – необычайно актуальны и понятны сегодняшнему читателю. Поэзия хокку лишней раз доказывает, что в искусстве нет и не может быть линейной последовательности. Открытия старых мастеров, очень удалённых от нас и во времени, и в пространстве, оказываются ключом к пониманию современного нам мира.

А теперь позвольте предложить вашему вниманию несколько моих произведений, написанных в технике хокку. Я не придерживалась строгих правил о количестве слогов в каждом стихе. Главное в хокку для меня – основной творческий метод, который лучше всего выразить словами Б.Л. Пастернака: «Нельзя не впасть к концу, как в ересь, / В неслыханную простоту».

*Пунцовые листья струятся
С веток высокого клёна.
Навстречу рождению иль смерти?*

*Сквозь лохмотья туч
Новорожденный выглянул месяц.
Утро нового года.*

*Лишь на несколько часов
Снег окутал деревья.
Где вы, русские зимы?*

*Гуляю с коляской в парке.
Сколько тысяч шагов
Вмещает сон ребёнка?*

*Никак не найдут в кормушке
Любимых зёрен синички.
Старик не выходит гулять.*

*Младенец задумчиво смотрит
На украшенную ёлку.
Первый его Новый год.*

*В сумерках тщетно ищут
Пушистый хвостик белки.
Короток зимний день.*

*С лёгкой улыбкой смотрит
Двухлетний малыш на младенца.
Между ними – целая жизнь.*

75 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Василий ЛОВЧИКОВ

Журнал «Великороссъ» поздравляет Василия Дмитриевича с 85-летним юбилеем!

Василий Дмитриевич Ловчиков – родился в 1935 г. в городе Воронеже. В 1957 г. окончил Высшее военно-морское инженерное радиотехническое училище в г. Гатчине. С 1957 по 1964 гг. служил в Военно-морской и Дальней авиации (ДА) на разных должностях. В 1967 г. окончил Военно-дипломатическую академию (ВДА). Работал в Москве, за рубежом и в ВДА. Кандидат военных наук, доцент, академик Международной академии духовного единства народов Мира. В настоящее время – профессор Военного университета МО РФ. С 2000 г. член Союза писателей России, член-корреспондент Академии поэзии. Автор 24 сборников стихов и поэм. За литературную деятельность награждён 6-ю медалями, в том числе: Владимира Маяковского, Михаила Лермонтова и Александра Пушкина.

Живёт в Москве.

«Они сражались за свободу...»

Слава солдату России

Император российский сказал,
Что в друзьях наш имеет народ
Тех, кто верность стране доказал:
Это Армия наша и Флот,
А другой император изрёк:
«Чтобы вражьи солдат не кормить,
А свой стойко Отчизну стерёг,
Его надо достойно ценить».
Не всегда наш ценился солдат,
Не всегда ведал кров и почёт,
Но всегда он не ради наград
Шёл на смерть, защищая народ.
На земле, на воде, в небесах,
Как бы ни был противник силён,
Одолев все невзгоды и страх,
Славил стойкостью Родину он.

Высокая награда

Ловчикову Б.А.

В тот год сорок первый жестокий
На стыке двух сельских дорог
В засаде расчёт одинокий
Колонну фашистов стерёг.
И бой на заре завязался:

Расстрелян был танковый взвод,
Но весь под осинкой остался
Раздавленный танком расчёт.
Бойцов тех, по танкам стрелявших
И павших, долг выполнив свой,
Как без вести даже пропавших,
Никто не отметил строкой..
Давно уж война миновала,
И здесь, под осиновый стон,
Сыновья рука откопала
Отцовский солдатский жетон.
Путь вёл к этой рослой осине
Из дальних мальчишеских лет:
От школьного возраста сына
До зрелого возраста – дед!
Сын подлым намёкам не верил:
«Зря ищешь – с врагами удрал!»
И вёрсты военные мерил –
По братским могилам считал.
От волжских степей до Берлина
Он тысячи кладбищ прошёл..
Лишь здесь – под смоленской осиною
Отца среди забытых нашёл.
Страна юбилейную дату
Встречает под орденский звон,
И сын прикрепляет награду
К портрету – солдатский жетон!

Баллада о пушке

Легендой с седого гранита
Гвардейская пушка глядит –
Станина лафета пробита,
Изранен осколками щит,
Лишь ствол да казённый исправны,
Готовы заряды принять
И вновь, как в той битве неравной,
По танкам стрелять и стрелять!
Склонились над пушкою клёны,
Доносятся крики грачей..
А ей – всё мерещатся стоны
Рубеж удержавших друзей.
И танк, что стремился покончить
С её беспощадным огнём.
Ей грезится юный наводчик,
Что с ней оставался вдвоём.
Изранен, из сил выбиваясь,
Он жил лишь желаньем успеть

И в смерть, что жерлом примерялась,
 Вогнать броневой смерть!
 Два залпа ударили кряду,
 Танк вспыхнул за выстрелом вслед,
 Осколки чужого снаряда
 Пробили и щит, и лафет...
 И пушка всё смотрит с гранита,
 Наводчика храброго ждёт,
 Ей верится – жив, не убит он
 И к ней непременно придёт!

Отец

Всё умел и делал сам,
 Верил в сказочные дали,
 Но не верил в чудеса,
 Знал, что сбудутся едва ли.
 Весь в делах встречал рассвет
 И трудился до заката,
 И вины его в том нет –
 Получал не ту зарплату...
 Всю войну прошёл пешком
 От начала до победы,
 Брёл с солдатским вещмешком
 Сквозь её кошмар и беды.
 Как работник и солдат
 Память добрую оставил:
 Посадил прекрасный сад,
 Как хозяин дом поставил,
 Вывел в люди сыновей,
 Грудь наградами украсил...
 Путь под крест у тополей
 Был тяжёл, но не напрасен!
 Всем, прожившим так, как он,
 Сна и устали не зная,
 Низкий до земли поклон,
 Память вечная земная!

Баллада о сонете

Царит высота над равниной,
 Наморщив траншеями лоб,
 А выше – замшелю глиной
 Глядит одинокий окоп.
 На бруствер с плакучей берёзы
 Осенняя капает медь,
 И ветер упавшие слёзы
 Не в силах, вздохнув, утереть.

Он знает – в окопе снарядом
 Зарыт неизвестный поэт,
 А в гильзе, ржавеющей рядом, –
 Его лебединый сонет.
 И гильза под глиной страдает,
 Надеждой солдата живёт,
 Что кто-то её откопает,
 Заветные строчки прочтёт!
 Но плод вдохновенья поэта
 Земля молчаливо хранит,
 Лишь текст лебединый сонета
 Всезнающий ветер твердит.
 И к людям спускаясь по крышам,
 Он верит – кого-то найдёт,
 Кто плод вдохновенья услышит,
 И в гильзе сонет не умрёт!

За стольный город

Штурм отражён, но нас осталось двое,
 А немцы рвутся вновь атаковать:
 Не собирались мёрзнуть под Москвою,
 Мечтали в ней победный год встречать.

Их прыть блицкрига мы сорвать сумели,
 Но не настало время ликовать –
 В метелью запорошенной постели
 Уснувших вечным сном не сосчитать!

Налей, сержант, за тех, кто не проснётся,
 Кто встал живой стеною под Москвой,
 Не отступил, покуда сердце бьётся,
 И принял смерть за стольный город свой.

И снова штурм. Опять ревут моторы.
 Смелей, сержант, стреножь из ПТР
 Ведущий танк, я ж тем займусь, который
 Нас правым флангом обойти хотел.

Держись, сержант, и не попомни лихом,
 Коль и меня метель накроет здесь,
 А будешь жив, родным в посёлке Тихом
 Не поленись, прикрась лихую весть.

Проклятых жги за тех, кто не проснётся,
 Кто встал живой стеною под Москвой,
 Не отступил, покуда сердце бьётся,
 И принял смерть за стольный город свой.

Но не сержант, а я в живых остался
И, смене сдав не дрогнувший рубеж,
Всё похоронки написать пытался,
С надеждой в горе обнаружить брешь.

И в скорбной тризне чудом уцелевших,
И разделивших временный ночлег,
Из котелков и кружек обгоревших
Мы молча помянули павших всех.

Я пил до дна за тех, кто не проснётся,
Кто встал живой стеною под Москвой,
Не отступил, покуда сердце бьётся,
И принял смерть за стольный город свой.

Нас было пять

Нас было пять, наш пятый – политрук,
Два Пэ-Тэ-эР и к ним патронов двадцать,
И тридцать танков навалились вдруг,
Пытаясь к Волге через нас прорваться.
Они неслись на нас как ураган
Под гром орудий, рокот пулемётов;
В развалинах встречали мы врага –
Два антитанковых, недрогнувших расчёта.

«Держись ребята, – молвил политрук, –
В развалинах для них мы недоступны,
Атака эта не сойдёт им с рук,
Цена – патрон за каждый танк из группы!»

А фриц на нас как сумасшедший прёт,
Привык пугать психической атакой,
И начал счёт свой каждый наш расчёт –
Патроном каждым истреблять по танку.
Не тратим их стрельбой издалека,
Даём фашистам ближе подкатиться,
Чтоб въехал танк в прицел наверняка,
Дав шанс одним патроном расплатиться.

«Добро, друзья, – смеётся политрук, –
В развалинах и впрямь мы недоступны,
Атака эта им не сходит с рук:
Один патрон – и выбит танк из группы!»

Пятнадцать танков свой конец нашли,
Не одолев карающих развалин,
Вспять остальные, развернув, ушли –
Удрали прочь, чтоб их не покарали!

Познали здесь, что это не Париж,
И что к тому же даже не Варшава,
Не запугаешь! – Сам скорей сгоришь –
Ждёт и в броне жестокая расправа!

«Я ж говорил, – ликует политрук, –
В развалинах мы были недоступны,
И фрицам не сошла атака с рук –
Пятнадцать выстрелов – и выбито полгруппы!»

В День Победы

Вновь майский праздничный рассвет
Над мирной Родиной встаёт
И вас, бойцы военных лет,
В круг благодарных вам зовёт:
«Встань, ветеран, мундир надень,
Укрась реликвиями грудь
И всем позволь в свой звёздный день
В глаза истории взглянуть!»

Припев:
Ваш ратный подвиг под Москвой
И в Сталинграде враг изведаль,
А под Орлом и Курском бой –
В Берлине отгремел победой

Пусть славит вас салюта глас,
Всех тех, кто горькою стезёй
Победу выстрадал и спас
Не только нас, весь шар земной!
Сегодня вы герои дня,
Кто нёс всем радость на плечах,
И вечный реквием огня,
Связавший радость и печаль!»

Припев.

Гимн городам героям

В отечестве славном российском своём
Мы песни о ратниках храбрых поём,
Кто званьем геройства в стране навсегда
Прославил такие для всех города:
Как Брест и Одесса, как Киев и Минск,
Смоленск, Севастополь и Новороссийск,
И Ельню, и Ржев не забыли среди них,
Сорвавших боями фашистский блицкриг.

Припев:

Будь славен в веках каждый город-герой,
Что Русь прикрывал от фашизма собой,
А также прославивших подвигом град:
И выживших в битвах, и павших солдат.

Победный развеян был миф под Москвой –
Гнал первым захватчиков город-герой!
А подвиг столицы продолжить был рад
Герой Сталинград и герой Ленинград.
Овеяли славой карающий меч:
И Мурманск полярный, и Тула, и Керчь;
Прославили подвиг не меркнувший свой:
Орёл, Курск и Белгород – Курской дугой.

Припев.

Вновь отмечаем День Победы

Встречаем вновь Победы день,
День славы, гордости и боли,
И скорби траурную тень,
Что носим в сердце поневоле.
Не можем позабыть никак
Всех павших, нам до боли близких,
Чей подвиг понесли в века,
Достойно славя, обелиски.
Презрев страдания и смерть,
Они сражались за свободу,
За гневный суд тогда и впредь
Фашистско-дьявольскому сброду.
Повержен был тогда фашизм
И осуждён, казалось, всеми,
Но среди всех сейчас нашлись,
Кто вспенил дьявольское племя.
Вновь марши, факелы и смерть...
И вновь ослепли демократы:
Не в силах рядом разглядеть –
Вояк, с кем ад готовят Штаты.
И наша цель – не прозевать,
Чтоб не винить внезапность снова,
Напрасно близких не терять,
И обелиски множить повод!
А майский праздничный Парад
Пусть нашим недругам подскажет:
Да! – Мы умеем воевать,
И, коль придётся – вновь докажем!

ПРОЗА

Ирина ЛЕСНАЯ-
ИВАНОВА

Рассказы

Вещий сон

Катенька познакомилась с Толиком и сразу захотела выйти за него замуж. И действительно, Анатолий был богат, умён, красив и как-то необыкновенно беззащитен, совершенно не приспособлен к самостоятельной жизни в свои 27 лет. Его аристократическая, но слегка недоделанная Богом внешность принца, подобно загадочному далёкому Парфенону, будила фантазии, уносила в античный мир. Как-то раз Катя гуляла с Толиком в парке Горького. Незаметно молодые люди завели разговор о влиянии родителей на судьбу детей.

– Знаешь, – сказал Толик, – мама моя очень придирчивая. Она 11 невест отвергла. Одна, по её мнению, была сумасшедшая, так как принадлежала баптисткой секте; другая бедная, поскольку на сберегательной книжке у неё ничего не было; третья добрая, но уж очень некрасивая; четвёртая и красивая, и умная, и богатая, но иногородняя; пятая в общении неинтересная; шестая и умная, и красивая, и богатая, и москвичка, но слишком хищная, того гляди нашу сталинскую четырёхкомнатную квартиру в двести квадратных метров с четырьмя лоджиями разменяет на обычные малогабаритные двушки; седьмая всем хороша, но всё-таки меня, принца, дворянина в седьмом колене, сына знаменитых врачей-психиатров, недостойна и дальше в том же духе. Я уже устал и отчаялся и перестал девушек в дом приводить, чтобы их не обижать и самому на скандал не нарываться. Я понял, что мама просто не хочет, чтобы я когда-нибудь женился. Кажется, она меня любит больше, чем материнской любовью. Это в психиатрии комплексом Иокасты называется. Только Иокаста любила пасынка, а я-то сын родной. И от меня она хочет больше, чем простой сыновней любви.

– Как всё у вас непросто, – задумчиво сказала Катенька. – А она у тебя красивая?

– Красивая, – отвечал Толик. – Блондинка с голубыми глазами, правильными чертами лица.

Ирина Лесная-Иванова – член МГО СП России, поэтесса, прозаик, драматург, литературный критик, кандидат философских наук, доцент, член Академии российской литературы, член Союза журналистов. Родилась в 1966 г. в Москве. В 1988 г. окончила Московский Государственный Педагогический Институт имени В.И. Ленина. В 2002 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Феномен времени в лирике Серебряного века» по специальности «эстетика». С 2002 г. преподавала в различных университетах Москвы и Подмосковья. За достижения в области поэзии награждена Золотой Есенинской медалью «За верность традициям русской культуры и литературы» и другими наградами. Автор книг поэзии и прозы. Живёт в Москве.

Гордая, своенравная польская дворянка. Высокого о себе мнения справедливо была в юности. Мужчины стаями вокруг ходили, но она всем отказывала. Постепенно они других дам находили, не выдерживали рыцарского ухода. И только мой отец не уступал, семь лет цветы дарил, холодность и пренебрежение терпел. Наконец мама дала ему своё согласие, поскольку отец один остался, а все остальные женихи разбежались. Сказала она себе тогда: «Раз такой упорный, значит, любит. Надо осчастливить человека». Правда, потом всю жизнь страдала и говорила: «Не ровня мне муж. Я дворянка столбовая, а мой род от самого Петра Первого идёт, а он из крестьян. Крестьяне-средняки были в роду, не голубая кровь, простой мужик и сколько бы ни учился, как бы умён ни был, а всё мужичком останется, которому тонких материй не понять». Я уж не знал, кого жалеть: маму или папу. Она за человека не из своей касты вышла, он всю жизнь терпит презрение, отношение свысока, подчёркивание, что одолжение когда-то сделали. Хотя папа стал кандидатом психиатрических наук и заведующим мужским психотделением больницы, а мама только заведующим женским отделением психиатрической лечебницы. Кандидатскую она не писала, может, поэтому так отца и тычет, что она дворянка, а он середняк.

Катя хотела простосердечно заметить, что она по отцу, который в Советском Союзе, благодаря партии, занимал высокую должность, из нищих крестьян, которым революция дала всё, а по матери – из семьи врачей-хирургов, один из которых награждён орденом Красной Звезды, а другой занесён в Энциклопедию, но промолчала об этом и сказала:

– Да, очень-очень всё в семье вашей непросто, но зато интересно.

Она помолчала и сказала:

– А знаешь что, познакомь меня со своей мамой!

– Катя! Если ты ей не понравишься, – испуганно сказал Толик, – мне влетит. Значит, привести тебя домой я не могу. Но я уже тоже думал, как вас познакомить. И вот что я придумал. Я возьму два билета в кинотеатр «Иллюзион» на фильм «Золушка». Потом скажусь больным и сообщу, что один билет потерял. Я очень попрошу маму, чтобы она пошла вместо меня и записала все свои впечатления, ведь мне по благу обещают сделать подработку в «Иллюзионе» в виде чтения лекций перед фильмами, но сначала надо пройти собеседование. Она точно пойдёт. Ты приедешь и сядешь рядом. Вы разговариваетесь, если ты найдёшь повод для беседы. Если ты маме понравишься, она пригласит тебя к нам домой. Ты, Катя, умная, я верю, что у тебя, в отличие от остальных претенденток «на престол», всё получится.

– Хорошо, – сказала Катя, – я попробую. Жду билета в «Иллюзион».

За несколько дней до начала фильма Уолта Диснея «Золушка» Толик принёс Катерине билет и ещё раз пожелал успеха. В ночь перед встречей с мамой жениха Катя сильно волновалась, и потому ей приснился странный сон. Во сне Катерина увидела кинотеатр «Иллюзион», открытые двери, людей, выходящих с сеанса по окончании фильма. Вдруг всё потемнело, потом в темноте высветился яркий столб света, а в нём – ещё молодая, высокая, худая голубоглазая блондинка в бежевом пальто классического покроя. Голос сказал Катерине: «Вот твоя будущая свекровь. Запомни её, если ты действительно хочешь выйти замуж за своего избранника». Затем всё вокруг стало пасмурным, серым, полетели какие-то ветки, щепки, куски фанеры – начался ураган. И знакомый голос сказал: «К этому браку будет много препятствий, и сам брак не будет счастливым. Подумай, нужен ли он тебе». Далее всё исчезло,

и Катя проснулась. Она ни минуты не сомневалась, что этот брак ей нужен. Печальные известия об отвергнутых и забракovaných невестах её ничуть не смутили, а даже раззадорили. Первую половину дня Катя долго собиралась, крутилась перед зеркалом, красилась и в итоге, взглянув на часы, увидела, что сильно опаздывает к началу фильма. Она бегом домчалась до метро, почти наверстав упущенное время, но когда вышла из подземки на улицу, то стала свидетельницей странного явления: небо внезапно потемнело, задул сильный ветер, начался ураган с дождём и градом. Катя попыталась идти вперёд, ветер отшвыривал её назад, в довершение всех бед Катерина решила пройти более короткой дорогой, но посередине на тропинку, прямо перед девушкой, как крокодил с неба, упало старое ветвистое полусгнившее дерево, и краткий путь, напротив, стал очень длинным. Ветер не раз сбивал её с ног, Катя падала, поднималась, снова шла ему навстречу.

Когда Катерина, обессиленная, измученная борьбой со стихией, дошла до кинотеатра, ураган с грозой, словно по заказу, прекратился, но выяснилось, что «Золушка» давным-давно идёт и опоздавших в зал не пускают. Катя решила дожидаться конца сеанса у выхода из кинотеатра. И вот, после долгого ожидания, показавшегося Кате вечностью, двери кинотеатра растворились, и люди стали выходить на улицу. «Как в моём сне», – подумалось Кате. Среди выходящих Катерина увидела высокую голубоглазую блондинку с волосами, по старинной моде собранными в большой пучок. Не медля ни секунды, Катерина подошла к ней и спросила:

– Вы Валентина Станиславовна?

– Да, я, – удивлённо отвечала женщина. – А вы кто?

– А я Катерина. Знакомая вашего сына, – доверительно сообщила Катя. – Я вас сразу узнала, потому что, представьте себе, сегодня видела точь-в-точь такую женщину во сне, и голос сказал мне: «Это твоя свекровь».

– Какая у вас бурная фантазия, – улыбнулась женщина в бежевом пальто. – Верите в вещие сны и слышите голоса?

Они разговорились. Всю дорогу, которая длилась около получаса, Катерина делала комплименты маме Толика и нахваливала её сына. Что-то тронуло и заинтересовало врача-психиатра в Кате, и она получила приглашение в дом. Через два года Катя вышла замуж за Толика, получила штамп в паспорте и свидетельство о браке, поклявшись хранить страшную тайну их семьи: не иметь детей, с супругом в споры не вступать, жить отдельно, лишь по субботам-воскресеньям встречаясь с мужем у себя, и раз в месяц приезжать в их «сталинскую» двухсотметровую квартиру для удостоверения в том, что она, Катенька, пока ещё находится в добром уме и здравии, да и Толик от любви ещё не свихнулся. Так началась как бы супружеская жизнь Катерины, странная, полуодинокая, «со скелетом в шкафу» – страшными тайнами, о которых никому нельзя было рассказать. Ужасно-прекрасная жизнь, за которой всё-таки последовал развод, недаром сбивал её с ног ураган во сне и наяву, словно об ошибочном выборе предупреждала сама природа.

А вещие сны снились Катеньке ещё и не раз. Всякий раз, видя их, она просыпалась и думала, какой смысл в этих вещих снах, если человек всё равно не может сделать правильных выводов или предотвратить что-либо.

Прогулки с господином профессором Людвигом Андреасом Фейербахом

Преподавательнице философии Катерине Петровне стали сниться сны о прогулках с философами-классиками. Первый раз она увидела себя аспиранткой в XVIII веке на научной конференции с И. Кантом, который влюбился в гостью из будущего и сделал ей предложение. Опавшие листья, закружившиеся смерчем вокруг Катерины и перенёсшие её в XX век, помешали ей ответить знаменитому философу согласием.

Второй сон о путешествиях во времени Катерина Петровна увидела уже будучи кандидатом философских наук. Она снова прибыла из XX века уже в XIX век на научную конференцию в Кёнигсберг, где изобрели машину времени, дав возможность учёным различных эпох встречаться так, как если бы они общались в вечности, и за дополнительную плату совершать экскурсии в другие года и века. Катерина Петровна на этот раз не встретила своего любимого философа И. Канта среди выступающих: он состарился и тяжело заболел. Зато ей живо заинтересовался Людвиг Андреас Фейербах. Это был человек со смелым взглядом, смотрящим далеко вперёд из-под изогнутых бровей; с не слишком густой, но приличной шевелюрой; приятной, чуть волнистой бородкой, над которой холмиком возвышались пушистые усы. Одет Фейербах был скромно, но строго, как и подобает учёному. Он активно ухаживал за юной кандидаткой и даже, несмотря на свою бедность, оплатил её поездку в 1984 год, в Клайпеду, где открылся музей часов. Кроме Катерины и Фейербаха, в тот же город и в тот же день направились Карл Маркс, Фридрих Энгельс и Берта Фейербах. Они хотели осмотреть музей янтаря в Клайпедском уезде. Янтарь интересовал Катерину гораздо меньше, чем часы. Выбор объекта её экскурсии был далеко не случаен. Катерина в своей диссертации сделала открытие: есть люди, которые, погружаясь в свой внутренний мир, сознательно выбирают время, соответствующее их душе, мечтам, системе ценностей, и там пребывают. Это сознательно выбранное время внутренней жизни человека Катерина назвала экзистенциальным. С тех пор её интересовало всё, что было связано со временем: часы, легенды, мифы, картины. В музее часов она увидела самые разнообразные устройства и механизмы, определяющие время: водяные часы, будильники, которые через каждый час издают то лошадиное ржание, то кошачье мяуканье, то петушиный крик, знаменитые, казалось бы, и победившие всех часы с кукушкой. Катерина разглядывала часы, а Л. Фейербах смотрел на неё.

– А вы знаете, что изобрёл Платон? – спросил Л. Фейербах.

– Водяной будильник, чтобы будить спящих на лекциях учеников, господин профессор, – засмеялась Катя. – Я всегда рассказываю это на своих лекциях о Платоне как интересный факт его биографии.

– А его друг Архит, выкупивший Платона из рабства, для этой же цели изобрёл погремушку, – сообщил Л. Фейербах.

– Неужели? – удивилась Катерина. – Вот, господин профессор, так избретенья философов стали служить для развлечения маленьких детей.

– У вас есть дети? – спросил Л. Фейербах, задумчиво глядя на обручальное золотое кольцо Катерины.

– Нет, – грустно ответила Катя. – Мой муж, кстати, тоже учёный, не хотел от меня детей так же, как не желал их В.К. Шилейко от Анны Ахматовой.

Они уже вышли из музея и шли по узкой пустынной улочке. Катерина читала стихи Анны Андреевны:

*Проплывают льдины, звеня,
Небеса безнадежно бледны.
Ах, за что ты караешь меня,
Я не знаю моей вины.
Если надо – меня убей,
Но не будь со мною суров.
От меня не хочешь детей
И не любишь моих стихов.
Всё по-твоему будет: пусть!
Обету верна своему,
Отдала тебе жизнь, но грусть
Я в могилу с собой возьму.*

– Бедная женщина! – вздохнул Л. Фейербах. – Такая талантливая и такая несчастная! Я уверен, что человек создан для счастья, как птица для полёта. Где нет стремления к счастью, там нет и стремления вообще. Стремление к счастью – это стремление стремлений.

– А знаете, господин профессор, И. Кант говорил, что человек создан исполнять свой долг и, если надо выбирать между счастьем и долгом, следует предпочесть второе, – задумчиво отвечала Катерина. – Особенно, если речь идёт о долге перед Богом. Об исполнении заповедей: «Не убий», «Не прелюбодействуй», «Не пожелай ничего из того, что есть у ближнего твоего» и других.

– Перед Богом? – наигранно рассмеялся Л. Фейербах. – А разве он есть?

– Конечно, есть! – воскликнула Катерина. – Бог посылает поэтам вдохновение; учёным, достойным благодати, радость научных открытий; это Бог распределяет профессии так, что на земле хватает и пекарей, и врачей, и учёных. Кант говорил, что чувство времени и пространства вложены в человека Богом ещё до рождения.

С неба раздался колокольный звон, напоминающий о начале вечерней молитвы.

– Вот он, господин профессор, знак с неба, в подтверждение моих слов! – воскликнула Катя.

– Это всего лишь совпадение, – нахмурился Л. Фейербах. – Вы ведь помните, что есть категории случайности и закономерности. Это случайность. А Бога человек создал сам. «Лучшие стороны своего “Я” – своих помыслов, чувств и желаний – люди издревле переводили в божественные реальности. Импульсом к этому одухотворению и обоготворению собственных идеалов в человечестве была всегдашняя резкая противоположность между тем, что есть, и тем, что должно быть. Религиозное творчество стремится устранить противоположность между желанием и достижением, которая всегда так мучительно ощущалась человеком. Боги – дети желания, продукты фантазии». Стремление к счастью было причиной появления христианской религии и любой другой тоже. Поверьте, дорогая, что «сперва человек бессознательно и произвольно создаёт по своему образу бога, а затем уже этот бог сознательно и произвольно создаёт по своему образу человека». А раз Бога нет, то нет и долга перед ним. Конечно, это не значит, что можно воровать, прелюбодействовать и убивать. Нормальный человек не делает этого из уважения к себе, из простого желания счастья, аспектами которого для многих являются

чистая совесть, спокойствие, благополучие, стремление не потерять достигнутое, хорошая репутация. А Бога нет.

– Господин профессор! Это мне напоминает Ф. Ницше, – сказала Катерина, желая продемонстрировать свою эрудицию и сообразительность. – «Старый Бог умер!» На его место идёт сверхчеловек.

– То И. Канта вы вспомните, то Ф. Ницше, то ещё кого-нибудь, – с отчаянием произнёс Л. Фейербах. – А ведь рядом с вами иду я, и я ещё не закончил свою мысль. И не зовите меня «господин профессор». Это слишком официально. Можете говорить просто Людвиг. Так моя философия станет для вас ближе... Бога нет, следовательно, нет и долга перед ним, а есть долг человека перед самим собой. Долг – быть счастливым.

Катерина Петровна никак не могла согласиться с Л. Фейербахом, что Бога нет. Она вспомнила Рождество Христово, роскошную ёлку в доме, детскую Библию с рассказами о том, как шли волхвы в Вифлеем поклониться Христу и несли ему в подарок золото, ладан и смирну. Вспомнила свои взрослые беды, и слёзы у алтаря, и позднее крещение, и первую неудачную исповедь со словами священника, которые так сильно заделали её гордыню и одновременно возбудили плотские чувства, что на исповеди она больше никогда не ходила; вспомнила попытки иногда посещать церковь и просто ставить свечки за здоровье живых и упокой души умерших; дивное пение, светящийся золотом иконостас, таинственный алтарь; священников в золотых ризах, кадильный дым, вкус причастия; иконы с изображением страстей Христовых, распятие, вознесение Христа и Девы Марии, Богородицу с Младенцем на руках, икону «Неопалимая купина», апостолов и святых мучеников – весь мир, в который она пыталась войти несколько раз в своей жизни, но всё-таки пока душой не вошла, одним только разумом понимая, что он есть, был и будет для избранных, посвящённых, вероятно, всё-таки не для всех.

Она решила не возражать Л. Фейербаху, помня, что учил Д. Карнеги в книге «Как завоёвывать друзей и оказывать влияние на людей» не спорить без веской причины, ибо в спорах не рождается истина, а приобретаются враги. Особенно, если спор касается чего-то сакрального. К тому же, Катерина понимала, что машина времени материализовала лишь дух учёного, и её задача не просвещать умершего, а поддержать с ним беседу и не разрушить отношения во время пребывания на конференции. Она решила повернуть беседу в более лёгкую светскую область и поговорить о счастье.

– Счастье бывает разное, – философски произнесла Катерина. – Для садиста счастье – принести боль. Его счастье помешает стремлению нормальному человеку быть счастливым.

– Я об этом не задумывался, – отвечал Л. Фейербах. – Представлял счастье как солнце, что-то яркое, тёплое, лучезарное, и оно с тобой рядом.

– Значит, вы не садист и не мазохист. О счастливых садомазохистских парах, кажется, что-то писал один наш философ XX века. Из его размышлений можно сделать вывод, что, если вывести породу людей-садистов и соединить их со специально выведенными мазохистами, то на новом, психологическом уровне тотально возникнет рабство, но при этом и рабы и господа будут счастливы, правда, каждый по-своему в соответствии со своим психотипом, и никогда не будет ни восстаний, ни революций.

– Нет истинного счастья там, где есть несвобода, – заметил Л. Фейербах. К тому же, садизм и мазохизм – это патологии. Мир не может быть абсолютно патологичен, иначе он погибнет. Я говорю о нормальных людях и простом

человеческом счастье взаимно любить, иметь семью, детей, быть свободным, всегда иметь право выбора и возможность выбрать наилучшее.

– Но счастливым быть нельзя постоянно. А Шопенгауэр говорил, что счастья нет, поскольку оно миг. Всем правит мировая воля, которая ведёт нас к очарованию, а приводит к опустошению и разочарованию. Мне близки эти мысли. Когда-то я вступила в неравный брак. Золушка покорила принца. Всякий раз, до свадьбы, торопясь на свидание, я думала, что не выдержу этого счастья или заплачу за него страшным горем. Я написала об этом стихотворение:

*В миг, когда я лечу на свиданье,
Я хочу попасть под машину,
Чтобы вниз не упасть с вершины
Счастья, жгущего, как страданье.
Плачу, губы твои целую.
Счастье – слишком тяжёлая ноша.
«Аллилуйя любви, аллилуйя»,
Только лучше бы в сердце нож мне.
Убивают птицу в полёте,
Так убей же меня, как птицу!
Для чего же вы все живёте,
Если счастье всю жизнь не длится?!*

Для чего жить, Людвиг, «если счастье всю жизнь не длится?»

– А вы не задумывались, почему? – запальчиво произнёс Л. Фейербах. – Не потому ли, что многие в своём счастье эгоисты? Каждый хочет быть счастливым один. Надо сделать счастливым всё своё окружение. Настоящая мать счастлива, если рад её ребёнок; истинная жена счастлива, если муж доволен; человек с большой буквы счастлив, если обрело высшее благо человечество. Надо активно стремиться к счастью и стараться сделать счастливыми других.

– Если бы всё было так просто, наверное, и время не делилось бы на прошлое, настоящее и будущее, – горько улыбнулась Катерина. – Мы жили бы в земном раю.

В это время на улице, по которой шли Катерина Петровна и Фейербах, показалась похоронная процессия. За гробом шла женщина в чёрном бархатном платье, тёмном кружевном платке. По щекам её катились слёзы, губы причитали: «Родной мой! На кого ты нас покинул? Как без тебя мы жить будем? Зачем ты умер, а я осталась на этой грешной земле! Что без тебя мне делать тут?» Видимо, она хоронила мужа или сына, или любимого отца. За гробом и рыдающей женщиной шли люди в чёрном. Их лица были мрачны. Некоторые провожающие покойника тоже плакали.

– Вот и конец вашим оптимистичным рассуждениям, – сказала Катерина, указывая на даму в трауре. – Объективная реальность не даёт человеку быть счастливым. Что стоит за ней? Бог, законы природы или общества, но факт остаётся фактом: счастье далеко не вечно. Принцу Гаутаме было достаточно трёх встреч за воротами его искусственного рая, чтобы понять, что жизнь – это страданье.

– Но он пытался избавить человечество от страданий и, став Буддой, обрёл больше, чем счастье – блаженство, – продолжал отстаивать свою мысль Л. Фейербах, – если это, конечно, не легенды человечества.

– С вами очень интересно беседовать, – сказала Катерина. (Оставаясь при своём мнении, она всё же решила польстить своему собеседнику и

одновременно задеть его). – Жаль, что вы уже не преподаёте в университете. Вас не устраивала зарплата, наскучила деятельность лектора, надоели глупые студенты, увлекла большая наука?

– Нет, всё было гораздо печальнее: «в течение трёх лет, с 1829 по 1832 год, я читал лекции по логике и метафизике, а также по истории новой философии. Через год после начала моей преподавательской деятельности, в 1830 году, в Нюрнберге вышла моя анонимная книжка под названием: “Мысли о смерти и бессмертии, по рукописям одного мыслителя с приложением богословско-сатирических эпиграмм”. Это и было моим первым печатным выступлением. Я не мог не понимать, что бросаю вызов церковникам, теологам, правоверным властям. Недаром я издал книгу анонимно. Однако их негодование превзошло все ожидания. Особенное озлобление вызвали приложенные к “Мыслям” ядовитые сатирические двустишия. Книга вскоре была конфискована. Тайна анонима была раскрыта, и я был изгнан из университета и лишён права преподавания. К тому же в 1833 году я потерял отца. Но я не упал духом! Лишившись преподавательской работы, я напряжённо продолжал изучать историю новой философии. В результате в 1833 году вышел первый, а в 1837 и 1838 годах второй и третий том моей “Истории новой философии”».

– А на что же вы жили все эти годы? – с любопытством спросила Катерина.

– Мне повезло с женой, – отвечал Л. Фейербах. – Я познакомился с девушкой, Бертой Лев. Она была мне приятна, умна, не так чтобы слишком сильно, но всё-таки богата. Я предложил Берте руку и сердце, и она согласилась. В 1836 году я женился и переехал в деревню жены Бруберг, где мы жили долго и счастливо много лет.

– Не скучно ли вам было в деревне после изысканного университетского общества? – спросила Катерина слегка разочарованно.

– Представьте себе, нет! – с лёгкостью отвечал Л. Фейербах. – Я был счастлив, что могу заниматься уединённо интеллектуальным трудом, развивать свои идеи, превращать их в книги, мечтать о мировой славе. В лице своей жены я встретил поклонницу, почти единомышленницу, интересную собеседницу и красивую, страстную женщину одновременно.

– Всё, даже самое красивое, имеет свойство надоедать человеку. Вы никогда не изменяли своей Берте? – задала Катерина слегка провокационный вопрос.

– Изменял ли я? – воскликнул Л. Фейербах. – Мог ли я изменить этому ангелу, который отдал мне себя без остатка, посвятил мне всю свою жизнь? Видит бог: у меня и в мыслях никогда не было того, о чём вы говорите.

От внимания Катерины, знакомой с книгой А. Пиза «Язык телодвижений», не ускользнуло, что здесь Людвиг потёрся шеей о ворот рубахи и прикоснулся к ямочке под носом. «Знак лжи или всё-таки случайные жест и движения? – подумала она. – Предположим, что не всякий человек, который прикасается к ямочке под носом и трётся шеей о ворот рубахи, лжёт». Задумчиво глядя на философа, она спросила с надеждой:

– Но, может быть, вы ссорились?

– Что вы! – не понимая смысла её вопроса, воскликнул Л. Фейербах и опять потёрся шеей о ворот рубахи и прямо-таки потёр ямочку под носом. – У неё был такой спокойный характер, что поссориться было совершенно невозможно: Берта ни на что не обижалась и всё мне прощала.

– А кроме философии у вас были общие увлечения? – задала вопрос Катя, подсознательно утешаясь тем, что в разговоре о Берте все глаголы произошли в прошедшем времени.

– Да, – отвечал Людвиг. – Она, как и я, любила природу и даже немножко рисовала её. Любила изображать розы, левкой, сирень, которая росла возле нашего дома и весной превращалась в неземной праздничный салют. Берта развешивала свои картины на стенах нашей спальни. Когда она стояла спиной, я тихо подкрадывался и целовал её в ушко. Там у Берты была эрогенная зона. Я гладил её по загорелой спинке и тихонько увлекал на супружеское ложе, покрытое ветками сирени.

– Берта пыталась выставлять свои картины в салонах? – отводя в сторону глаза и вдруг быстро взглянув на Фейербаха, спросила Катя.

– Аренда салонов была нам не по карману, – отвечал Фейербах. – К тому же, настоящего самоотверженного художника из неё не вышло, так как удел женщины – выбирать между служением мужу и другими увлечениями. Берта выбрала меня!

– А всё-таки, откуда у неё были деньги? – с тайным раздражением спросила Катерина.

Фейербах помолчал минуту, удивляясь дотошности собеседницы, но потом обстоятельно ответил:

– Берта «... была одной из трёх совладелец небольшой фарфоровой фабрики, управляемой её братом и расположенной в бывшем охотничьем замке... Доля скудного дохода, приносимого фабрикой, и скромные литературные гонорары служили средствами существования нашей семьи».

– И как? Ваше фарфоровое дело успешно развивается до сих пор? Можно ли у вас приобрести на память чашечку для кофе или чая? – весело спросила Катерина и подмигнула Фейербаху.

Философ покраснел и произнёс:

– Увы! «В 1859 году мой зять обанкротился, и его фарфоровая фабрика была продана на аукционе с молотка. Я лишился основного средства к существованию. В конце сентября 1860 года я переселился в Рехенберг, неподалёку от Нюрнберга».

– Но денег на путешествие во времени у вас всё-таки хватило, – заметила Катя, смутно чувствуя свою вину за принятые подарки.

– Это были литературные гонорары, которые я копил в течение многих лет, – сообщил Л. Фейербах, устремив свой взор на городской пруд, в котором плавали прекрасные белоснежные лебеди. – Смотрите, какие царственные птицы! Платон пред смертью видел сон, что он превратился в прекрасного лебедя, которого никто не может поймать.

– У меня есть булочка, – улыбнулась Катя. – Давайте покормим потомков Платона.

Они остановились, и Катерина начала кормить лебедей, отщипывая от булочки маленькие кусочки. Лебеди подплывали близко к Катерине, и Л. Фейербах улыбался, глядя на то, как они берут крошки у неё из рук.

– Волшебница! Вы понимаете людей, зверей и птиц, – шутливо сказал Л. Фейербах. – Может быть, вы предсказываете будущее?

– Отчасти, да, – улыбнулась Катерина, вспомнив, как она преподавала учение и биографию Л. Фейербаха в московском вузе двадцатого века. (Все-го из неё Катя, конечно, не помнила, так как имела привычку поглядывать в текст на своём айпаде, но некоторые вещи ярко отпечатались в её памяти). –

Я могу вас утешить сообщением, что вскоре вы не будете так бедствовать. «В 1862 году издатель собрания ваших сочинений Отто Виганд... будет просить, просил назначить вам стипендию, и Шиллеровский фонд предоставит вам пособие, которое даст возможность вам с женой и дочерью жить в условиях античной республиканской бережливости и воздержанности».

– Вы приносите хорошие вести, – обрадовался Л. Фейербах. – Как приятно принимать гостей из будущего!

– Я счастлива, что мне удалось принести вам радость, – сказала Катерина, решив умолчать о том, что 13 сентября 1872 года Л. Фейербах умрёт, и «у его гроба не будет ни одного представителя немецких университетов», а также о том, что под влиянием учения последователей Л. Фейербаха К. Маркса и Ф. Энгельса, В.И. Ленин разработает ряд теоретических трудов; разгул атеизма поспособствует революции в России, а после социалистического периода страна снова встанет на капиталистический путь развития и медленно будет возвращаться к религии, что многими учёными труды религиозных философов станут цениться гораздо больше, чем работы тех, кто критиковал церковь.

Ничего этого не сказала Катерина. Она кормила лебедей, а счастливый Л. Фейербах смотрел на свою спутницу и восхищался её точёной фигурой, золотыми локонами, плавными движениями оголённых рук, белоснежной лебединой шеей. Было удивительно тихо в городском парке, и вдруг в эту тишину ворвался звук столь хорошо знакомого Л. Фейербаху голоса:

– Людвиг! Я ищу тебя с самого утра! Я думала, что со мной идёшь в музей янтаря, а ты исчез и даже не сказал, куда собираешься. Кто эта женщина?

– А это кто? – удивлённо спросила Катерина, отрываясь от кормления лебедей.

– Катерина Петровна! – краснея, произнёс Л. Фейербах. – Позвольте представить вам мою жену Берту.

– Очень приятно. Меня зовут Катерина, – вежливо отвечала Катя, замечая про себя, что ничего приятного она не чувствует.

– Людвиг! Где твоё обручальное кольцо? Ты же всегда носил его? – с тревогой в голосе проговорила жена.

– Я оставил его дома, в ящике стола, – успокаиваясь, проговорил Фейербах. – Дорогая, ты так прекрасно готовишь иногда, так замечательно ведёшь домашнее хозяйство, что я чуть-чуть поправился, и кольцо мне стало жать. Вот я и убрал его в ящик.

– Если кольцо жмёт, надо пойти к ювелиру и растянуть его, а не убирать невесть куда, – раздражённо пробурчала Берта. – Кто эта Катерина?

– Катерина Петровна – гостья из будущего. Кандидат философских наук, поэтесса, – сказал Л. Фейербах. – Она просила меня сделать небольшое путешествие во времени и показать музей часов в Клайпеде.

– Но надо же было меня предупредить хотя бы, – нервно и сердито проговорила Берта.

– Я не успел: ты исчезла гораздо раньше, – парировал Л. Фейербах. – Где ты была сама?

– Я встретила твоего бывшего студента, Карла Маркса и его друга. Они захотели совершить со мной небольшое путешествие во времени и побывать в музее янтаря. Кстати, я обещала этим поклонникам твоей философии, что устрою им личную встречу с тобой, Людвиг!

– Извините, – прервала их беседу Катерина. – Я должна вернуться в Кёнигсберг. Кант не смог прийти на нашу конференцию: он заболел. Я хотела бы передать ему фрукты и лекарства.

– А также передайте И. Канту моё восхищение! – произнесла Берта. – Я согласна с ним, что человек создан для того, чтобы выполнять свой долг и, в частности семейный долг! Пойдём, Людвиг! Надо приготовиться к встрече с Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом.

Они разошлись в разные стороны. Начался мелкий дождь. Лебеди забились в свои маленькие домики на воде. Городской пруд покрылся рябью, прохожие раскрыли над головами цветные зонтики. Катерина Петровна проснулась и увидела раскрытый учебник философии, со страниц которого на неё на этот раз смотрел Л.А. Фейербах, и с ужасом вспомнила, что в первый день окончания новогодних праздников ей с утра принимать экзамен у студентов. «Ну почему? Почему мне сделали такое ужасное расписание? – подумала Катерина Петровна. – Вероятно, это карма за преступную страсть к сочинительству и за всё остальное...» Катерина Петровна встала, умылась, позавтракала, надела деловой костюм, взяла портфель с лекциями, учебниками и гаджетом и отправилась в университет преподавать немецкую философию.

75 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Элла КУЗНЕЦОВА

Элеонора Валентиновна Кузнецова – родилась в Москве. Окончила Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена. Работала в школе преподавателем биологии, рисования и черчения; заведующей в библиотеке, а также инженером – техническим художником в Московском институте теплотехники. Член Союза писателей России. Также является членом ЛИТО «Отрадное», «Избранники муз», «Ясноцвет» и «Казачка». Публиковалась в журналах «Поэзия. Двадцать первый век от Рождества Христова» и «Великороссы», Антологии одного стихотворения «Золотое перо Московии», в альманахах «Казачка», «Наша Отрада» и «Ясноцвет», в авторском сборнике религиозной лирики «Лепта на храм» и газете «Московский литератор». Международной академией русской словесности награждена почётным дипломом имени Владимира Фирсова. Является дизайнером логотипа альманаха «Казачка».

Живёт в Москве.

«На гибель шли – и землю сберегли...»

Русь

Ах ты, Русь моя, с гусями чудными,
Да с былинами сказочно-мудрыми,
Восхищаюсь твоей широтой
И высоких небес красотой.

Я по жизни иду лёгкой поступью,
С соловьиными трелями россыпью,
По святым дорогим мне местам
К золотым и родным куполам.

Поднимаюсь я к небу на звонницу,
Чтобы сверху узреть чудо-конницу,
Богатырскую русскую рать,
И с молитвой им слать исполать!

Я взлетаю голубкой над храмами,
Что душе стали светлыми самыми...
Ни грехов, ни любви не тая,
Я молюсь за тебя, Русь моя!

Герой непобеждённый

Фашист хотел нас Родины лишить,
Уверен был, что сможет победить...
Раздул войны безжалостное пламя,
Но не сумел спалить свободы знамя.

Народ решил за землю умереть
И дрался крепко, побеждая смерть...
Враг поражался стойкому упорству,
Страны великой славному героюству.

В сраженьях тяжких дали мы ответ
И перебили Вермахту хребет.
Как долго наши раны заживали...
Но смертью смерть поправ – сильнее стали!

И отстояли честь своей земли,
И по Берлину с песнями прошли –
Солдат советский с девочкой спасённой,
Навеки встал – герой непобеждённый!

За Родину

Нет, годы не проходят, – годы пролетают...
Но ты – многострадальную войну
Бойцы седые никогда не забывают.
Сражались с честью за свою страну!

А было горе, ужас, безысходность била,
Но в ярости бесчисленных атак,
В сердцах бойцов рождалась внутренняя сила,
И отступал побитый страшный враг...

Когда фугас взрывался или мина,
Порой вздохнуть от боли не могли –
Но в бой за Родину, за мать, за дочь, за сына
На гибель шли – и землю сберегли.

И даже, если крови много утекало, –
Сердце касаясь нежною рукой,
Любовь земная выжить людям помогала,
И с письмами родных несла покой.

И снова в строй вставая, гнали до рейхстага
Врага советской огненной метлой,
И в мае, в честь победы сталинского флага,
Салютовал с восторгом шар земной!

Наш космос

Воскреснув из руин войны и пепла,
Взлетела фениксом страна, окрепла –
Прошло всего шестнадцать мирных лет,
И облетел Гагарин целый свет!

Ошеломлён был шар земной известьем:
СССР открыл пути к созвездьям!
Одним витком прочерчен след вовек –
Всех удивил советский человек.

В Америке не выдержали нервы,
И «Аполлон» назначили быть первым...
И затрещал эфир на все лады:
– Мы ходим по Луне, на нас гляди!..

Но потерпело их кино фиаско,
Не стала явью НАСАвская сказка...
А мы гордимся Космосом своим
И никому его не отдадим!

ПРОЗА

Юрий ПОКЛАД

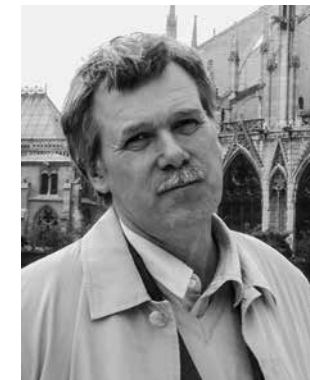
Рассказы

Полонез Огинского

В базилике Санта-Кроче полы сделаны из чёрного, тщательно отполированного мрамора, когда идёшь по ним, отчётливо отражаются ноги, примерно до колен, но есть полная уверенность, что и остальная фигура присутствует по ту сторону, только вверх ногами. Прочитав в проспекте базилики, что под этими плитами похоронены более трёхсот лучших граждан Флоренции, я старался не наступать на могилы людей, имена которых были указаны на плитах, у нас в России это не принято. Великие и бессмертные – Галилей, Микеланджело, Макиавелли, Россини, Маркони – похоронены периферийно, вдоль стен, их могилы венчают грандиозные надгробия со скульптурами реющих богинь, лепниной из виноградных гроздьев и ветвей деревьев. Всё это, в сущности, старое кладбище, хотя старые кладбища выглядят не так, это больше похоже на музей.

Я знаю, как выглядят старые кладбища, наш пятиэтажный жилой дом в большом городе на Волге, был построен на месте старого кладбища, то есть на могилах. Такой глупостью, как перезахоронения, мои соотечественники обычно себя не утруждают – накладно, да и вообще ни к чему. Мы ходили в школу через парк, который ещё сохранял кладбищенский дух, хотя кладбище было закрыто лет двадцать тому назад. Да что там дух, в газонах, в траве, встречались черепа и желтоватые берцовые кости, иногда кости оказывались на асфальтовых аллеях, и мы раздражённо пинали их.

Лишь повзрослев, я смог осознать чудовищность ситуации. Ничто более успешно не формирует цинизм в душе, чем пренебрежение к людям, жившим до тебя. Но невозможно в семь лет задуматься о том, что от любого человека, самого доброго и талантливого, остаётся лишь несколько костей и череп, а потом и совсем ничего не остаётся. Что вся прожитая человеком жизнь

Юрий Александрович Поклад – родился в 1954 г. в Свердловской области в семье военнослужащего. С 1961 г. жил в г. Куйбышеве (Самаре), где окончил в 1977 г. нефтяной факультет политехнического института. Работал в геологоразведочных экспедициях глубокого бурения в Крыму и на Крайнем Севере (Ненецкий АО), на нефтяных промыслах Западной Сибири. Строил морские буровые платформы на верфи «Самсунг» в Южной Корее. В 1994–1999 гг. сотрудничал в Объединённой редакции МВД России (обозреватель газеты «Щит и Меч»). Публиковал рассказы и повести в журналах Рассказы звучали на радио «Русский мир» («Театр у микрофона»). Повести выходили в сборниках издательства АСТ, а также издательства Объединённой редакции МВД РФ.

Живёт в Мытищах.

становится никому не интересной, а потому бессмысленной. Кости Галилея, Микеланджело, Макиавелли, Россини, Маркони и других, если вскрыть эти грандиозные могилы, ничем не будут отличаться от тех костей, которые мы, первоклассники, пинали по дороге в школу в незапамятные времена.

Вот о чём я думал, когда осторожно ступал по чёрным плитам базилики Санта-Кроче, пребывая одновременно по эту и по ту сторону бытия.

Вдруг я увидел надгробие с надписью «Michał Kleofas Ogiński» и, удивившись, гораздо громче, чем допустимо в столь святом месте, произнёс:

– А этот здесь откуда?

Почтенная пара, кажется англичане, с возмущением взглянула на меня, видимо они догадались о смысле восклицания по интонации.

Как автор бессмертного полонеза оказался здесь? Одному из лидеров восстания Костюшко, послу Речи Посполитой в Голландии, казначею Великого княжества Литовского, сенатору Российской империи надлежало быть похороненным, в крайнем случае, в Санкт-Петербурге, но уж никак не во Флоренции.

Но не только в этом была причина моего удивления, в памяти явилась девушка с каштановыми, схваченными резинкой на затылке, волосами, очень прямо сидевшая на вертящемся, круглом табурете перед старым, с желтоватыми клавишами, пианино. Она напряжённо замерла, прежде чем пальцами правой руки набрать музыкальную тему бессмертного полонеза, потом набрала её довольно уверенно и точно, но аккорд, который она ударила пальцами левой, оказался чересчур густ и оглушителен. Словно удар грома в чистом, не предвещавшем дождя, небе, словно удар кулаком в лоб в уличной драке. Дальнейшее продолжение музыкальной темы правой рукой, опять же, годилось, но сокрушительный аккорд левой окончательно уничтожил попытку лирического прочтения полонеза. Занятия с учительницей музыки в школьные годы оказались малопродуктивными.

Девушка злилась, нервно сжимая губы.

Её звали Люша, если полностью – Людмила, она не имела иллюзий относительно своих музыкальных талантов и садилась за пианино лишь по настоятельной просьбе отца, Сергея Сергеевича. Отец был высокого роста, дома ходил в майке без рукавов, на левом плече – размытая татуировка якоря. Из-под майки круто выпирал живот.

«Полонез Огинского» чрезвычайно нравился Сергею Сергеевичу, его волновала эта музыка, он был сентиментален и не стеснялся слёз, которые появлялись в его суровых глазах. При этом был властен и грубоват. Исключительно из любви к «Полонезу Огинского», он, скуповатый на деньги, купил радиоприемник «Ригонда» с проигрывателем и обязательно ставил пластинку с полонезом после того, как мучения дочери на пианино заканчивались.

Мама Люши, Мария Михайловна – большая, широкобёдрая женщина, казавшаяся старше Сергея Сергеевича, постоянно что-то готовила на маленькой кухоньке, она приветливо улыбалась мне, отрываясь от газовой плиты, не припомню, чтобы мы с ней о чём-то говорили, но я чувствовал, что она контролирует процесс и играет в нём ведущую роль.

Весь этот скромный дом, состоящий из двух тесных комнат, крошечной кухоньки и веранды, Сергей Сергеевич построил своими руками когда-то давно, ещё до рождения Люши. Он очень гордился домом, любил рассказывать, как добывал по благу стройматериалы, как едва не сорвался, когда крыл шифером крышу, как трудно было узаконить созданный объект. Он работал

мастером в строительной организации, при каждом удобном случае подчёркивал свой опыт и незаменимость, был примитивно, по-детски, хвастлив.

Мы ужинали, он наливал себе и мне по стакану мутной браги, которую называл «бурдомагой», кисло пахнувшая десятилитровая банка стояла под столом.

Люша жаловалась, что в комнате душно, а там действительно было душно – летом, оттого, что нельзя было открывать окна из-за пыли от проезжающих по улице машин, зимой – оттого, что чересчур сильно грела печка-голландка. Мы с Люшей выходили на веранду, Люша прислонялась спиной к двери, чтобы её нельзя было неожиданно открыть, и мы принимались целоваться. Мучили друг друга так сильно, что у нас распухали губы. Сергей Сергеевич в это время непрерывно, раз за разом, повторял на проигрывателе «Полонез Огинского», и я возненавидел эту проникновенную музыку.

Веранда использовалась как склад стройматериалов, вдоль стен лежали бумажные мешки, картонные коробки и ещё что-то надёжно упакованное. Наличие этих материалов я относил к избыточной хозяйственности Сергея Сергеевича до тех пор, пока он не поделился со мной планами о том, что хочет переоборудовать веранду под жильё для нас с Люшей, возможно даже поставить там ещё одну голландку. Я долго не мог решить, как относиться к этой предусмотрительности, в двадцать лет о бытовых проблемах всерьёз не думается. Наконец сообразил, происходит вот что: моей судьбой распоряжаются самовольно, мою жизнь собираются обустроить, не считаясь с моим мнением. Я ведь ещё не решил, буду ли жениться на Люше, даже разговоров таких между нами не возникало, эта тема витала в воздухе, но не более того. Люша училась на химико-технологическом факультете, я – энергетическом, на мой взгляд, следовало окончить учёбу, а уж потом о чём-то таком думать. Ничего серьёзного у нас с Люшей пока ещё не случилось, одни только поцелуи разной степени страстности, но перспективы нашего семейного обустройства стараниями Сергея Сергеевича имели столь энергичное развитие, словно Люша была, по крайней мере, на шестом месяце беременности.

Через полтора года мы должны были окончить институт и вступить во взрослую жизнь, она, в представлении Сергея Сергеевича, выглядела так: заселение меня и Люши на веранде, каждый вечер «бурдомага» и «Полонез Огинского». Он уверял, что насчёт будущей работы мне также не стоит беспокоиться, – он через кого-то там похлопочет.

Когда в двадцать лет выясняется, что в предстоящей жизни всё заранее продумано и благоустроено и ничего неожиданного не предвидится, невольно хочется этому воспрепятствовать.

В Люше, напротив, уже вызревала женская практичность, она выслушивала отцовские планы с любопытством, она ценила заботу отца. Она вела себя так уверенно, словно между нами всё было окончательно и твёрдо решено. Люша выглядела сообщницей стратегических планов отца, в которых я был фигурой статической. Но статическую фигуру при изменении обстоятельств можно легко заменить равноценной.

Люша позволяла себе выглядеть легкомысленной и кокетливой.

– Ты не боишься, что я тебе изменю?

Вопрос был странный и неуместный:

– Как ты мне можешь изменить, если у нас ещё ничего не было?

Между нами действительно ещё ничего не было, но Сергей Сергеевич и Мария Михайловна, как мне казалось, не сомневались в том, что всё, что должно было произойти, произошло, иначе, зачем они знакомились с моими

родителями, зачем я прихожу каждый день в гости да и вообще морочу голову? Они ожидали моего превращения в официального мужа.

Люша сказала, что недостаточная глубина наших взаимоотношений, конечно, ненормальна, подруги над ней подшучивают. Недочёт был вскоре исправлен, это случилось словно рядовое событие, не оставив в моей памяти элемента неожиданности, порыва страсти, взаимной нерешительности в преодолении «рокового нельзя», слёз, клятв и тому подобного. Центроостремительная сила влекла меня в водоворот, и я этому не противодействовал.

После свершившегося, хождения на веранду прекратились за ненадобностью.

Полноценность взаимоотношений таила в себе нарастание привычки, постепенно переходящей в монотонность. Люша раньше меня это почувствовала, ей, как и мне, казалось преждевременным заканчивать прекрасную молодость в двадцать лет. Люша знала, что на веранду, обустроенную заботливыми руками отца, она всегда успеет. Не со мной, так с кем-то другим.

Учительница музыки оставила ей на память книгу о Михаиле Огинском. Как-то от нечего делать я принялся её листать и узнал много интересного о личной жизни великого композитора, в частности то, что второй его женой была красавица-итальянка Мария Нери родом из Флоренции. Эта женщина не находила нужным ограничивать свои желания, поэтому не существовало в её окружении ни одного человека, молодого или старого, влиятельного вельможи или простого слуги, который бы не стал её любовником. Из четырёх детей, родившихся во втором браке, Михаил Огинский был отцом только одной дочери. Эти любопытные сведения вызвали у меня удивление, но быстро забылись. Мне не пришло в голову, что книга могла быть прочитана и осмыслена Люшей самым предметным образом, а особенности поведения вольнолюбивой красавицы-итальянки – вызвать зависть.

Моё присутствие в жизни Люши стало выглядеть обыденным, факт женитьбы не обсуждался, вопрос выглядел решённым и сомнению не подлежал, но энергия наших взаимоотношений иссякла значительно раньше.

Общежития энергетического и химико-технологического факультетов находились рядом, новости передавались из одного в другое мгновенно. Несмотря на то, что Люша, как и я, была местной и жила дома, она часто бывала в общежитии у подруг. До меня стали доходить тревожные известия о её поведении. Она проводила время в сомнительных компаниях, всё чаще оставалась в общежитии на ночь. Приглашать меня в эти компании отчего-то не находила нужным. Я испытывал не только ревность, но и чувство стыда перед однокурсниками. Когда в тех компаниях у неё спрашивали обо мне, она лишь пожимала плечами: а почему он обязательно должен быть? Она вела себя так, словно была свободной, но я не считал её свободной, я был не прав, и не смог вовремя этого почувствовать.

Я спросил у Люши напрямик, правда ли то, что о ней говорят. Я думал, что она обидится и будет скандал, скандалы случались у нас часто, словно у давно женатых и надоевших друг другу людей. Но она ответила совершенно спокойно:

– Ну, хотя бы и правда? Почему я обязана перед тобой отчитываться? Ты мне никто. Ясно?

Было ясно только то, что слухи имеют под собой реальную почву, и сожалеть о своих поступках, тем более, оправдываться, Люша не собирается.

В двадцать лет человек только выглядит взрослым, на самом деле он равнозначен по уязвимости семилетнему ребёнку. Я был не просто расстроен своим фиаско, я был уничтожен и раздавлен. Я убедил себя в том, что моё счастье разрушено, жизнь не удалась и не имеет смысла. Я не спал много ночей подряд и много о чём передумал этими ночами. Вариант с верандой, куда меня собирались посадить как в клетку вместе с Люшей, теперь казался приемлемым и даже желанным, но он уже не предполагался.

Конфетка на витрине магазина кажется намного слаще, чем тогда, когда она у тебя в кармане. Вещь, которую ты считал для себя не слишком обязательной, становится весьма ценной, если ты её нечаянно потерял. Мечта становится настоящей мечтой, лишь когда ты лишаешься реальных шансов её осуществить. Мысль о переоценке ценностей впервые приходит в голову после утрат. Совершенно неважно, сколь много ты сможешь приобрести в дальнейшем, но самой главной и болезненной останется первая потеря, несмотря на то, что ты постоянно будешь уверять себя в её невеликой ценности в сравнении с тем, что приобрёл впоследствии.

После той сокрушительной беседы я решил, что больше никогда больше не приду к Люше, пусть проводит время в общежитии, с кем ей нравится и вообще живёт, как хочет. Но через две недели меня как магнитом потянуло к ней, и я пришёл. Был тяжёлый разговор со слезами и взаимными обвинениями, было полное прощение друг друга и уверенность, что отныне будет всё так, как прежде, и даже лучше. Но тот, кто вкусил сладкий плод свободы, обязательно захочет вкушать его вновь, даже если дошёл до горькой сердцевины и понял его лукавую двусмысленность и ложность.

От нашей двухлетней любви или того, что мы считали любовью, остались страстные поцелуи на веранде и «Полонез Огинского».

Люша, как большинство девушек, многое позволявших себе в молодости, стала примерной женой и матерью, у неё, кажется, трое детей, не знаю точно. После окончания института я уехал по распределению в другой город, и это была уже совсем другая жизнь.

Выйдя из базилики Санта-Кроче, мы решили перекусить в кафе на одной из узких улочек, примыкающих к площади. Мы заказали вино и пиццу. Не прошло и пяти минут, как изо всех колонок, развешанных по стенам кафе, грянул «Полонез Огинского». В неожиданном явлении этой гениальной музыки мне почудилось что-то пророческое, совпадение, которое называют «замыканием круга жизни». Мощные звуки всколыхнули душу, они долетели, миновав многие годы, из маленького домика на пыльной улице, в котором была восхитительная веранда, как нельзя лучше пригодная для поцелуев с девушкой, которую ты любишь. Вся наша жизнь соткана из таких совпадений, в них – главное её волшебство. Жаль, что со временем вера в это волшебство ослабевает, а потом исчезает вовсе.

Мы поселились в небольшом отеле неподалёку от площади Санта-Кроче, и каждое утро, проходя мимо базилики в центр Флоренции, слышали то в одном, то в другом кафе, а иногда и в двух сразу «Полонез Огинского». И я понял, что никакой чудесной случайности, никакого «замыкания круга жизни» нет, это обычная дань уважения великому композитору, похороненному в базилике.

И «Полонез Огинского» перестал меня волновать.

Узкий круг

Место, на котором располагалась спортивная площадка, называлось Купальная горка. Переулок Купальный, пересекавший её, давно переименовали, но все местные продолжали звать его по-старому. Улочка действительно шла сначала круто вверх, а потом сбегала к морю, к фонтану на проспекте, к морю. Чуть выше фонтана и находилась огороженная панцирной сеткой спортивная площадка с баскетбольными кольцами и волейбольной сеткой. Впрочем, в баскетбол там никто не играл, по крайней мере, я такого не помню, играли в волейбол.

Переодевались тут же, на низеньких скамейках. Мы, школьники, приходили раньше всех, чтобы успеть размяться и попробовать удары на сетке. Вскоре появлялись большие, серьёзные парни, которым было под тридцать; двое из них играли за сборную города, и мы молча уходили с площадки, освобождая место. Когда не хватало игрока, нас допускали в команду спарринг-партнёра основной команды. В состав основной команды чужих не брали никогда, даже ровесников, не говоря уже о нас. Если кто-то не приходил, играли впятером, иногда даже вчетвером.

В шестнадцать лет я был довольно высокого роста, имел хорошую передачу, правда, бил слабовато, зачастую в сетку.

В основной команде все относились друг к другу серьёзно, с уважением, в игре говорили мало и только по делу, никогда не повышая голоса, отношение партнёров к тому или иному эпизоду игры можно было определить только по выражению лиц, да и то не всегда.

Несомненным лидером был парень с короткой чёрной бородой, которая занимала щёки и шею, и с решительными, полными достоинства, чёрными блестящими глазами. Партнёры звали его Дэн. Как его действительно зовут – Денис, Даниил, – я не знал. Он был основным нападающим в команде и всегда начинал игру с четвёртого номера. Дэн обладал хлёстким кистевым ударом, мяч вонзался в площадку в районе трёхметровой линии. На лице Дэна нельзя было прочесть ни радости, ни удовлетворения эффектным ударом. Когда партнёр говорил: «Отлично, Дэн!» или что-то такое, он молча кивал или делал жест рукой, давая понять, что услышал.

Мне очень нравился Дэн, я никогда не уходил домой, пока он был на площадке.

Основная команда не рассматривала игры на Купальной горке, как что-то серьёзное, играли раскованно; иногда, расслабившись, подавали в сетку или за пределы площадки, но не расстраивались по этому пустяку. Они никогда не проигрывали, такое было непозволительно. Случалось, что команда вытаскивала партию, дав фору четыре-пять очков, и тогда я замечал, как чёрные глаза Дэна сверкали азартно, как укоризненно глядел он на партнёров, если они ошибались. Он не говорил ни слова, но они, чувствуя этот взгляд, начинали тащить «мёртвые» мячи, не гнушаясь падать в пыль прокалённой южным солнцем площадки. Эта самоотверженность действовала на соперника не меньше, чем хлёсткие удары Дэна.

Мне хотелось, чтобы он меня заметил и как-то выделил, но всё не представлялся случай. И вот однажды мы оказались друг напротив друга через сетку, он – в четвёртом номере, я – во втором. К этому времени я хорошо

изучил технику удара Дэна и знал, что он бьёт, косо разворачивая кисть, он бьёт так даже тогда, когда нет блока и можно ударить прямо.

И вот Дэну дали пас, он ударил, я поставил ему блок в третьем номере, посередине сетки, и угадал: мяч попал в мои руки и срикошетил в площадку. Наша команда получила право на подачу, вновь пас Дэну, я ставлю блок в том же самом месте, и удар опять идёт в мои руки. На третий раз Дэн не стал бить и попытался обмануть – сбросить мяч мимо блока лёгким касанием руки, но мяч подняли, пошёл нападающий удар, и основная команда снова проиграла очко.

Мне казалось, что теперь я могу удостоиться взгляда Дэна – злобного, удивлённого, одобрительного, – но никакого взгляда не последовало. Он по-прежнему меня не замечал, лишь напряжённо склонил голову и взъерошил ладонью чёрные волосы. Через некоторое время мне вновь удалось накрыть его удар блоком, но и это не изменило характера наших взаимоотношений, происшедшее выглядело для него досадной случайностью. Я уже торжествовал победу, мне казалось, что удары Дэна так и будут лететь мне в руки и у него не останется другого выхода, как обратить на меня внимание.

Я не знал тогда, что есть люди, одинаково хорошо владеющие обеими руками, – и правой, и левой. Дэн стал бить левой рукой столь же эффективно, сколь правой, и удары эти были прямыми. Привычка бить вкось касалась, видимо, только правой руки.

Наша команда проиграла, но многие из моих партнёров были горды оказанным основной команде сопротивлением, мне жали руку, поздравляли так, будто мы выиграли. Я надеялся, что Дэн хотя бы хлопнет мимоходом меня по плечу, пожать руку – это, конечно, чересчур. Но ничего подобного он не сделал. Я обиделся, мне казалось, что я заслужил поощрение.

Человек создаёт себе образец для подражания на основании собственных представлений об этом образце, материал для его создания поступает не столько снаружи, сколько изнутри. Я ничего не знал о Дэне, выбор мой был интуитивен, но я бы очень удивился, если б мне сказали, что он совершил недостойный поступок. Внешность, всё-таки, о многом говорит. Сейчас я думаю: это хорошо, что я ничего о нём не знал, меньше шансов для разочарования.

Я долго пытался объяснить себе, что такое обаяние, но точно определить это слово не смог, дошёл лишь до сравнения его с силой гравитации. Свойство человека притягивать к себе других людей – загадочно и трудно для понимания. Я знал немало обаятельных людей, внимательно наблюдал за ними и почти наверняка был уверен в том, что они не создают обаяние сознательно, а многие даже не подозревают о существовании у себя этого качества, и не знают такого слова. Но это качество замечательно чувствуют женщины.

Дэна каждый раз ждала, неловко присев на низенькую скамейку, его девушка, правильное сказать, женщина. Она была ровесницей Дэна, может быть, даже моложе, но стать и повадки у неё были солидными, женскими. Я думаю, что у Дэна должна была быть именно такая женщина. Когда Дэн заканчивал играть и подходил к скамейке для того, чтобы переодеться, она что-то негромко говорила ему с лёгкой усмешкой, и я был уверен, что это был шуточный комплимент за эффектную игру. Дэн улыбался ей в ответ, ничего не отвечая, но этой улыбки было достаточно, чтобы женщина почувствовала себя счастливой. Между ними был особый контакт, который свойственен

не просто любящим, но и уважающим друг друга людям. Я думал о том, что и меня когда-нибудь будет ждать женщина, которой не нужно будет много говорить, взаимопонимание будет молчаливым. В шестнадцать лет легко верится в то, что жизнь предстоит удачная и счастливая, что всё в ней устроится лучшим образом.

Уезжая из родного города в двадцать три года, я не имел желания в него возвращаться, город казался мне провинциальным и скучным. Вполне возможно, что он таким и был, но это был город моего детства, бросить который невозможно. Это иллюзия, что астероиды и другие космические обломки, летают кое-как, бессистемно, на самом же деле всё вокруг чего-то вращается, вот так и я всю жизнь вращался вокруг города моего детства, возвращаясь туда не очень часто, но всегда неожиданно. Давно умерли мои родители и все дальние и близкие родственники, поразъехались друзья, и теперь в этом городе меня могло интересовать только кладбище. И, конечно же, я забыл Дэна – человека с чёрной короткой бородой и яростно блестящими глазами, против которого играл когда-то в волейбол на спортивной площадке Купальной горки. О спортивной площадке я вспомнил, когда случайно оказался на этом месте в один из своих приездов в город. Там протянулись ряды полотняных павильонов, в которых продавали амулеты, бусы, отполированные камни, покрытые лаком ракушки-рапаны, шкатулки и прочую чепуху, которую всегда продают летом в курортном городе. Спортивной площадки моей юности не существовало, поэтому и ностальгии быть не могло.

Однажды я случайно попал на пляж. Никогда не любил пляжей, хоть и вырос на берегу моря: лежания под палящим солнцем; ленивого поедания фруктов, припорошенных песком; купания в илистой, отвратительно тёплой, взбаламученной ногами тысяч отдыхающих воде.

На пляже меня спасал только волейбол, я сразу же становился в круг. Вот и теперь, раздевшись, я направился на периферию пляжа, где уже играли, став в кружок, несколько человек. Я считал себя квалифицированным волейболистом, хотя и потерял спортивную статью. Если человек когда-то всерьёз играл в волейбол, это заметно сразу же, достаточно взглянуть несколько раз, как он принимает и пасует мяч.

В том кружке, к которому я подошёл, собрались люди весьма пожилые, старше меня, но культура паса и приёма мяча у них были отменные. Я жестом попросил пустить меня поиграть. На мой жест никто не обратил внимания, а когда я спросил: «Можно?», мне коротко бросили: «Нет». Чужих здесь не брали. Узкий круг. Никто не знал о моей квалификации волейболиста, но она никого и не интересовала, потому что я был чужой. Если б мне вдруг пришла в голову мысль заняться саморекламой, это выглядело бы глупо. Ничего не оставалось, как отойти в сторону и наблюдать за действиями игроков.

Я не сразу понял, что эти лысые и седые люди и есть та самая волейбольная команда Дэна многолетней давности. Я поискал глазами самого Дэна, нашёл и удивился, что не сразу смог найти его. И я понял, в чём дело.

Он не слишком изменился внешне, разве что борода стала длиннее, гуще и поседела, как и волосы на голове. Я не узнал его потому, что изменился взгляд, он перестал быть яростным, стал обычным, терпеливо-усталым, как у большинства пожилых людей. Я не знал, что произошло за эти годы в жизни

Дэна, но было очевидно, что произошло что-то серьёзное, в корне изменившее его. У него не было правой руки выше локтя, торчал куцый стянутый кожей оурок, но в сравнении с тем, что произошло с глазами Дэна, это не показалось мне столь важным. Я бы никогда не обратил внимания на этого человека, как бы хорошо ни играл он в волейбол, и уж тем более мне не пришло бы в голову считать его своим кумиром.

Дэн бил левой рукой неплохо, но классического кистевого удара не получалось: может быть, нарушился баланс распределения нагрузок из-за отсутствия правой руки, но удары выходили неубедительными. Пропала уверенность, резкость, злость, кураж. Но скорее всего отсутствие правой руки было ни при чём, просто пришёл возраст, когда начинают мучить мысли далёкие от волейбола. Человек размышляет по поводу всяких глупостей, наподобие бессмертия души и просто бессмертия. И ему иногда чудится, что это возможно. Но однажды, проснувшись посреди ночи, он понимает, что в случае бессмертия, так и будет играть в волейбол на пляже. Как же это ужасно – вечно играть в волейбол, это будет выглядеть страшным наказанием, как и само по себе бессмертие.

Из-за этих мыслей исчезает яростный огонь в глазах, и всё существо человека переходит в томительный режим ожидания последних перемен.

Я отвлёкся и не сразу понял, что произошло. В какие-то несколько секунд ситуация переменилась; мне показалось, что я вновь на спортплощадке Купальной горки и у Дэна нет сплошной седины в бороде и блестящей под солнцем круглой лысины на макушке. Его удары вдруг приобрели прежнюю свежесть и резкость, партнёры, почувствовав это, стали подбадривать его: «Дэн, лови пас!», «Дэн, бей, я приму!». И он бил, а они красиво принимали, падая после приёма на спину. Мяч отлетал к атаковавшему, и следовал новый удар.

Я был поражён этой метаморфозой, но вскоре всё стало ясно: это пришла и села в полосатое кресло-шезлонг, неподалёку от играющих, та самая женщина Дэна, которая так поразила меня когда-то. Она не изменилась, и это было неудивительно: давно известно, что женщины, которых любят, не стареют.

Ветераны показывали класс, животы и дряблые мышцы не мешали им быть такими же азартными и умелыми, как прежде. Дэн мощно бил левой, изящно накрывая мяч кистью, и обрубок правой энергично взмывал в момент удара вверх, давая понять, что и правая рука могла бы сделать то же самое.

**Журнал «Великороссь» поздравляет
Юлию Геннадиевну с юбилеем!**

Коней на переправе... меняют

Приближалось лето. Валентина сидела на кухне, грызла семечки и с тоской смотрела на отставшие от стены обои. Правильно говорят, что ремонт нужно делать каждые десять лет, а ведь с последнего ремонта прошло сколько? Уже целых двенадцать? Ну конечно! Потому даже клей «момент» не помогал, и обои уныло обвисали.

Плавное течение её грустных мыслей прервал резкий телефонный звонок. Позвонила её давнишняя приятельница, хотела напроситься в гости. Валентина была всегда рада гостям и потому пригласила подругу. Однако Людмила предупредила, что придёт не одна, а со своим новым бой-френдом. Ей не терпелось похвастаться мужчиной, который в зрелом возрасте имел отменную фигуру, так как увлекался велосипедным спортом, и мог легко пройти в походе 25 километров. Ну как Валентина могла отказать, ведь за эти годы они не один пуд соли вместе съели.

Жили женщины всего в нескольких троллейбусных остановках друг от друга. «Скоро нагрянут» – подумала Валентина и пошла ставить чайник и накрывать на стол. Не прошло и тридцати минут, как приехали Людмила и Василий. За чаепитием и обменом новостями подруга, то и дело бросая на своего спутника восхищённые взгляды, сказала Валентине, что Василий – мастер на все руки и сможет сделать ей косметический ремонт. Причём на «раз-два»! Валентина просто не поверила своим ушам. Неужели её проблема решена?!

Мужчина хозяйским взглядом обвёл кухню. Первое, что бросилось ему в глаза, была дырка в натяжном потолке, которая появилась там больше года назад из-за небольшого пожара на плите. Не откладывая дело в долгий ящик, Василий велел женщинам освободить стол и, не дав Валентине опомниться, вооружился ножницами, вскарабкался на стол и стал срезать потолок, а Людмила начала упаковывать обрезки в большие пакеты, которыми Валентина её снабдила.

Юлия Геннадиевна Александрова – родилась в 1965 г. в Москве в семье служащих. По окончании в 1987 г. МГПИ им. В.И. Ленина преподавала английский язык в школе. С 2001 г. Старший преподаватель кафедры английского языка на факультете экономистов-международников Всероссийской академии внешней торговли. С 2011 г. имеет звание доцента. Автор шести сборников лирических стихотворений: «Имя моё...» (2006), «Сретенье» (2007), «Воздушный шар» (2009), «Жизнь-река» (2010), «Крылатая мечта» (2012), «Иду по клавишам судьбы...» (2015), а так же трёх сборников прозы – «Букет ландышей» (2009), «Окно в сад» (2011) и «Дневник» (2015). Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Так начался экспромт – экспресс-ремонт. По ходу выяснилось, что Василий приехал из Ташкента в Москву не квартиры ремонтировать, а внука водить в школу и в спортивную секцию, потому он смог завезти материалы и приступить к ремонту только через две недели, отправив внука в спортивный лагерь.

Каким-то совершенно непостижимым образом ему удалось сразу всю квартиру поставить вверх дном. В соответствии с летним графиком работы Валентине часто приходилось бывать дома, что, безусловно, раздражало Василия. Он перемещался из помещения в помещение: то здесь что-то обдерёт, то там что-то зашпаклюет. Несмотря на постоянную суету, ремонт продвигался крайне медленно. Это напоминало бег на месте – вроде бы куда-то бежим, но с места не сдвигаемся. Мало того, что Василий был медлительным, у него ещё и руки «не из того места росли»: то, что он делал, оставляло желать много лучшего. Однако со смешанным чувством раздражения и сожаления Валентина понимала, что отступать ей некуда, ведь коней, как известно, на переправе не меняют.

Гром грянул в конце июня, когда горе-мастер объявил, что его внук возвращается из лагеря и он больше не может заниматься её квартирой и просит подготовить заработанные им деньги. Валентина ахнула: в квартире полный разгром, полы в некоторых местах безнадежно испорчены, все покрашенные стены в выбоинках, дорогая люстра в кухне повешена кое-как, а соединяющий её части провод заляпан штукатуркой, в гостиной вся мебель сгрудилась в середине комнаты, но стены абсолютно не готовы под покраску, а в спальне почему-то запахло кошачьей мочой.

Не привыкшая паниковать в трудные моменты, Валентина начала обзывать друзей, однако никто из них не мог ей помочь, ибо все знакомые мастера были загружены до осени. И тогда Валентина решила дать объявление на сайте Профи.ру. На её призыв о помощи откликнулся некий Павел, у которого в подчинении было несколько бригад. Их встреча состоялась в последний день работы Василия. Будучи профессионалом, Павел с трудом скрывал своё раздражение, глядя на последствия ремонта. Несмотря на то, что Василий оказался старше его раза в два, он спокойно выслушал объяснения горе-мастера и сказал, что не нужно брать за малярно-штукатурные работы, если в них ничего не смыслишь, и посоветовал Валентине удержать за халтуру деньги, так как они ей понадобятся на закупку черновых материалов. Валентина так и поступила. А ещё написала своей приятельнице, что своей рекомендацией «чудесного мастера» она перечеркнула все долгие годы их дружбы.

Павел и Валентина заключили договор, а через два дня мастера погрузили её вещи в такси, и хозяйка уехала на дачу, предварительно отдав всё представляющее ценность соседям.

Июль месяц пролетел очень быстро. До дня подписания акта о сдаче-приёмке работ оставалась неделя. Мастера закончили работу в комнатах и в кухне и ремонтировали коридор. Валентина вернулась и начала потихоньку разбираться в квартире. Всё вроде было на своих местах. Не смогла она найти лишь пакет, в котором были фотоаппарат, картридер, модем для интернета, веб-камера и какие-то провода. Ни в квартире, ни у соседей, ни на даче пакета не было. Валентина была в расстроенных чувствах, ведь всё это стоило денег и нужно было ей для работы. Скрывать это от Павла она не могла. Информация о пропаже вещей повергло Павла в шок. Подозрение падало на его рабочих, за которых он поручился. Будучи порядочным человеком, Павел

разрешил Валентине не платить полную сумму за выполненную его мастерами работу, и это немного смягчило момент их расставания.

Прошло полгода. Близился старый Новый год. Святки издавна считаются самым волшебным временем года, когда в жизни любого человека могут произойти самые невероятные события. Валентине нездоровилось. Простуда дала осложнения на голосовые связки. Лучшим средством была ингаляция. Женщина вспомнила об ингаляторе, который жил у неё в шкафчике вместе с утюгами и коробочками с пуговицами и катушками. Не успела Валя обнаружить заветный прибор, как ей на глаза попался пакет, который лежал себе и никого не трогал. Открыв его, она подумала: «Чудеса случаются!» Все пропавшие вещи оказались на месте. Валентина сразу взяла телефон, перевела деньги Павлу и написала: «Вещи нашлись. Со старым Новым годом Вас, Павел! Ещё раз спасибо за качественно отремонтированную квартиру!» Ответ не заставил себя ждать: «Деньги получил. Спасибо. Со старым Новым годом! Как только надумаете продолжить ремонт, звоните!»

75 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Посвящается 75-летию Победы над фашистской Германией

Они защищали Ленинград

Утром он пришёл в себя. Невыносимо болела голова, глаза, которые не мог открыть. Болело всё тело, липкое от пота и казавшееся чужим. Хотелось пить. Откуда-то издали донеслись приглушённые голоса: «Как состояние больного?» «Прежнее. Температура не снижается. Бредит». «Возраст?» После некоторой паузы продолжил первый голос. «Двадцать один. Да, тиф, обострённая форма. Продолжайте лечение. Организм молодой, может, выкарабкается». Догадался, он в больнице и разговор шёл о нём. Но как он сюда попал? Напрягая память, стал вспоминать. Перед глазами возник окоп, его родной пулемёт «максимыч», как любя его называл и с которым ожесточённо бил врага там, на левом берегу Невы, на Невском пятачке...

Невский пятачок. Этот небольшой плацдарм земли длиной около двух километров и шириной метров восемьсот, расположенный напротив посёлка Невская Дубровка, что на правом берегу Невы, сковал наступательный порыв врага вознамерившегося сходу овладеть великим городом. Его удерживали бойцы Красной армии с сентября 1941 г. И отсюда навстречу частям Волховского фронта планировалось наступление на врага с целью прорыва блокады Ленинграда. Для этого командование стремилось расширить плацдарм и усилить расположенную на нём группировку. Фашисты, предвидя такой исход, не прекращали попытки сбросить смельчаков в Неву, и на этом удобном, с пологими берегами участке реки продолжить наступление на Ленинград. Ожесточённые бои не прекращались ни днём ни ночью. Обе стороны несли серьёзные потери. В отдельные дни наши части теряли до четверти своего личного состава. В это пекло и попал Гафур, так звали героя нашего повествования, вместе с ротой бойцов, где он служил пулемётчиком.

В памяти Гафура всплыло то внутреннее душевное напряжение, которое никогда не покидало

Игорь ГАФУРОВ

Игорь Гафурович Гафуров – является директором Махачкалинского машиностроительного завода сепараторов, профессор, доктор экономических наук. За сохранение предприятия в сложные перестроечные годы и организацию производства новой конкурентоспособной продукции награждён орденом Почёта, многими республиканскими и ведомственными наградами. В последнее время помимо научных работ пишет очерки о людях, внесших немалый вклад в хозяйственное и культурное строительство страны, её защиту в годы ВОВ, с которыми ему пришлось встретиться по жизни.

Живёт в Махачкале.

Гафур Гафуров

его там, на пяточке. Оно изматывало. Не позволяло нормально отдохнуть между боями. Хотя не сами бои являлись этому виной. Изматывала необустроенность солдатского быта, которую он, привыкший всё делать своими руками, не мог изменить, сказывалась нехватка боеприпасов, продовольствия, медикаментов. Помощь приходила только ночью по реке. Но и эту задачу выполнить было непросто. С возвышающейся в стороне серой громадины-здания бывшей гидростанции противник своей артиллерией с присущей ему педантичностью простреливал всю прилегающую округу, нанося огромный ущерб нашим частям. Хорошо простреливался и сам плацдарм, и глубокие подступы к нему на правом берегу. Однако,

зная, какая напряжённая работа ночами ведётся на реке, немцы особые усилия сосредотачивали на её излучине. Здесь простреливался буквально каждый квадратный метр воды, по которой могли двигаться плавсредства с грузом. Насколько это опасно, Гафур убедился сам, когда вместе со своей ротой переправлялся на левый берег на замену выбывшим товарищам.

В озаряемой огненными вспышками темноте они штурмовали пятисотметровую ширину бурной реки, по которой тянуло сыростью и пронизывающим холодом. Их движение выдавали лишь приглушённые вскрики людей и треск лодок разлетающихся от прямых попаданий снарядов. Порой мимо в свете этих вспышек, как в страшном сне, они видели проплывающие мимо тела погибших. Однако и самого Гафура судьба также не оставила без испытания. Недалеко от берега их лодку накрыла большая волна от разорвавшегося снаряда, и она стала тонуть. Лишь общими усилиями, вплавь в ледяной воде, со скрученными от холода руками и ногами, перекосившись от напряжения лицами, они дотащили её до берега. Казалось, самое страшное позади. Но, как выяснилось позднее, это было лишь начало испытаний. И первое боевое крещение на новом месте, состоявшееся утром, подтвердило это.

Всё началось с одиночных оружейных выстрелов. Они накрывали их оборону, едва они вместе со вторым номером – сибиряком Ваней Сидоровым, ещё не обсохшие после ночного «купания», установили на бруствере окопа пулемёт и подготовились к бою.

– Сейчас попаримся, – заметил пожилой солдат, который, сидя на ящике из под патронов, жадно раскуривал самокрутку.

Он не ошибся. Огонь крепчал. Чувствовалось, что цели для врага были хорошо пристреляны. Уже вскоре разрывы снарядов и мин, словно в фейерверке, наперегонки бежали по всей обороне пяточка. В воздухе, как в сырой бане, стоял едкий запах затхлой травы и выбитой горячей земли. Буквально рядом за траншеей разорвались два снаряда. Впереди – разрыв мины. Гафур почувствовал дыхание смерти. Кто сможет остановить её роковую косу? Он, как и все, прижался ко дну окопа. Не всем это помогло. Рядом слева раздались смертельные стоны бойцов. Солдатское радио донесло о прямом попадании и жертвах справа по траншее. Многих задела разлетающиеся осколки.

– Как тебе эта музыка, командир, – проворчал Сидоров, натягивая на уши воротник бушлата.

Внезапно наступила тишина, которую из-за звона в ушах Гафур не сразу почувствовал. Все приникли к брустверу траншеи. В это время его дружески стукнул по плечу с трудом пробирающийся сквозь её узкий и невысокий проход комбат Лобжанидзе, с которым они вместе выходили из окружения.

– Береги патроны, не увлекайся, – обыденно, словно не расставались, заметил он, двигаясь дальше.

В глаза бросилась желтизна на его тщательно выбритом лице и появившиеся под глазами морщины, которых Гафур раньше не видел. Однако весёлое лицо комбата с его чёрными усами и белизной зубов светилось уверенностью, передаваемой окружающим.

– Идут, – пронеслось по траншее. Сквозь рассеивающейся дым и гарь впереди показалась широкая цепь фашистов, короткими перебежками двигавшаяся вперёд. За первой двигалась вторая и третья цепь.

– Стрелять по команде! – донеслось издали.

Все замерли в ожидании. Дружный плотный огонь на мгновение остановил врага. Гафур успел разглядеть их сытые и наглые лица. Они уже чувствовали себя хозяевами этой священной земли, которую пришли растоптать и уничтожить. Он вспомнил лица и скорбь тех простых людей, которые оставались у врага во время их отступления и выхода из окружения. Вспомнил своё бессилие и невозможность помочь им. В груди закипела злость.

– Держитесь гады, – шептал он пересохшими губами, – сейчас вы будете плясать под мою музыку.

Короткими и прицельными очередями он стал поражать наступающих, лишая их возможности двигаться вперёд. Несмотря на яростный отпор, враг продолжал наступать. Поняв, откуда исходит наибольшая опасность, он сосредоточил огонь на наших пулемётных расчётах. Первым пострадал Ваня Сидоров, получив ранение в грудь. Пулемёт стал стрелять реже, и фашисты обрушились на их участок. Тут-то, словно из-под земли, появился их ротный политрук Кошелевич. Молча, как будто это делал и прежде, он стал подносить патроны и заряжать пулемётные ленты, корректировать огонь. Пулемёт вновь заработал в полную силу, его ствол буквально горел от интенсивности огня. Накал боя возрастал. Сколько он ещё будет длиться. Чья возьмёт, наглость фашистов, привыкших к лёгким победам, либо безудержная ненависть к ним красноармейцев, защищавших свою родину. И перелом наступил, огонь стал ослабевать. Враг не выдержал и покотился назад.

В траншее ликований не было. Страшная усталость охватила бойцов, отбивших эту тяжёлую атаку. Гафур тут же опустился на дно окопа. Молчал. Не было никаких слов. «Какая это тяжёлая работа – воевать, – подумал про себя, – и сколько нужно иметь воли и сил, чтобы всю её выполнить»

и победить». Рядом на ящике, бросив на колени усталые руки, пристроился Кошелевич. О чём он думал? Может, о своей семье, что осталась под немцами в его родной Белоруссии. Затем он встал, не спеша стряхнул с себя землю, поправил ремень и, пожав Гафуру руку со словами «посмотрю наших», исчез в проходе траншеи.

А траншея медленно оживала. К её широкому изгибу снесли тела убитых товарищей. Их предстояло похоронить ночью в воронках от разорвавшихся снарядов и мин. Кто-то стал латать обвалившиеся стены траншеи, которые и без того были сделаны на скорую руку. Кто-то чистил оружие. Гафур также принялся за пулемёт, с трудом снял ствол и почистил его, проверил затвор, подготовился к очередному бою.

Следующие боевые дни в его памяти не отложились, поскольку были похожи друг на друга. Они казались немного легче первого дня. В один из них в конце боя ранило Алика Мамедова, молодого, смышлёного паренька из Баку, направленного к нему вторым номером. Затем пуля нашла и его. Это случилось через три дня в самом начале вражеской атаки. С помощью товарищей он перевязал раненое плечо и продолжал бой, так и не добравшись до медсанбата.

По установленному немцами графику текли последующие дни. Утренняя артподготовка сменялась атакой пехоты. Затем всё повторялось. Бойцы к этому как могли приспособлялись, стояли насмерть, не сдавая ни пяди своей земли. Однако в какой-то момент Гафур уловил ухудшение самочувствия. Появились жар, головная боль, перешедшие в лихорадку. Постоянно мучила жажда. Особенно тяжело приходилось ночами. Построенные на скорую руку землянки только названием отвечали своему назначению. В них стоял холод, усиливающийся вместе с начавшимися морозами. Ночной отдых в таких условиях, состоявший из прерывающейся дремоты, не восстанавливал силы. А силы стали его покидать, о чём говорили заострившееся худое лицо и горящие глаза. Первым такое ненормальное состояние заметил внимательный Кошелевич и приказал немедленно отправиться на лечение. Но как он мог оставить своих товарищей, тем более накануне наступления.

Этого наступления все ждали. Было большое желание подальше отодвинуть врага, прочнее закрепиться на плацдарме, создать здесь все необходимые условия для решающего штурма. И вот день этот настал. Гафур помнит, как встретил его рано в траншее. Холодный утренний воздух взбодрил. Закутавшись в короткую шинель, он смотрел вперёд. Белое от инея поле, где были выжжены все деревья и кустарники, хорошо просматривалось с обеих сторон. По нему предстояло наступать на врага. «Многое будет зависеть от нашей артиллерии, иначе преодолеть его будет сложно», – рассуждал Гафур. Словно услышав его мысли, пушки ударили по врагу. Огонь был такой силы, что, казалось, живого уже на той стороне ничего не останется. Траншея буквально оцетинилась, люди ждали команду. Гафур всем своим нутром почувствовал её желанный голос – «Вперёд!» Превозмогая адскую боль в голове, он взобрался на бруствер траншеи, вместе с напарником схватил пулемёт за овальную ручку станка. Кругом слева и справа десятки бойцов с винтовками наперевес уже рвались вперёд. Он сделал шаг, второй, третий.

– Кажется, конец, – прошептал, потеряв равновесие, и его сознание погрузилось во мглу.

Слабый организм больного не выдержал этих тяжёлых воспоминаний. Он снова впал в забытие, бредил. Спустя время до слуха дошли произносимые

кем-то знакомые до боли слова: «Кушать, кушать». Открыв глаза, увидел пожилую нянечку, разносившую еду больным и раненым. От её слов Гафура окутал целый мир образов, связанных с родным домом. Он увидел своё детство, маму, которая, стоя на веранде дома, нежным голосом звала его кушать. А он ещё совсем мальчишка, ужасно голодный после дневной беготни гадал: позовёт ещё или не позовёт. Сразу бежать домой уже тогда ему не давала мальчишеская гордость. Она не позволяла проявить хоть какую-то слабость перед своими сверстниками. Такие воспоминания, особенно сны о родных местах, виденные в короткие и тревожные солдатские ночи, всегда согревали и восстанавливали его силы. Вот и сейчас перед глазами встал их небольшой дом. Как и многие дома их маленького горского селения, он прижимался своей тыльной стороной к невысокой скале. Это позволяло в зимние ночи сохранять относительное тепло от непродолжительного дневного солнца и экономить нехитрое местное топливо – дрова и кизяк.

К слову сказать, его родное село, замыкающее окраину известного на Северном Кавказе Хунзахского плато, находилось далеко в горах на высоте 2000 м над уровнем моря. Здесь компактно располагалось около 20 похожих друг на друга селений, сохранивших самобытную культуру и традиции этого горного края. Тёмными ночами с каждого из них были видны весёлые, зовущие в гости огоньки соседей, что вносило в их жизнь удивительную гармонию тепла и уюта. Высокогорье не позволяло разводить здесь фруктовые сады, да и с лесами не всё обстояло благополучно. Основное богатство плато составляла его природа. Это, прежде всего, прозрачно-чистый и звенящий словно струна пандура воздух, насыщенный пьянящими ароматами разнотравья альпийских лугов. Это хрустальная, ломящая зубы холодом вода, идущая с белоснежных вершин Большого Кавказского хребта, опоясывающего южную границу плато. Это чарующая прелесть небесного свода, украшенного серебристыми звёздами млечного пути, настолько большими, что, казалось, протяни руку, и ты сольёшься с этой вечной красотой и гармонией. Однако основным богатством края являлись его люди, скромные и простые труженики, создающие свои нехитрый быт и блага в суровых условиях высокогорья. Под их влиянием формировался характер Гафура.

Как у многих сверстников у него была своя душевная тайна, во многом определившая его жизненный путь. Эта тайна была связана с отцом, погибшим в Гражданскую войну в тот год, когда он появился на свет. По утрам Гафур часто приходил на любимое место отца и, сидя на краю глубокой пропасти, опоясывающей плато с восточной стороны, придавался юношеским раздумьям и переживаниям. В горах трудно без старшего, Гафур это почувствовал на себе ещё мальчишкой, став старшим мужчиной в доме. И здесь, на этих горных скалах в одиночестве он часами думал о своём отце, представлял его, связывал с ним свои поступки и мысли. А пред ним открывалась удивительная по красоте панорама Кавказа. Её составляла стройная шеренга седых вершин, гордо возвышающихся на противоположной стороне пропасти и теряющихся за горизонтом. Далеко внизу, словно вырвавшаяся на волю змея, пробивалась между скалами серебристая лента бурлящей реки, по берегам которой едва просматривались вдали редкие селения и фруктовые сады. Позднее это удивительное место отметило изящное перо Расула Гамзатова: «И я сквозь утреннюю дымку / мог разглядеть в туманной мгле, / как смех и плач сидят в обнимку на тёмной и крутой скале». Словно о нём, о его чувствах писал прославленный поэт.

Эту задумчивую на фоне восходящего солнца картину дополняли орлы, которые, раскинув свои широкие и мощные крылья, гордо парили внизу, оберегая эту красоту от непрошенных гостей. Гафур их сравнивал со своим отцом, который также подобно орлу сильный и смелый взлетел в небо и растворился в нём, отдав своё счастье и любовь людям. Об этом рассказывал служивший в Киеве и изредка приезжавший домой друг отца комбриг Муслим Атаев, в прошлом командир известного партизанского отряда, где врачом был отец Гафура.

Обаяние комбрига, его боевая выправка и военная форма, вместе с памятью об отце, сделали в его жизни главное – Гафур после окончания педагогического техникума за два года до начала войны добился отправки в Красную армию...

Как и предполагали врачи, молодость победила. Благодаря ей и настойчивости медиков дела Гафура вскоре пошли на поправку, и в середине зимы сорок второго года его выписали из госпиталя. Перекинув через плечо тощий вещмешок и опустив от сильного мороза «уши» шапки-ушанки, он медленно направился к индустриальному техникуму, где шло доформирование его полка. Находясь в госпитале, Гафур знал о тяжёлом положении Ленинграда. Но увиденное на улицах его потрясло. Сами улицы, запорошенные серым снегом, а местами заваленные большими чёрными от грязи сугробами, были практически пусты. Не было видно привычных трамваев и автобусов. Изредка попадались отдельные прохожие, в основном женщины и старики. Все усталые, сосредоточенные – суровость женских лиц не позволяла определить их возраст. И всё же они находили для него добрую улыбку, показывая путь к месту дислокации части. По пути он видел дома, разрушенные от прямого попадания бомб и огороженные провисшими верёвками. Часто попадались гружёные тяжёлые сани, которые с трудом тянули усталые люди.

– Что вы везёте? – спросил он двигающихся навстречу девочку и мальчика.

– Маму, – услышал ответ.

Действительно, на санях под белыми простынями просматривалось человеческое тело. От услышанного перехватило горло. У Гафура, не единожды видевшего смерть, на глазах появились слёзы. Он опустился на основание идущего вдоль улицы забора и долго сидел, опустив голову на грудь и глотая грязный снег, пока проходивший мимо старик не предложил свою помощь.

В части он получил назначение на учёбу на краткосрочных курсах младших командиров и отправился искать политрука Кошелевича, к которому ему было велено зайти. Кошелевич не узнал Гафура. Да и трудно было узнать в этом человеке, у которого от всего пережитого, как говорилось, остались одна кожа и вес в 55 кг, того здорового цветущего бойца, каким его помнил политрук. После повторного доклада о прибытии Кошелевич встал и подошёл к Гафуру. Он долго и удивлённо смотрел на него.

– Ты с того света, Гафур, – впервые назвав по имени, волнуясь, произнёс политрук и крепко прижал его к своей груди.

Позднее, сидя за скромным солдатским столом, единственная закуска которого состояла из бережно разрезанной на три части луковицы, где-то найденной их однополчанином старшиной Бондаренко, политрук произнёс, поднимая кружку с плескающимся на дне спиртом:

– Там на пяточке мы прошли серьёзные испытания. Они нас многому научили. Война нас многому учит. Она заставляет по-новому взглянуть на вещи, раньше казавшиеся обыденными. И прежде другими глазами взглянуть на самого человека. Сколько в нём оказалось духовной силы, мужества, чтобы не уступить врагу. И в тоже время, сколько в нём любви и тепла к родине, к своим однополчанам, окружающим. Посмотрите на Ленинград. Городу тяжело, очень тяжело. Сегодня хлеба по рабочей карточке выдают 250 гр. на человека. Для детей и служащих – всего 125 гр. Мороз доходит до 30 градусов. Люди умирают от голода и холода, но ленинградцы не сдаются. За станками на заводах, теряя сознание, стоят старики, женщины, дети. В тяжелейших условиях они выпускают для нас танки, пушки, снаряды, патроны. Какой героизм, чтобы победить врага. И мы его победим. Победим этих нелюдей, которые пришли уничтожить, растоптать нас. Победим, потому что есть дагестанец Гафур, украинец Бондаренко, грузин Лобжанидзе, бойцы со всех концов нашей страны, ненавидящие фашистов, готовые жизнь сложить за этот великий город. Вместе мы сила. И нет в мире такой силы, как говорил Тарас Бульба, которая пересилит русскую силу.

Гафуру при упоминании его имени стало неловко, и он покраснел. Заметив это, политрук продолжал:

– Комбат оценил твой поступок, Гафур, когда ты не бросил пулемёт. Раненый и тяжелообольной ты остался в строю. Он рассказывал о твоём мужестве при выходе из окружения. Потому сам лично проверил, чтобы тебя в числе первых отправили на большую землю.

– Вместе мы сила, – повторял Гафур слова политрука. И с этими словами он отправился штурмовать очередную свою жизненную ступень.

Через три месяца, закончив учёбу на краткосрочных курсах и получив первое офицерское звание, Гафур явился в штаб фронта, куда был направлен для прохождения службы. Он предстал перед своим бывшим командиром полка Калашниковым, который занимал здесь высокую должность. Душевный и затянувшийся после разлуки разговор закончился просьбой Гафура отправить его на фронт.

– Я ждал от тебя такого пожелания, – мягким спокойным голосом ответил полковник. – Но позволь тебя спросить, – продолжил он. – Что ты будешь делать на фронте? Стрелять из пулемёта? Да, ты умеешь хорошо стрелять, и бои на пяточке это подтвердили. Но ты ведь командир. Чтобы победить, ты должен уметь хорошо воевать, хорошо командовать людьми. А ты за три месяца научился этому? – После паузы продолжил. – Перед тобой открывается прекрасная возможность стать хорошим командиром, принести пользу фронту. Ты будешь изучать сводки с боевых действий, участвовать в совещаниях, анализировать наши промахи и наши успехи, учиться на этом. И со временем ты станешь подготовлен для фронта как командир, хороший командир. И ещё, Гафур, тебе как сыну хочу дать совет. У тебя появится немножко свободного времени. Читай. Читай классику. Это приобщиит тебя к высокому, к культуре. Начни с «Войны и мира» Толстого. Ты много получишь из этого произведения для общения с людьми. Научишься находить ответы на многие жизненные вопросы.

Гафур внял совету старшего. Он активно осваивал штабную работу, которая оказалась далеко не простой, как думали на передовой. Природная смекалка и доброжелательность вместе с присущей скромностью и настойчивостью расположили к нему окружающих по службе, которые подсказывали,

учили, давали дельные советы. Ночами взахлёб читал роман Толстого. Он учился анализировать исторические события и поведение людей, заглядывать в будущее. Спустя шесть месяцев напряжённой работы в штабе фронта Гафур почувствовал себя готовым к самостоятельной службе. Его назначили заместителем командира стрелкового батальона на один из самых ответственных участков фронта – Пулковские высоты.

В памяти сохранилась первая встреча с бойцами батальона, которая его взволновала. Однако это уже был не вчерашний пулемётчик, хорошо знавший своё солдатское дело. Хотя именно эта сторона биографии прежде и расположила к нему рядовых бойцов. Они видели в нём своего одноклассника, выдвиженца из солдатской среды. Приобретённые в штабе фронта опыт, умение оценить и разобрать ситуацию, грамотно поставить боевую задачу, а также человеческие доброжелательные качества, пришлось по душе офицерам батальона, сразу принявших его в свою среду. Со временем они увидели в Гафуре ответственного и надёжного командира – будь то создание бытовых условий бойцам или выполнение боевой задачи. Наиболее полно эти качества проявились в период прорыва блокады, когда он уже являлся командиром своего батальона.

Сму запомнился тот январский морозный день, когда их с командиром полка вызвали в штаб дивизии. Комдив поставил ясную по простоте, но трудную по выполнению задачу. До начала фронтовой операции уничтожить находящийся в поле действия батальона хорошо укреплённый вражеский пункт обороны, расположенный в посёлке Николаевское. Находящийся на небольшой высоте и связанный сообщаемой системой дотов и дзотов он мог серьёзно помешать наступлению наших войск.

– От результатов этой операции во многом зависит вся судьба прорыва блокады, – сказал на прощание генерал и потребовал через сутки доложить оперативный план её проведения.

Ночью они совместно провели фронтальную разведку по всей ширине предстоящего наступления. Как и предполагалось, оборона противника была сильно укреплена. Колочая проволока, противотанковые рвы и минные поля, а за ними три линии вражеских траншей – настоящий слоёный пирог, на любой вкус. Но как его скушать? Одно понятно – в лоб взять трудно. Надо думать. Комдив с отдельными замечаниями план наступления одобрил, усилив батальон дивизионной ротой разведки. Он строился на быстром и внезапном проходе в ночное время во вражеские траншеи с флангов, где были обнаружены некоторые слабости в обороне. Начальный этап операции, связанной со взятием траншеи, планировалось провести в полной тишине – штыками и прикладами, введя неудобный для врага фактор неопределённости. Оставшееся до начала операции время было посвящено детальной проработке плана и тренировкам. И вот, так называемое время «Ч», время её начала наступило.

Вечером, незадолго до отправки первых групп Гафур вышел из землянки и уже в который раз стал изучающе смотреть в сторону врага. Спускающиеся январские сумерки уводили куда-то в тень панораму предстоящего боя. За ними на морозном небосклоне вырос серебряный месяц, девственную чистоту которого омрачал дрожащий свет многочисленных ракет и трассирующих пуль. Он почувствовал нарастающее душевное волнение, которое подобно пульсирующей звезде сжимало его грудь. С ним была связана высокая

ответственность за оказанное доверие, которое в немалой мере определяло своеобразный итог его военной судьбы. Эту ответственность он нёс не только перед командованием. Перед глазами встали находящиеся далеко его землянки. Он вновь мысленно увидел тех простых людей, которые в первые годы его военной службы во многих местах от Белоруссии до Карелии и Прибалтики, где находилась его кавалерийская часть, своей поддержкой и доброжелательностью помогли ему, горскому пареньку ближе познакомиться и полюбить эту великую страну, которая являлась его родиной. Перед глазами встали его однополчане, с которыми там, на Невском пятачке он делил последний кусок хлеба и последние патроны, детишки везущие на саночках хоронить свою маму и многие-многие ленинградцы, испытавшие горе от проклятой войны. Сегодня перед всеми ими Гафур нёс высокую ответственность за исход предстоящей операции.

В голове заново стали пробегать её возможные варианты. Он пытался предугадать в них действия противника. «Чем не шахматы, – подумал про себя. – Только в шахматах, как говорил Андрей Болконский накануне Бородинского сражения, есть время обдумать все ходы. У меня его уже нет». Он мысленно воспроизвёл этот известный персонаж романа Толстого, который его увлекал. «Однако сейчас, – размышлял Гафур, – я бы одного скромного капитана Тушина, отличавшегося смекалкой и находчивостью – предпочёл двум сиятельным Болконским с их нескончаемыми философскими рассуждениями». Гафур обошёл близлежащие траншеи. Бойцы готовились к бою. Прямо как в стихах Лермонтова: «Кто кивер чистил весь избитый / Кто штык точил, ворча сердито, / Кусая длинный ус...» У каждого из его бойцов были свои личные счёты с врагом.

– Вот письмо моей старшей доченьки, полученное в 43-м, – ответил на его вопрос о настроении перед боем сержант Фурдык, коренной ленинградец. – Она схоронила нашу младшенькую, которая умерла от голода, и просила отомстить за неё. Когда я, по случаю, в конце прошлого года попал домой, её самой уже не было. Ушла вслед за младшей. Я теперь должен выполнить и поручение своей старшей девочки и отомстить за неё.

Позднее схожий случай в своих записях о блокаде описал Илья Эренбург. Видимо, в трагической судьбе ленинградцев их было немало...

Как часто бывает в жизни: всё учли, всё предвидели, а нет... Нештатная ситуация случилась уже с первой штурмовой группой. После минных полей и проволочных заграждений она наткнулась на боевое охранение врага, которое немцы, видимо, страхуясь, выставили на флангах своих позиций. Что делать, отступить? Опытные разведчики, находящиеся в авангарде, приняли единственное верное решение – уничтожить. После чего буквально на едином дыхании ворвались в траншею врага. А бойцы следующих наступательных групп, ускоренно пройдя уже проложенный маршрут на фоне белого снега словно призраки навалились на вторую и третью траншеи. Здесь появились первые жертвы. Сторожевое охранение врага, находившееся в отдельном окопе, встретило их кинжальным огнём, который словно барабанная дробь разорвал напряжённую тишину зимней ночи. В ход пошли гранаты, заставившие немцев замолчать. В воздухе взвились десятки ракет. Враг по всему фронту открыл беспорядочную стрельбу. Однако главное было уже сделано. Наступающие своим напором и дерзостью ошеломили врага. Плотный рукопашный бой вперемешку с огнём автоматов и взрывом гранат по всей длине траншеи, в дотах и дзотах не оставили врагу шанса на спасение. Они

дрогнули и побежали в сторону посёлка. Буквально на их плечах туда устремились красноармейцы.

Гафур перенёс командный пункт батальона в захваченные у немцев траншеи, откуда ему удобнее было руководить боем. По тому, как всё вокруг пришло в движение, он ощущал результаты проводимой операции. Сапёры – незаметные труженики войны – уже вели работу по разминированию лежащего перед немецкими траншеями громадного поля, которое совсем недавно представляло большую опасность для наступающих. Где-то позади гудели моторы танков, которым по этому полю предстояло развивать наступление наших войск. Сбоку по проделанным разведчиками широким тропам ускоренным маршем двигались миномётчики, таща на себе неудобные и тяжёлые орудия.

Опасения Гафура, что немцы перехватят отступающих солдат и создадут в посёлке серьёзный очаг сопротивления, не оправдались. Мощное «Ура», гремящее на его подступах, и вид удирающих солдат, выбитых из траншей, вселили в них страх. Враг панически стал отступать. Серьёзную оборону вокруг отдельных домов держали лишь небольшие группы фашистов, организованные офицерами из находящегося здесь штаба. Однако к утру их рассеяли, и посёлок был освобождён полностью. В нём горели некоторые строения, обволакивая дымом и гарью улицы. То там, то здесь валялись трупы фашистов, разбитая и брошенная техника. Выделялись громадные «пушки-убийцы», которые днём и ночью на протяжении долгих блокадных дней «терзали прекрасный город», несли ему смерть и разрушения. «Каким надо быть чудовищем, чтобы принести столько горя людям. И во имя чего всё это горе?», – с горечью думал Гафур. Его доклад о завершении операции был прерван командиром полка.

– Слушай, слушай, Гафур. Запомни этот день.

И тут земля буквально задрожала от выстрелов сотен орудий и миномётов, которые разом с двух наступающих навстречу друг к другу фронтов ударили по позициям врага. А через посёлок на полном ходу на прорыв блокады с пехотой на броне уже двигались колонны грозных танков.

– Наконец-то дождалось, – снимая шапку, воскликнул Гафур.

И эти слова вместе с ним, с радостью и слезами вырвались из груди тысяч бойцов, тысяч ленинградцев, 900 трудных и героических дней и ночей ждавших этой минуты.

И в этом общем ликовании и общей радости Гафур с гордостью чувствовал вклад своего батальона в разгром врага. Этот вклад по достоинству оценило командование. Сам Гафур за успешно проведённую операцию был награждён орденом Александра Невского, который спустя время ему вручил командующий фронтом.

ПОЭЗИЯ

Алексей СЕРГЕЕВ

Алексей Юрьевич Сергеев – родился в Москве, на Плющихе, рисовал, служил, учился, занимался спортивным туризмом, ездил в фольклорные экспедиции, преподавал живопись; постоянный автор альманаха «Славянские встречи», член МГО Союза писателей России.

Живёт в Москве.

«Будет, будет светлый Праздник!..»

На рассвет

Я пойду,
Я пойду до рассвета,
До последнего дня на Земле.
Когда будет то – Бог знает это...
Будет тихо в лесу на золе.
Но рассвет уже будет последним,
И случится он в самую ночь.
В небе Ангелов станут шеренги;
Успокойся, о русская дочь!
Коль с наезжими не тусовалась,
А картины писала, стихи...
Не такая окажется малость
Весь, казалось, поток чепухи!..
И уже человечество в небе,
Скоро – Тайна, навек, навсегда!..
На твоём недожаренном хлебе
Догарает былого звезда.

Летающие на Плющихе

В шуме кроны засыпая,
Сон найтием вдыхая,
Всколыхнуть латунной шпагой
Тополиный пух-кораблик,
И, листвой переливаясь,
Спать в таком же фонаре...

По Ростовским переулкам
Средь невидимых деревьев,
Средь горбов булыжных скрытых,
Средь оживших чердаков.
Легкокрылые созданья
Разговаривают в душах,
И живёт секретный город,
Ждёт законности своей.
Будет, будет светлый Праздник!
Небеса откроют Двери,
А фонарики ночные
Будут памятью заветной
Тем, кто ночью тополиной
Всё искал незримый Свет.

Мы

Мы – армия!
С православными пиками наперевес
Коиими можно писать;
Мы – армия!
Знамя над нами –
В чернилах испачканный лист.
Мы идём
Чтобы пророчествовать о мире.
Мы – армия!
Слава Создателю нашему
И Царице.
Мы – армия!

ПОЭЗИЯ

Сергей СТЕПАНОВ-ПРОШЕЛЬЦЕВ

Сергей Степанов-Прошелец – родился в Новосибирской области, в таёжном поселке. Много колесил по бескрайним просторам бывшего Союза. Жил в Сибири, на Кавказе, в Казахстане, Латвии, на Урале. Осел в Нижнем Новгороде. Работал в основном в журналистике. Автор 25 печатных и электронных книг. 8 из них – сборники стихов, 6 – повести и романы. Остальное – документалистика. 4 книги рассказывают об аномальных явлениях в Нижегородской области. Печатался во многих журналах. Четыре раза побеждал в творческих конкурсах, однако это не самоцель. 8 книг выпущено под настоящей фамилией, но она очень распространённая, и автор взял псевдоним – Степанов-Прошелец.

Живёт в Нижнем Новгороде.

Родина радуг

***

Шорох мышинный пасмурных буден
больше терпеть невмочь!
Пусть будет праздник: скрипка и бубен,
в спелом румянце ночь!

Свет этой ночи, ласков и матов,
облаком заслоня,
в шёлковом платье, тёплом от маков,
выйди встречать меня.

Звёзды, как вишни, свесятся с веток
в срезе сквозных аллей..
Летней латуню лунного света
сердце моё облей.

Пусть встрепенётся робкая радость
в травах, хмельных от рос,
слившись, как ветер, с родиной радуг –
с краем, в котором рос.

***

Псина та лохматая крик мой перелаяла,
а в калитки стуки были слишком робки.
С лебединой грацией сальто с перекладыны
вышитые скатерти повторят с верёвки.

Вышла моложавая:
 – Ты куда-откуда?
 – Заплутал я, кажется, вот случайно вышел.
 – Там же топи с вадьями¹, там болото Блудово, –
 и от удивления дым застыл над крышей.

– Дай воды, чернявая.
 Поднесла полковника.
 Отчего-то сразу вдруг зубы заломило.
 – Объясни, пожалуйста, как мне по-хорошему
 на дорогу выбраться из чужого мира.

– Ночевать останешься – рано утром выведу,
 чтобы по дремучести ночью не кружили...
 Ночевал. Не делаю никакого вывода,
 просто все мы грешные, все мы не чужие.

Вот и всё как будто бы, ерунда, наверное,
 был ночлег тот вынужден, в общем-то, нечаян.
 Ты прости, пожалуйста, вовсе не намеренно
 ерундою этою я страдал ночами.

Говорят: забудь теперь навсегда деревню ту,
 не попасть на тракторе – путь водою залит.
 Но она как будто бы вот – между деревьями,
 но подходишь ближе – сразу исчезает.

Что это? Неведомо. Много баек слажено
 про деревни-призраки. Сколько на Руси их?
 Счастье – как болотная гиблая мочажина:
 вроде, почва твёрдая, а кругом – трясина.

Батый в Рязани

Как дождь, копыта коней стучат,
 закрыла солнце густая хмарь.
 Протяжно охнув, умолк набат –
 стрелой калёной сражён звонарь.

В руинах церковь, в глубоком рву
 собаки трупы зубами рвут.
 Как снега хлопья, – беззвучно, без-
 участно – пепел летит с небес...

О Русь! Ты стрелы из сердца вынь!
 Не скоро этот забыть охул:

¹ Вадья, мочажина – участки болота.

виски полей серебрят ковыль –
 совсем забыли они соху.

Смолистым ветром шумят костры,
 в котле дымится бараний плов.
 Под гребень копий мечом отстриг
 хан много русых лихих голов.

Кривит улыбка надменный рот:
 «Детей в огонь! Истребить весь род!
 Оставить угли да пепел лишь...»

Но Русь восстанет из пепелищ!
 Великий воин, батыр Бату,
 развеет время твою мечту.

Среди развалин сквозь тлен и прах
 пробьются острые пики трав,
 и встанет город на трёх холмах –
 прекрасен, строен и величав.

Скорей рассейся, ночная мгла,
 чтоб мир услышал (он так озяб),
 как дружно грянут колокола –
 ликуя, плача, ещё грозя.

Бессмертна храбрость. Бессильна смерть,
 когда, не зная других забот,
 победно льётся густая медь
 потоком шалым весенних вод.

***

Взгляни: раскрылись у воды на уровне с травой
 герани белые цветы, герани луговой.
 В глазах у них застыл испуг, у них так мало сил.
 Они – как будто белый пух, что лебедь обронил.

Не долго им гостить уже.. Господь, я так же мал,
 дай доброты моей душе,
 коль силы ты не дал!

***

По вечерам, когда, как воск, густеет мгла
 и заполняет, словно газ, моё окно,
 когда один, боюсь смотреть я в зеркала –
 в них отражается не то, что быть должно.

Иная жизнь там, но не та, что я застиг,
что я пригубил, словно яд, из тигля дня, –
в безбрежной комнате всегдашний мой двойник
глядит в глаза мне, так похожий на меня.

Дрожит луна – зелёный дымчатый кристалл,
а мой двойник, как я, бесплодно одинок.
Он – тот, каким быть не хотел я и не стал.
Он – тот, каким я никогда бы стать не смог.

Мелькали годы, электричеством слепя,
он не старел совсем, румяный, как мечта.
Но жить, как жил я, ненавидя и любя
и забывая, – не пытался никогда.

Как горевал, как пил последнее вино,
как говорил всем, что прошедшего не жаль...
Он – только зеркало, я старше всё равно
его на чью-то позабытую печаль.

***

Остановись посреди толчеи –
там, где оркестр, там, где солнце на меди.
Так ли созвучны заботы твои
с целью, которую сам ты наметил?

Бродишь потерянно, словно во сне,
всё тебе чудятся чьи-то нападки...
Впору опомниться. Время – весне.
Время давно наступает на пятки.

Что-то на дачи увозят в кулях,
кто-то уже затевает ремонты.
Надо собрать свою волю в кулак,
надо очнуться от этой дремоты.

Надо увидеть, мгновенье лова,
как по-весеннему светятся лица.
В сердце уже созревают слова,
как помидоры в совхозной теплице.

Снова учись удивленью у трав,
чутко внимающих птичьей капелле,
чтобы слова эти, музыкой став,
светлыми были, как песня капели.

***

Окно в наличниках. Уют. В горшке – герань.
Здесь по утрам всегда встают в такую рань.
И свет не гаснет допоздна в хибаре той...
Не дай, Господь, другим познать беды такой!

Несёт вдова ведро с водой, ей смотрят вслед.
Но как нелепо быть вдовой – ей двадцать лет!
Вздыхнут соседи: «Да, дела, судьбы изгиб».
Она любимого ждала, а он погиб.

Не знал никто на той войне, где завтра фронт.
Она была лишь так – вчерне, сплошной экспромт.
Там снова «калаши» частят, в крови сугроб...
Его собрали по частям в свинцовый гроб.

За сына отомстил отец – Дауар-бек.
Теперь в глазах её свинец застыл навек.
И вот идёт она – одна сквозь птичий грай,
Не замечая, что весна, что снова май.
И лишь глаза – как будто крик, как будто стон.

В избе её такой же лик глядит с икон.

***

Здесь, в иван-чаевой столице,
я открываю створки ставен –
и зелень лунная сочится,
как будто капельницу ставит.

Здесь тишина другой эпохи,
она дарована нам свыше.
Наверно, при царе Горохе
так можно было ветер слышать.

И этот голос, словно флейта,
звучит среди лесной державы,
где, как змея, узкоколейка
своё раздваивает жало.

Уеду. Это твёрдо знаю,
увы, таков удел сиротский,
но эта тишина лесная
меня проела до серёдки.

И пусть в судьбе моей пробелы –
вкусить не доведётся брашно,
но никакие децибелы
теперь услышать мне не страшно.

***

Это ещё совершенно не довод –
то, что тревогу дожди насылают.
Липы цветение. Запах медовый.
Ты не грусти, что погода сырая.

Ты не грусти, что дожди за дождями,
брать во внимание это не нужно.
Лето пройдёт – и останется с нами
запахом липы – и сладким, и душным.

Лето пройдёт – наши встретятся руки,
вспыхнет улыбка – как раньше, по-новой.
Липы цветение. Время разлуки.
Липы цветение. Запах медовый.

***

Старые вещи малы нам –
вытянулись за лето.
Душно. Пospела малина,
всюду полно бересклета.

Скоро метельные зимы
дунут – не высунуть носа...
Бродим, забыв про корзины,
словно во власти гипноза.

Лес, точно женщина, чуток.
Листья не ведают веса...
Как объяснить это чудо –
чудо летящего леса?

Нежный, кудрявый, высокий,
он погружён во вниманье,
будто мои биотоки
чувствует на расстоянье.

Вышито солнце лесное
ягод затейливой вязью...
Брат мой, ты связан со мною
самую кровною связью!

***

Бродил по городу чудак
с посеребрённым чубом,
шёл не спеша, любой пустяк
ему казался чудом.

Глядел тот парень на закат,
на леса гребень редкий,
где красногрудый музыкант
усердствовал на ветке.

Боясь разбить, он в руки брал
зимы стеклопосуду,
и проявление добра
он чувствовал повсюду:

в карасьем профиле моста,
в реке, пристывшей малость.
Как сахар в чае, доброта
в природе растворялась.

***

Был пианист уже изрядно лыс
и аскетичен, как индийский йог.
Он выходил бочком из-за кулис –
зал еле-еле сдерживал смешок.

И медленно мелодия плыла,
как облака: за слоём – новый слой,
прозрачна, удивительно-светла,
как сад, омытый солнечной водой.

И не было печалей и обид,
и пробирала, как в ознобе, дрожь.
... А фрак на нём рогожею висит.
Нисколько на артиста не похож.

***

Зацветают паслёны. Столько зрячих ветвей
над щемяще-зелёной стороною твоей.
Моют резкие реки берегов керамзит...
Ты запомнишь навеки этот краткий визит

к травам чистым и рослым, к тыну, где коновязь.
В том общении с прошлым
есть и с будущим связь.

***

Журавли подают сигнал.
Завтра, видно, дождик польёт.
Навсегда, прошу, навсегда
ты запомни этот полёт!

Этот сумрак, что загустел,
по уступам сырым скользя,
эту грусть расставанья с тем,
что уже повторить нельзя.

Будет тихая смена дней,
будет мир всё так же велик,
но становится он бедней
на один журавлиный крик.

***

Я жил предчувствием разлук,
всё знал я наперёд.
Прощальный в небе сделав круг,
растаял самолёт.

А я стоял, а я смотрел,
лёд каблуком дробя,
и зашагал, как на расстрел,
туда, где нет тебя,

где больше мне покоя нет
в объятьях тишины,
где только память, только след,
лишь боль моей вины.

***

Птицы хлынули опять,
города поют и веси.
Им теперь не время спать –
это время новых песен.

Воробей на ветку сел,
пахнет забродившей брагой,
и уже тяжёл и сер
рыхлый снег, набухший влагой.

И теперь запретов нет
ни на что: я смел, как птица,
и шагну я в новый свет,
чтобы в нём не раствориться,

чтоб с приливом свежих сил
я в другой перезагрузке
песни птиц переводил
с поднебесного на русский.

***

Я не истратил весь свой пыл.
Пусть много суеты.
тебя я видел среди толпы,
но исчезала ты.

И в этом городе большом,
что был душе не мил,
к тебе я приближался, шёл,
увы, не находил.

Пойми, мне только двадцать лет,
и твёрд я, как наждак.
Цеплялся каждый турникет
в метро за мой пиджак.

Но я не думал в эти дни,
свой продолжая путь,
что я цепляюсь, как они,
за то, что не вернуть.

***

Вспыхнет яркий фонарь над пролётом моста,
и опять темнота обнимает восток.
Бестолковая жизнь. Суета. Маета.
Только время шумит, словно горный поток.

Только время... Его непонятен нам ход:
зазевался – уже никогда не настичь.
Так охотник в засаде, невидимый, ждёт,
но прицелится – с места срывается дичь.

А вокруг – тишины голубое сукно.
Спит в берданке клубочком свернувшийся гром.
И уже не догнать, и уже всё равно,
если ты опоздал, что случится потом.

ПОЭЗИЯ

Надежда ОХРИМЕНКО

НАДЕЖДА ОХРИМЕНКО

Надежда Николаевна Охрименко – член Союза писателей России и Союза журналистов России. Окончила МВТУ им. Н.Э. Баумана и Народный университет рабочих корреспондентов им. М.И. Ульяновой. Автор пяти поэтических сборников. Шестикратный дипломант конкурса МПО «Галерея избранного стихотворения». Награждена дипломом 1-ой степени и медалью «России верные сыны», памятным знаком «300 лет российской журналистике», дипломом 1-ой степени Международного интернет-конкурса «Страницы семейной славы», памятными литературными медалями: «А.С. Грибоедов», «А.П. Чехов», «М.Ю. Лермонтов», орденом «В.В. Маяковский «Светить всегда»». Живёт в Москве.

«Отныне мне выюга – подруга...»

Возможно ли это?

Играю с Судьбой. На кону – моя жизнь.
Заходится Зритель неистовым смехом,
И только один из них шепчет:
– Держись!
– Держись! – повторяет тревожное эхо.

Неравные силы, я знаю, у нас,
И жизнь оборвётся в конце поединка,
Но, словно из бездны, доносится глас:
– Не гнись пред Судьбой, как под ветром былинка!

...И снова рулетку заводит крупье,
Но те, кто смеялся, застыли тревожно:
Судьба белый флаг подняла на копье.
Возможно ли это? Как видно, возможно.

Жизнь – шапито

...Всё это низкая природа;
Изящного не много тут...

А.С. Пушкин

Не отрицай, дружище, то,
Что наша жизнь – как шапито.

И так же клоуны смеются,
Выдавливая громкий смех,

И хочется всем улыбнуться,
Хотя тебе не до потех.

И так же, так же кто-то дерзкий
Летит под куполом в броске...
В толпе вдруг вскрикнет кто-то резко,
Закрыв глаза в глухой тоске...

О, наша жизнь! Она похожа
Так явно на безумства сцен.
Порой, не лица видишь – рожи
С наклейкой высочайших цен...
А где, пожалуйста, скажите,
Вся красота и чувств, и дел?!
Людей, – мне говорят, – любите –
Вот христианский наш удел.

А как людей любить – то можно,
Что в вакханалии живут?
...Люблю, но как-то осторожно,
В надежде, что меня поймут.

Игрок

Что день грядущий мне готовит?..

А.С. Пушкин

А карта – оказалась бита...
Я, на неё поставив жизнь,
Играла искренно, открыто
С Судьбой, где властвовал трагизм.

О, как меня предупреждали
Те, у кого рассудок строг!
– Жизнь – не игра! – они вещали,
– Остановись, шальной игрок!

Но, веря в дерзкую удачу,
Я не боялась проиграть.
А вышло? Вышло всё иначе:
Судьба своё решила взять.

Я проиграла!.. Что ж, не плачу!
Мне жизнь – копейка! А, коль так,
Берите выигрыш-удачу.
Вот, только как возьмёте?.. Как?

Волк-одиночка

Отныне, я волк-одиночка,
Отныне, мне стая чужда.
Свободой, которую очень
Люблю, упиваюсь до дна.

Один я по лесу, по полю,
Один средь зимы и весны.
На волю от стаи, на волю,
Законы мне их – не нужны.

Пускай пожирают друг друга
В погоне за власть у руля!
Отныне мне вьюга – подруга,
Отныне свобода – семья!

...И только под старость, однажды,
Сквозь хмурый кровавый закат,
Усталое сердце подскажет,
Что жизнь мне поставила... мат.

***

Ты спрашиваешь о моей силе?
Неужели, не понял,
Что я без мечты бессильна,
Что мне без надежды – больно?!

...Сомкнутся сильнее губы,
В глазах будет жить тревога,
Но знаю: незримые трубы
Поманят меня в дорогу.

Забуду я этот вечер
боль свою глубже спрячу.
Не надо последней встречи!
Прости ...я почти не плачу.

ПРОЗА

Александр ГНИНЕНКО

«Белой акации гроздь душистые...»

*Идёт ветер к югу, и переходит к северу,
кружится, кружится на ходу своём,
и возвращается ветер на круги свои.*

**Ветхий Завет
(Книга Екклесиаста, глава 1, стих 6).**

Александр Васильевич Гниненко (творческие имена Александр Брютт, Александр Ганин) – состоит в Московской городской организации Союза писателей России с 2005 г. Автор поэтических сборников, рассказов, текстов песен и музыки, исполнитель авторских песен (компакт-диск «Песни для друзей»). Состоит в Российском Авторском Обществе. Кандидат экономических наук, доцент кафедры иностранных языков. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского государственного педагогического института (Тамбовский государственный университет им. Г. Державина), экономический факультет Московского авиационного института им. Серго Орджоникидзе. Имеет общественные награды.

Живёт в Москве.

В течение многих лет Альберт Петрович ежегодно приезжал на свою малую родину в провинциальный город, где он прожил до тридцати лет, и обычно перезванивался или встречался со своими оставшимися в живых знакомыми...

Только с одним из своих знакомых, который был для него больше, чем знакомый, то есть почти другом, он потерял связь, но, увы, по инициативе своего приятеля, который носил редкое имя – Лука. С Лукой он познакомился, когда начинал свою трудовую жизнь на «почтовом ящике», то есть на предприятии, работающем на оборону страны.

Он не встречался с ним со времени начала горбачёвской «перестройки» и демократических движений начала девяностых годов, то есть периода бархатной реставрации капитализма под лозунгами «социализм с человеческим лицом», «больше социализма», а в перспективе и возможного восстановления монархии со всеми вытекающими последствиями создания сословного общества.

В советский период Лука всегда приглашал Альберта к себе домой. В совсем маленький, крепко вросший в землю одноэтажный частный домик размером шесть на пять метров с перегородженными клетушками-комнатками, в которых каким-то образом кроме него размещались его мать и даже две тётки, сёстры матери. Был ещё небольшой садик с деревцами белой акации, яблонями, крыжовником и туалетом на заднем дворе. Перед домиком была небольшая лужайка, летом пораставшая сочной зелёной травой и немного напоминавшая «Московский дворик» Поленова.

Сидя с Альбертом на лужайке за столом, на котором высились и ждали своей известной участи одна-две бутылки портвейна, Лука любил рассказывать о своих родных, о своей родословной, о своих дедах и прадедах, бабушках и прабабушках, которые были в почёте и уважении при царской власти, до прихода сначала Февральской, а затем и Октябрьской революций. Одни его родственники были священниками, другие были дворянами и, по всей видимости, в царской России они были достаточно материально обеспеченными и образованными. Альберт с искренним интересом и без всякой идеологической предвзятости, хотя он состоял в комсомоле, слушал его рассказы, рассматривал старинные фотографии (дагерротипы) его родственников по мужской и женской линии. Очень красивые мундиры, кавалергарды, гусары, роскошные женские платья, приятные лица... Альберт воспринимал рассказы Луки и эти фотографии как естественные и нормальные факты из истории царской России, Российской Империи. России, которая, когда они разговаривали, уже семьдесят лет была Советским Союзом. Одновременно Альберт размышлял о превратностях судьбы, сравнивая в мыслях, мягко говоря, очень скромные, даже для среднего советского человека нынешние условия жизни Луки и почти нищенский вид его матери и тётки, ютившихся вместе с ним на этих тридцати квадратных метрах. Видимо, было что-то трагическое в их прошлой жизни или жизни их родных, что заставило эту семью буквально забиться от страха, безысходности или неприятия, а может быть, и тайной лютой ненависти ко всему советскому, в эту маленькую пещерку.

Альберт и Лука были хорошими приятелями. На момент их знакомства они оба уже были разведены и вели относительно холостяцкий образ жизни. Альберт по приглашению Луки нередко приходил к нему в гости по пятницам после работы. Они вместе покупали бутылки три или четыре портвейна, приглашали девчонок из местных пединститута («педа») или института культуры («кулька»). Альберт снимал комсомольский значок с лацкана пиджака, бережно прятал его в левый карман, и они весёлой компанией пили портвейн и слушали катушечный или кассетный магнитофон с записями музыки западных рок и поп групп или старые русские романсы в исполнении русских эмигрантов и российских дореволюционных исполнителей. В основном Петра Лещенко, иногда Вертинского. Случалось, они и сами неумело и полушутливо пели романсы под гитару: «Утро туманное, утро седое», «Отвори потихоньку калитку», «Белой акации гроздь душистые». Лука не обладал голосом, но с особым удовольствием напевал именно романс о белой акации со словами, изменёнными уже советскими авторами, но они об этом не догадывались:

*Целую ночь соловей нам насвистывал,
Город молчал, и молчали дома,
Белой акации гроздь душистые
Ночь напролёт нас сводили с ума...*

Несмотря на скудное питание и неуклюжую одежду, а может быть, и благодаря нещадной экономии на них, у Луки была отличная музыкальная аппаратура, и он к тому же обладал превосходным музыкальным вкусом.

С точки зрения восприятия действительности, критического мышления между Альбертом и Лукой было много общего. Но, конечно, кроме социального происхождения, неизбежно определившего в дальнейшем их расхождения во взглядах. Если Альберт верил в постепенное совершенствование советского общества, его гуманизацию и интеллектуализацию, то Лука, как

потом оказалось, был за его слом. Альберт был сыном отца и матери с рабоче-крестьянскими корнями и относился к советской власти как к справедливой власти, которая отражает его интересы и интересы народа...

Через два года Альберт, оставив комсомольскую работу, уехал в другой город. Лука приезжал к Альберту один или два раза в гости, а Альберт каждый год заходил к нему в его домик, когда приезжал в город своей юности и молодости.

Разрыв в их отношениях произошёл в середине девяностых годов. По инициативе Луки. Альберт не порвал свой комсомольский билет, оставленный ему «на вечное хранение за активную работу в комсомоле», не порвал и не сжёг свой партбилет, как это сделали некоторые высокопоставленные коммунисты – номенклатурные работники. Альберт не считал себя преступником, как хотели представить всех коммунистов вынырнувшие из небытия, как чёртики из табакерки, как правило, гадкие на лицо крикливые «демократы» и «либералы», которые сами ещё вчера носили в кармане партбилеты и с пеной у рта выступали за социализм и коммунизм. Но, почувя «ветер перемен», суливший им большие материальные выгоды, они политически и идеологически «переобулись в прыжке и на ходу» из коммунистических в капиталистические ботинки. А в том, что социальный строй под названием «коммунизм» и социальная справедливость, социальное равенство есть светлое будущее всего человечества, Альберт никогда не сомневался и не видел в этом ничего плохого...

Но Лука принял другую, либеральную сторону, отрицая всё положительное, доброе и хорошее, что дала и предлагала ему советская власть: образование в Ленинградском университете, престижную интеллектуальную работу в конструкторском бюро, неплохую заработную плату. Ему хотелось чего-то большего. Чего-то такого, что он сам и не понимал. Может быть, просто хотел отомстить за своих, очевидно, пострадавших при советском строе родных и за себя.

Конечно, Лука пытался встроиться в другую, внешнюю жизнь, отличную от его жизни в маленьком домике, то есть в этой своей скорлупке, в маленьком судёнышке среди вечно бушующего урагана истории России, спрятаться от судьбы, забившись, спрятавшись от внешнего для него, в общем, враждебного бытия, подобно улитке в ракушке. Но у него не получалось. Не получалось...

Жил Лука очень экономно. Ел копейные по советским временам консервированные бобы в томатном соусе из стеклянных литровых банок. Покупал самую недорогую, но из натуральных тканей одежду. А из ненатуральных тогда практически ничего и не было. Но зато приобретал на сэкономленные деньги дорогую импортную фотоаппаратуру и делал очень хорошие фотографии. Лука называл себя «художник-фотограф». И его фотографии по настоящему нравились Альберту и другим его знакомым. Особенно у него хорошо получались фотографии в чёрно-белом, коричневатом цвете.

Лука пытался вырваться из этого своего круга в виде маленького домишки и неизбежного одиночества. Женился во второй раз по настоянию его новой подруги. Он переехал из своего частного домика в городскую квартиру, но продержался там не долго. У его новой жены-подруги были другие планы. Он ей нужен был для её «социального статуса» замужней женщины. Как вскоре выяснилось, Лука совершенно её не интересовал как мужчина. «По настоящему», по-женски её «интересовал» сосед по лестничной площадке – не очень хорошо мытый, с волосатыми руками и телом, то ли таксист, то ли

дальнобойщик. Балагур, весельчак, набитый народными пошлыми прибаутками и анекдотами на все случаи жизни, от которых они вместе заливались грубым смехом или хихиканьем.

Лука с известной долей самоиронии позже рассказал Альберту, что его неприятности, физический и психологический дискомфорт начались вскоре после переезда в квартиру новой жены. Его жене и тётце не нравились запахи от Луки. Они рекомендовали ему пользоваться туалетной водой и освежителями воздуха... Наслушавшись таких рекомендаций и стараясь вписаться в этот, чужой ему женский мирок, Лука со всем согласился. Увы, по мнению его новой жены и тётки даже исключительные меры не помогали...

Но последней каплей в чаше неприятностей Луки было то, что он стал замечать частые встречи своей новой жены и волосатого соседа по лестничной клетке. По вечерам они общались на лестничной площадке – ворковали, шутили, курили сигаретки, о чём-то похихикивали, секретничали на ушко, видимо, как и прежде, до переезда Луки. Лука наивно по-интеллигентски пытался включаться в их разговоры, но по выражению их лиц и подчёркнутым хамским игнорированиям его попыток, он понял, что он лишний в квартире его этой нынешней жены и третий лишний между женой и её соседом.

В один из таких вечеров Лука, ничего не говоря, собрал скромные пожитки и вернулся в свой домик. Вернулся Лука в свой домик на костылях, так как незадолго перед этим событием он попал в аварию на мотоцикле и серьёзно повредил колено левой ноги. Его сбил дурак-водитель грузовика, выезжавший на главную дорогу с дороги второстепенной. Удар был такой силы, что Лука потерял сознание и в результате амнезии не смог вспомнить момент и обстоятельства аварии, чем и воспользовались виновник аварии и его знакомые гаишники при составлении протокола. Этот водитель потом приходил к нему в больничную палату и просил его подписать сфальсифицированный протокол, чтобы его, то есть этого дебила-водителя, не посадили в тюрьму. В результате травмы Лука ходил с палочкой до конца дней своей жизни... Вернулся Лука в свой домик на круги своя. Вернулся. Судьба...

Как-то в один из приездов на малую родину, в конце девяностых годов, Альберт пошёл к нему в гости, подошёл к его домику, постучал в дверь. Лука открыл дверь, но говорил с ним на пороге. Не пригласил его в дом, глядел на Альберта откровенно неприязненным и холодным, с некоторой долей показной брезгливости и высокомерия, взглядом. «Какие метаморфозы! Наверное, в нём внезапно прорезался потомственный дворянин или поп, а ведь казался своим парнем, ходил на демонстрации, вместе пили портвейн», – подумалось Альберту.

Обменявшись несколькими ничего не значившими и в то же время, значившими многое, фразами, Альберт ушёл. Он решил, что причина и природа психологической и идеологической трансформации или деформации приятеля основана на проснувшейся дворянской спеси, граничившей с банальной глупостью.

Они расстались холодно на многие годы, как потом оказалось, навсегда. Альберт больше к нему не заходил, хотя всякий раз, по приезду, спрашивал о нём у общих знакомых. Те говорили ему о том, что он вступил в общество «Мемориал», участвовал в каких-то митингах, но так же как и прежде, вёл уединённый образ жизни. Его уединение усугубилось кончиной его тёток, а затем и матери. На ком-то он снова женился, потом развёлся, потом устроился на другую работу, переквалифицировался на программиста. Потом

сожительствовал с медсестрой из находившейся неподалёку городской больницы. Эта медсестра поддерживала его жизненные силы все оставшиеся ему годы. А та городская больница после демонтажа советской власти обрела обновлённое, обусловленное другим социальным строем, название. По совершенно неожиданному совпадению больнице было дано имя православного архиепископа и врачевателя Луки...

Спустя много лет в один из летних приездов Альберт всё же решил повидаться со своим приятелем ещё раз и, может быть, возобновить хорошие отношения с ним, несмотря на возможное повторение обстоятельств их давнего расставания. Он вошёл в общий дворик, где наряду с домиком Луки было ещё два домика соседей, прошёл через маленький лужок, подошёл к двери домика своего бывшего приятеля, нажал кнопку электрического звонка. Никто не открывал. За дверью – тишина. У Альберта возникло неприятное предчувствие. Неожиданно чей-то голос сзади окликнул Альберта. Сосед поинтересовался причиной его визита и тем, кого он ищет. Альберт назвал фамилию и имя своего приятеля, сказал, что хотел бы повидать его, и спросил, когда Луку можно застать дома. Без лишних слов и объяснений сосед сообщил, что Лука умер два месяца назад. Второй инфаркт. Умер в момент, когда его, Луку, выносили на носилках из его маленького дома. Лука привстал с носилок скорой помощи, хотел посмотреть на свой домишко, как будто в последний раз, не удержал равновесия и упал вниз, беспомощно уткнувшись лицом в зелёную густую траву у порога своего родного домика-конурки, в котором прожили и его мать, и его тётки в общей сложности, вероятно, более ста лет... Этот его домик и дворик с яблоневым садом, кустами белой акации и крыжовником; домик, к которому уже вплотную подбирались строительные компании, стоял одиноким островком в городской застройке и ждал своей неминуемой участи быть снесёнными и застроенными современными жилыми домами. А может быть, Лука и запрограммировал себя на уход из жизни, как потом подумал Альберт, чтобы не видеть, как сносят, превращают в хлам то место, где он и его родные прожили всю жизнь, где они вспоминали свои лучшие и далёкие блистательные годы... В этот домик, на этот порог, Луку привезли шестьдесят девять лет назад из родильного дома и из этого же домишки его увезли в морг городской клинической больницы имени другого Луки – святителя, в миру Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого, доктора медицинских наук и лауреата Сталинской премии первой степени 1946 года.

Альберт с разрешения соседа и вместе с ним вошёл в опустевший и осиротевший домик, открыв незапертую покосившуюся дверь с прибитым посередине очень старым, облезшим и теперь бесполезным почтовым ящиком, на котором остались маленькие островки синей краски. В тесной комнате на полу и на столе в беспорядке лежали фотографии, фотографии, фотографии, которые делал Лука. Кто-то что-то уже искал до него в этом опустевшем домике, оставленном без присмотра... Не присаживаясь, Альберт стал перебирать фотографии и внимательно их рассматривать. Среди них были изображения красивых осенних, зимних и летних пейзажей, знакомых Луки, его дочери от первого брака. Некоторых персонажей, запечатлённых на этих фото, Альберт знал, другие были ему незнакомы. Вот попала на глаза фотография рыжей, веснушчатой белотелой молодой женщины, сидящей на скамейке в осеннем парке. Альберт её вспомнил. По мнению Альберта, она ничего собой особенного не представляла, но для Луки она была, пусть кратковременной, но почти роковой любовью. Альберт мог только догадываться, чем она

его приворожила. Через два-три месяца, не выдержав его интеллигентности и нищеты, она от него и из его домишки сбежала в какой-то пригородный посёлок или деревню. Лука через общих знакомых узнал адрес беглянки, приехал к ней за объяснением, но нашёл её уже с другим, наверное, очередным, счастливым соперником. На все его уговоры типа «вернись, я всё прощу» он получил холодный, исчерпывающий и крайне отрицательный ответ с набором нецензурной брани и от неё, и от её нового избранника. Хорошо, что всё обошлось без мордобоя в деревенском духе. Альберт отложил это фото в сторону и стал перебирать другие. Вдруг он нашёл среди них фотографии, на которых он, Альберт, стоял вместе с Лукой и с общими знакомыми. Этим фото было лет сорок. Они оба молодые, улыбающиеся, верящие в свою хорошую судьбу, без морщин и усталых, потухших и погрузневших глаз. Оптимисты, играющие роли в пьесе с неизвестным продолжением и окончанием. А для Луки уже и с известным, непоправимым и очевидным итогом... Альберт попросил у своего сопровождающего разрешения взять себе на память те фотографии, на которых были Альберт и Лука. Сосед сказал, что можно брать хоть все, объяснив это тем, что «дверь домика не заперта, соседи за всем не могут уследить, сторожить его домик особенно некому и эти фотографии могут бесследно пропасть, если домик кто-то купит или не купит, или если не найдутся наследники, и судьба этих фотографий, скорее всего, закончится в мусорном ящике и затем на городской свалке...»

Альберт отобрал с десятков фотографий и бережно сложил их в предложенный соседом потёртый полиэтиленовый пакет. Они вышли из домика Луки.

Альберт спросил соседа своего покойного приятеля о том, на каком кладбище его похоронили, но тот не знал. Под накрапывающим дождиком Альберт вышел со двора и направился в ближайшее кафе, чтобы помянуть рюмкой-другой раба божьего Луку. После кафе Альберт Петрович шёл, слегка покачиваясь под летним редким дождиком, вспоминая отдельные строчки из романа «Белой акации гроздь душистые» и плотно прижав к груди полиэтиленовый пакет с фотографиями его молодости. Некоторые прохожие замечали этого немного промокшего под дождём одинокого седоватого пожилого человека и смотрели на него кто с улыбкой, кто снисходительно, кто иронично, а кто и брезгливо. А он продолжал свой только ему известный путь.

P.S.

Когда Альберт Петрович рассказал о кончине Луки своему и его знакомому, то тот не сразу вспомнил и понял, о ком шла речь, и лишь после наводящих пояснений вдруг воскликнул: «Ах, да неужели это тот самый Лука, с которым мы вместе до позднего вечера сидели за столом в одной хорошей компании и это он, который пошёл на двор в туалет и там провалился одной ногой в соответствующее отверстие в полу! Да, конечно, помню, такой с бородкой, интеллигент, ещё крепких напитков не любил, предпочитал портвейн, мускат или мадеру! Фотограф-художник! Помню, помню, он вернулся, рассказал нам о своём происшествии, все сочувственно и немного посмеялись, дали ему и воду, и мыло, и какую-то тряпку, чтобы отмыться...».

Альберт и сам иногда вспоминает Луку, когда садится в своё старенькое кресло и кладёт себе под поясницу для разгрузки позвоночника твёрдую подушечку, устраиваясь поудобней для того, чтобы немного подремать у

неработающего телевизора... Подкладывает твёрдую подушечку под спину научил его теперь уже незабвенный Лука. А Альберт Петрович живёт как может и старается не думать о том, какие воспоминания могут остаться о нём. Он незаметно засыпает, и снится ему сон, что сидят они молодые в той же весёлой компании в том же дворике с ещё не снесенными строительными бульдозерами акациями, яблонями, крыжовником и полусерьёзно и полусутоливо напевают под гитару тот самый романс...

*Целую ночь соловей нам насвистывал,
Город молчал, и молчали дома,
Белой акации гроздь душистые
Ночь напролёт нас сводили с ума.
Белой акации гроздь душистые
Ночь напролёт нас сводили с ума.
Сад весь умыт был весенними ливнями,
В тёмных оврагах стояла вода,
Боже, какими мы были наивными,
Как же мы молоды были тогда.
Годы промчатся, седыми нас делая,
Листья срывая с акаций пустых,
Только зима да метелица белая,
Может быть, снова напомним о них.
В час, когда ветер бушует неистовый,
В час, когда в окнах не видно ни зги,
Белой акации гроздь душистые,
Ты мне хоть вспомнить на миг помоги.
Белой акации гроздь душистые,
Ты мне хоть вспомнить на миг помоги.*

75 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Сергей ГАЗИН

Сергей Юрьевич Газин – родился в 1953 г. в городе Казани в семье офицера, фронтовика ВОВ. Вырос под Киевом в городе Белая Церковь. В 1974 году в городе Опочка Псковской области окончил Опочечкое Зенитно-Ракетное училище ПВО. В 1987 году окончил Военную Инженерную Радиотехническую Академию ПВО им. Маршала Советского Союза Говорова Л.А. Служил в войсках ПВО под Тернополем в г. Борщёве, в Днепрпетровске, Харькове и Москве. Полковник. Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Член Союза писателей России. Автор десяти книг стихотворений. Лауреат московских областных литературных премий им. Ярослава Смелякова и Евгения Зубова, премии МОО СП России «Золотое перо Московии» и др. Кавалер Золотой Есенинской медали. Член-корреспондент Академии Российской словесности.

Живёт в Москве.

«Тот славный подвиг не померк...»

ДОТ №131

(Первая линия обороны
Киевского укрепрайона,
июль 1941 г.)

*Светлой памяти героя
Василия Якунина,
19-летнего лейтенанта*

Тот славный подвиг не померк,
Пылает красная звезда!
Их было десять человек,
Что встали намертво тогда.

И с ними юный лейтенант
Стоял на главном рубеже –
Он не искал себе наград,
И не сдавался в мандраже.

Четыре дня держался ДОТ,
Стоял за Родину не зря –
Строчил горячий пулемёт,
Колонны фрицев тормозя.

Враги бы вовсе не прошли,
Ведь даже мёртвый русский – жив...
Их огнёмётами пожгли,
Броню взрывчатками пробив.

Стремилась в Киев немчура,
Но встал Якунин поперёк...
И даже в пламени горя,
Он до конца исполнил долг.

Сорвался Гитлера блицкриг, –
Там каждый час был дорог нам...
Их подвиг – к Богу вечный крик,
А вот врагам – позор и срам.

Штурмовик Ил-2

*Светлой памяти моего отца
Газина Юрия Андреевича,
фронтовика ВОВ*

По вершушкам – то сосен, то елей,
Из-под солнца, где больно смотреть,
На фашистов, – чтоб в страхе дурели,
Налетает их «чёрная смерть».

Боевая штурмовка на «илах» –
Мясорубка, ужасней, чем ад...
Артиллерия немцев не в силах
Поразить наш летучий отряд.

Под огнём обозлённых зениток,
Хладнокровно, идя прямо в лоб,
Как орлы – «илы» с первых попыток,
Бьют врагов, загоняя всех в гроб.

В решето – фюзеляжи и крылья,
И живого там места уж нет...
Но уходит, – цела, эскадрилья,
Унося радость новых побед!

Штурмовик – самолёт экстра-класса:
За бронёй – экипаж и мотор,
Пулемёты и пушки, фугасы;
А несётся он – как метеор!

Реактивные лупят снаряды
С направляющих из-под крыла –
Всё у фрицев горит: вот вам, гады!
Точно в цель попадает стрела!

По скоплению вражеских танков
Бомбы сыплются щедрой рукой:
– Вы хотели от русских подарков?
Получите разгром под Москвой!

Танк Т-34

*«Броня крепка и танки наши быстры,
И наши люди мужеством полны».*
(Из песни)

Как песнь, рокошет двигатель надёжный,
Грохочет пушка, ярости полна –
И враг бежит, – спасенье невозможно!.. –
Летит возмездья страшная волна.

Наш танк – удача! – вовремя был создан.
Спасибо всем, кто танки создавал!
Огнём сердец – в безвременье тревожном –
В рейхстаг дорогу грудью пробивал.

Легко идёт в мороз, и в бездорожье,
И не страшны снаряды для брони –
Вперёд летит машина наша грозно, –
Взлетают ввысь победные огни!

Прошла война – и танк на постаменте –
Геройский символ мужества солдат, –
Он жив доньше: мчится в киноленте,
И гордо едет – с миром на парад!

Танк КВ

(«Клим Ворошилов»)

Могуч бронёй «Клим Ворошилов»!
Ему огнём не прекословь!..
Стальной гигант бьёт вражью силу –
И мстит за пролитую кровь.

Он стал «чудовищем» для фрицев,
Настолько был неуязвим, –
С полком мог в одиночку биться,
Незыблем и несокрушим.

Фашисты были просто в шоке –
Такая мощь в КВ была!..
Такие немцам ставил блоки,
Что не хватало фрицам зла.

Он и сейчас на вечной страже,
На постаменте, как в бою –
Наперекор всем силам вражьи
Стоит за Родину свою!

Рассказы

Выкуп

*Торопись жить,
пока ещё к жизни годен.
Время не умеет ходить –
это мы проходим.*

Василий Попов

У подъезда многоэтажного дома стоял мужчина средних лет и, запрокинув ногу на скамью, тяжело дышал. Влажная от пота рубашка, застёгнутая на нижнюю пуговицу, прилипла к телу. Из-под кепки торчали сырые волосы. Мужчину звали Вадим Буряков. Проживал он в этом доме на четвёртом этаже. Неделю тому назад схоронил отца и теперь избавлялся, как ему казалось, от ненужного хлама.

Дряхлый разобраный шкаф, старый ковёр, пальто, поеденное молью, лампу, радиоприёмник и маленький письменный стол, за которым давно никто не сидел, уже снёс к мусорным контейнерам. Теперь пытался избавиться от книг, которых в комнате покойного отца было неимоверное количество. Папаша любил провести свободное время за книгой. И часто твердил, что без чтения жизнь его потеряет всякий интерес. После ухода старика книги в глазах сына так и не приобрели ценности и смысла. Вынося последнюю связку, Вадим бросил книги у скамьи и, смахнув пот, закурил. Оставалось всю эту макулатуру снести к мусорным бачкам. И баста!

– Вот же, зараза, – процедил он. – Накопил за семьдесят лет барахла. Старый дурень... Теперь мучайся.

Пнув ботинком книги, Буряков присел на скамью. Пока собирался с мыслями, как бы всю эту гору книг поскорее убрать с глаз долой и не надорваться, подошёл сосед, Аркадий Носик. Небольшого роста, сморщенный, худой, для своих пожилых лет весьма подвижный и лёгкий на ногу.

Антон Евгеньевич Лукин – родился 2 декабря 1985 г. в селе Дивеево Нижегородской области. С 2005 по 2007 гг. проходил воинскую службу в городе Курске. Автор 8 книг прозы. Печатался в периодических изданиях: «Наши современники», «Молодая гвардия», «Север», «Дальний восток», «Южная звезда», «Огни Кузбасса», «Огни над Бией», «Литературная учёба», «Алтай», «Литературная газета», «День литературы», «Московский литератор» и др. В 2012 г. за рассказ «Жених из райцентра» стал лауреатом премии им. Андрея Платонова «Умное сердце», в 2013 г. за книгу «Самый сильный в школе» – дипломантом Всероссийской премии «Золотой Дельвиг». Гранпризёр литературного конкурса «Хрустальный родник», который проходил в 2014 г. в Орле. ЛонгЛистер премии «Ясная поляна» 2014 г. С января 2015 г. Член Союза писателей России. Живёт в Дивеево.

– Ну!.. Чего тебе здесь? Мёдом намазано? – пробубнил Буряков. – Ступай, куда шёл. Не елозь перед глазами. И так тошно.

Сосед в недоумении почесал затылок.

– Неужели избавиться решил?

– А если и так. Тебе до этого какое дело? Захочу и вовсе сожгу. Имею право.

Аркадий перевёл недоумевающий взгляд на книги. Перед ним лежали полное собрание сочинений Пушкина, Гоголя, Есенина, Достоевского, Тургенева, Куприна, Горького, Чехова... Виднелись на обложках книг имена Абрамова, Белова, Распутина, Шуртакова, Тимонина, Рыжакова... Неужели всё это может уйти на свалку? От обиды Носик прикрыл глаза и тихо произнёс:

– Такое богатство дураку досталось, а он его, грешный, с грязью смешать желает. Это же... Это... Такому и родину продать – раз плюнуть.

– Но-но-но, старый! – опешил Буряков. – Я ведь не посмотрю, что седой и кашляешь. Враз угомоню... Пшёл отседова.

Аркадий Носик провёл ладонью по сухим губам и, ещё раз посмотрев на книги, сказал:

– Значит, так. Мы поступим иным образом. Если книги не нужны – я их забираю... Не соизволите помочь отнести их в мою квартиру? – Но, заприметив недобрый взгляд собеседника, осёкся. – Хотя... Не извольте беспокоиться. Я и сам со всем справлюсь. Спасибо.

Склонившись, Носик принялся разбирать книги. Буряков следил за каждым его движением и, прищуриль глаза, молчал. Неприязнь к этому маленькому человеку вспыхнула в душе с особой силой и не давала покоя. Ощущение, будто в ясную погоду вывели прогуляться в сапогах и с зонтом на потеху людям. И хотя книги ему были не нужны, слова о том, что он такой-сякой мерзавец и родину продаст, не моргнув глазом, обидели сильно. Да и с самим Носиком судьба не раз сталкивала лбами. Когда Буряков напивался и шумел то в подъезде, то во дворе, добродушный сосед не брезговал вызывать для поддержания тишины наряд полиции.

– Руки! – крикнул Буряков. Такого поворота Носик не ожидал и потому с испугу попятился назад. – Так вот ты, оказывается, какой! Стоит зазеваться, как ты уже чужое добро присвоить готов. Лихо! Ничего не скажешь... С тобой, папаша, держать ухо остро нужно.

– Да, чтобы я!.. Чужое?.. Да, никогда в жизни, – опешил Носик.

– Знаем-знаем. Все мы чистенькие и пушистые, пока за хвост не поймают, – рассмеялся Буряков. Растерянный вид соседа его сейчас особо радовал. – Так и живём. Да?

Аркадий Носик захлопал глазами. После продолжительного молчания (признаться, слова Вадима и впрямь ошарашили) спросил:

– Разве тебе они нужны?

– Не твоё дело. Порву каждую книженцию на твоих глазах на сто маленьких кусочков, и ничего ты мне не скажешь. Мое право. Можешь полицию на меня вызвать, скорую или пожарных... Это ты умеешь. Знаю. Проходили, – Буряков ухмыльнулся. – Лучше ими печь на даче топить буду, чем такая пигалица, как ты, заполучит моё добро... Ступай, куда шёл. Ничего тебе здесь не светит.

Аркадий знал по какой причине Вадим пытается отомстить ему. Не раз случалось делать замечание, когда тот во дворе бранился матом при детях, мусорил и пакостил в подъезде. А на пьяные его дебоши приходилось звонить в полицию. Телом он крепкий, душа горячая, кулак тяжёлый. Разве с таким справишься или что объяснишь? Когда в пьяном безумстве человек творит

неведомое, лучше всего отвести от греха и людей, и его самого... Нет. Книги он ему не отдаст. И впрямь сожжёт. Так всё и будет. Не дрогнет рука посягнуть на святое, на чистое, светлое, на... Аркадий прикрыл глаза. Нет. У этого не дрогнет.

– Тогда продай, – попросил Носик.

Буряков расплылся в улыбке. Этого он никак не ожидал.

– Вот это другое дело, – потёр он руки. – А то халявы захотел!.. Халява она ведь, милый мой, и укусить, и лягнуть может. А так, заплатил и спи спокойно. Правильно?.. И тебе хорошо, и мне не обидно.

– Сколько попросишь?

Вадим хлопнул себя по бедрам и радостный, оттого что держит надоедливую соседа в кулаке, поднялся на ноги.

– Грабить не стану. Так и быть. Миллиона у тебя всё равно нет. Хм, отдам почти даром. Полсотни за книгу. Но чур забираешь все. Годится?

– Договорились, – согласился Аркадий.

– Вот и славно, – и Буряков, запрокинув голову, крикнул. – Зинка!.. Ау! Чтoб тебя, Зинка!

В окне дома показалась женщина годов тридцати.

– Ну, чего разорался? Весь дом на уши поднял. Пожарю тебе котлеты. Угомонись только.

– Это всё потом, детка! Потом. И водочки мне нальёшь, и котлет нажаришь. А сейчас неси калькулятор.

– Чего нести?

– Калькулятор! – крикнул Вадим.

Женщина, пожав плечами, закрыла окно.

– Сейчас всё подсчитаем, прикинем, взвесим... и будет тип-топ. Спешить в этом деле, сам понимаешь, только кур смешить.

Женщина в халате и домашних тапочках, подошла к Вадиму и подала калькулятор. На вопрос, зачем он ему понадобился, Буряков только махнул рукой. Не мешай, мол, потом объясню. Зинаида молча ушла.

– Погляди какая, а! – расплылся в улыбке Вадим, поглядывая на удаляющуюся женскую фигуру. – Кровь с молоком. Всё при себе. Стоит лишь бровь поднять, и она уже знает, что тебе нужно. Во какая! Не баба, а золото... На рынке познакомились. Теперь живём вместе. Женюсь, наверное.

Пока Вадим считал книги, Носик припомнил, что девиц за последнее время сосед сменил немало. Были и дерзкие, и молчаливые, худые и полные. Всякие были. Правда, рядом с ними соседка вёл себя как-то более-менее скромно. Не буйствовал. Видать, прекрасный пол умел угодить озорной душе Вадима, что даже пьяным он не пытался скандалить. Хулиганил, лишь когда оставался один. По какой причине не ладилась его личная жизнь, Аркадию известно не было.

– И-та-ак! Что мы имеем? – воскликнул Буряков. – Триста двадцать четыре книги. Умножаем на пятьдесят, так? Так. Получается? – Вадим даже присвистнул. – Шестнадцать двести.

– Сколько? – поднял брови Аркадий. – Н-да... Немалая сумма.

– Ну, а ты как хотел? Нынче всё дорого. Так и быть. Двести рублей скину по-соседски. Но ни копейкой больше. Смотри сам, коль потянешь ношу, то по рукам. Ежели обхитрить вздумает... Не советую со мной шутить!

– Деньги будут, – заверил Носик.

– Вот и славно.

Аркадий поспешил к себе в квартиру. Нет, таких денег у него не было. Да и откуда они могли взяться с его маленькой пенсией. На те гроши, что получал от государства за свой трудовой вклад в развитие страны в рабочие годы, можно было лишь скромно существовать. Не более. И всё же Носик, экономя каждую копейку, умудрялся откладывать самую малость на чёрный день. Но и этих денег было немного. Аркадий достал из серванта завернутый в платок старый кожаный кошелек, развязал зубами узел, вынул деньги и с волнением пересчитал. Семь тысяч. Носик присел на край дивана. Где брать недостающую сумму, он не знал. Даже если пройтись по знакомым и спросить в долг, не хватит. Это не десять и не пятнадцать лет назад, когда все его старые приятели были при работе и могли выручить рублём. Он и сам выручал не раз. Теперь многих уже нет. А те, кто ещё ходит по земле-матушке, как и он, держатся от пенсии к пенсии, ругая правительство и ненавидя старость. Нет, не позволит совесть попросить у них в долг.

Сжимая в кулаке деньги, Аркадий вышел из квартиры. На скамье, охраняющая книги, сидела Зинаида.

– А где Вадим?

Женщина позвала Бурякова. Из окна показался Вадим.

– Тебя спрашивают! – не скрывая недовольства, крикнула она.

– Принёс? – спросил Вадим, уминая котлету. Аркадий показал деньги. – Щас спущусь.

Потирая жирные губы, Буряков вышел из подъезда. Было видно, что уже принял на грудь. Глаза блестели, и улыбка стала острой, нехорошей.

– Ну, чего там у тебя? Показывай.

– Вот, – и Носик протянул деньги. – Больше нету.

– Ты, старый, шутить вздумал? – озлобился сосед. – Я тебе что говорил? Уговор на сколько был?

– Правда, больше нет.

– Уговор, спрашиваю, на сколько был?

– Нету больше. Честное слово. Не воровать же идти...

– А хоть бы и так!

– Будь человеком. Я же отдам. Обещаю.

– Человеком? – Вадим расплылся в улыбке. – Какой же я человек, когда ты давно меня сволочьё окрестил. Али забыл?.. Дал слово, так держи его. Землю рой, но найди. Или в книгах об этом не пишут? – направляясь обратно в дом, Буряков добавил: – По пустякам не тревожь. Не в том настроении сейчас.

Аркадий понуро глядел на закрывшуюся за Вадимом железную дверь. Где брать деньги, он не знал. Ещё раз посмотрел на книги, и в глазах блеснули слёзы. Ведь нельзя же так. Нельзя.

– Чего думаешь? – обратилась к нему Зинаида. – Стоит, глазами водит. Долго мне прикажешь здесь сидеть?

Носик, ничего не ответив, направился к подъезду. Была маленькая надежда занять у соседа этажом выше. Тот работал учителем, и Аркадий иногда захаживал к нему вечером скоротать время. За чашкой чая играли партию-другую в шахматы. Жил он один. Вот ведь тоже... Кто-то пьёт водку, дебоширит и нравится женщинам. Другой детишек учит, скромный, воспитанный и один-одинёшенек, как в поле берёза. Полна жизнь несправедливости. И то правда.

Учитель занял три тысячи. На большее Аркадий не рассчитывал. Был благодарен и этому. Расхаживая по квартире, Носик всеми силами пытался

что-нибудь придумать, но ничего не лезло в голову. Спросить у детей? Нет. Они, конечно, могут дать, но кто знает, а вдруг деньги понадобятся им самим? Нет, впутывать детей не стоит. Поговорить вновь с Вадимом? Больше половины уже собрано. Но, припомнив последние его слова, выкинул из головы и эту идею. Чего доброго, и впрямь дурное совершит. И откуда столько ненависти в людях? Чего не хватает? Крыша над головой имеется, брюхо не голодает, руки-ноги при себе... живи, трудись, радуйся жизни. Не умеем дорожить ценностями, которые имеем, культурой, словом, что оставили нам наши предки. Готовы уничтожить, сжечь до последнего клочка бумаги, как последние варвары, всё, что годами передавалось из поколения в поколение. Гордимся своей необразованностью. Радует деградация...

***

Когда Аркадий вышел во двор, на скамье его поджидал Буряков. Носик вынул из кармана деньги и протянул соседу, тот, облизнув большие пальцы правой ладони, быстро пересчитал купюры. Шестнадцать двести. Ровно.

– Это совсем другое дело, – улынулся он. – Вопросов больше не имею. Забирай товар. – И, пошатываясь, Буряков пошагал в сторону магазина.

Аркадий, присев на скамью, смотрел на книги, которые нужно было перенести в квартиру...

***

Утром на этой самой скамье сидели две женщины.

– Из сорок седьмой, небольшого роста ещё. Носик фамилия. Поняла о ком? – завела беседу одна. – Приходил вчера во второй половине дня. Телевизор предлагал. Сын купил. А чего? Почти новый. Тот на него столько лет копил и отдал в пять раз дешевле... Мой-то совсем баракхлил.

– Да ты что?

– Да-да. Заберите, говорит, деньги срочно нужны. И на что нужны, знаешь? Так вот, слушай дальше. Из тридцать девятой, значит, Филиппыча сын хотел книги выбросить. А этот у него купил их. Все!

– Все?

– До единой. Свои деньги потратил, да назанимал сколько! Чудак-человек.

– Жалко, если умом тронулся.

– Жалко, конечно. Но... Кто от этого застрахован? Годы. Годы...

И обе перевели взгляд на окна квартиры, в которой проживал Аркадий Носик.

Кризис среднего возраста

Тетюрин Василий запил.

Это был крепкого телосложения мужчина. Сорока двух лет. Прямые густые волосы его ложились на лоб, заползали в глаза и оттого создавали впечатление сердитого человека, каким Тетюрин не был. Когда он работал, к широкому и сильному телу его прилипала рубаха, на крепких руках взбухали толстые вены, а волосы ложились, как мокрая тряпка. Был он из

больших тружеников. Работать любил. И, главное, умел. Любое дело в его ладонях ладилось. Любо поглядеть. С утра и до позднего вечера весь в делах. После рабочего трудового дня не спешил как многие на диван к телевизору, а закатывал рукава и шёл во двор. Работы и дома находил непочатый край. Ещё и людям помогал. Обращались к Василию за помощью одинокие бабы или же те, у которых мужья в одночасье спились. Мужская рука везде и всегда необходима. Просили и знали, что Василий не откажет. Так и было. И от одной соседки Тетюрин шагал к другой со своим инструментом. Денег не брал. На предложение присесть за стол и отобедать ссылался, что некогда, и неловко извинялся.

– Ничего, – скромно ронял Василий у порога. – Ещё отблагодарите авансом. Успеете. Земля круглая.

Так и было.

В загул Тетюрин уходил раз в год и в одно и тоже время. В сентябре. Брал отпуск и три недели не просыхая пил. Последнюю неделю отлёживался. Ел одну крошку, не выходил из дома и никому не показывался. А после снова возвращался к работе, и как вол, не разгибая спины, до позднего вечера трудился.

Когда напивался, то не тратил из семейного бюджета ни копейки. Вот тут-то и вспоминалась Васькина доброта и его золотые руки. К сентябрю месяцу бабы запасались самогоном. И все три недели принимали Василия как дорогого гостя. Пятилитровыми банками выдавали Тетюину самогон и закуски на любой вкус. Каждая соседка знала, что Василий три недели будет ходить по бабам и собирать «авансы». И каждая пыталась угостить всем самым лучшим, чтобы не осрамиться в Васькиных глазах. За стол тот никогда не садился. Выпивал с хозяйшечкой стопочку. Благодарил. И приняв угощение, шёл с мужиками куда-нибудь за село. Всё это время, пока Вася пьянствовал, за ним по пятам ходили любители принять на грудь. Знали, что у Васи есть и тот не откажет.

– Маруся, – говорю ей. У меня настал кризис среднего возраста. Это ни одному мужику не избежать, – жаловался Тетюрин на жену. – Неужто я не могу душу свою залечить? Что ты меня терроризируешь так, что мне и домой заночевать идти неохота.

– Правильно, Вася. Правильно, – кивала какая-нибудь одинокая бабёнка. – Как же не выпить? Поди и ты такой же человек. Душа она у всех одна. Ей отдыхать иногда положено.

– Вот и я ей об этом же толкую. А она всё одно – не ходи по домам, не позорь меня. Хуже, говорит, попросайки. А какой же я попросайка? Я авансы собираю. Верно, ведь?

– Верно, Вася. Верно, милый, – кивала головой какая-нибудь вдовушка. – Не слушай ты никого. И Марусю свою не слушай. Ты, извини меня, конечно, – поправляла в суматохе соседка платок. – Но она у тебя какая-то суматошная. Вроде и душой не назовёшь. А всё туда же. Да на такого мужика молиться надо и день и ночь. А она ещё ноздри раздует. Не совестно? Вот, скажи мне, а? Не совестно?

– Кризис у меня. Кризис среднего возраста. Разве я что поделывать могу? – оправдывался Василий. – Я ить и поделывать ничего не могу. Это сильнее меня. Так природой заведено. А против природы не пойдёшь. Кто я такой, чтоб против матушки-природы идти. Вша зелёная.

– Ох, Вася. Был бы ты у меня в мужьях, как принц персидский жил бы. Раз в год это не страшно. Раз в год даже нужно развеяться. Человек ты али не

человек в самом-то деле?.. Какой скотине и той отдых нужен. А тут мужику раньше времени могилу копают. Не ценит она тебя, Вася. Ох, не ценит. Не такую жену тебе надо.

Тетюрин смурил бровь и разговор переходил на другую тему.

Замужние бабы, подавая Василию магарыч с едой, просили и умоляли только об одном.

– Если мой появится, гони ты его, Вася, в шею. Дай по заливку разок, чтоб по пятам не ходил, негодник такой. Он мне ирод эдакий всю жизнь искалечил.

Тетюрин принимал угощенье и покидал избу. И все знали, что Вася не откажет. Не такой он человек, чтоб от кого-то прятаться да ещё и прогонять, когда есть чем себя и других побаловать.

Уйдя за село, расположившись где-нибудь у оврага, Василий с мужиками оценивал самогон.

– Твоя совсем гнать не умеет, Павлуша, – кряхтел кто-то из пьянчуг. – Как ослиная жидкость.

– Чаво? – хрипел Павел, самогон жены которого теперь пробовали.

– Того. Завсегда твоя Лариска жадничает. И тут поскупилась сахарку да дрожжей купить. Как вода.

Павел оправдывался и всеми силами заступался за жену. Мол, продукт хороший, это только вам, алкашам, уже и чистый спирт сиропом покажется.

– Вася, скажи им. Ну, скажи! – ругался Павлуша.

– Пойдёт, – кротко отвечал Тетюрин.

– Мило дело у Леонидовны братъ. Эта ведьма знает, как мужика порадовать. Ещё при царе горохе гнать стала. Пожалуй, пока в землю не ляжет, так и будет брагу ставить, – говорил один. – Эта знает толк в самогонварении.

– Знает, – соглашались с ним остальные и разливали ещё по одной.

Василий выпивал, закусывал и задумчиво глядел на большие кудрявые облака, что медленно заползали друг на друга. Был он не многословен. Не любил попросту трепать языком. У трезвого и слова не вытянешь. Больше работал и молчал. Когда же наступал «кризис среднего возраста», Тетюрин немного оживлялся, и даже, как замечали за ним, любил чуток свалить дурака. Среди ныне появившихся товарищей Васю больше всех радовал Аркаша. Аркаше было тридцать четыре года. Одна нога его была короче другой. При ходьбе сильно хромал. Но это не мешало ему выплясывать на свадьбах и других праздниках. Иной раз такого стрекача задаст, что все дивились. Аркаша играл на баяне и всегда и всюду ходил с ним. Где Аркаша, там и музыка. А где музыка, там, конечно, праздник. Аркашу нередко звали посидеть и всегда угощали. Аркаша был весёлый малый. Было с ним как-то легко. И потому, как только Василий уходил в отпуск, почётное место рядом с ним имел только баянист. И пока шагали к оврагу по селу, то обязательно с музыкой. Аркаша прихрамывая, играл на баяне, а позади несколько голосов наперекося горланили песню. И только Вася, держа одну руку в кармане, а другой лузгая семечки, важно шёл по улице. Как барин. Маруся, жена его, не знала куда в это время глаза деть.

– Ну что ты так мучаешься? – успокаивали её. – Подурит немного, да перестанет.

– Смеются ведь все над ним. Как же не переживать? – сквозь слёзы вздыхала женщина. – Стыдоба-то какая. Стыдоба.

Вот и сейчас испробовав Павлушиной жены самогон, Тетюрин взмахивал рукой – давал команду. Аркаша брал баян, и мелодия лилась по всему оврагу

и уходила в село, где местный люд понимал и догадывался, по какому случаю праздник и кто гуляет. Если Аркаша затягивал грустный мотив, его старались перебить, но Василий показывал кулак, и все успокаивались и внимательно слушали. А Аркаша мог не только играть хорошо, но и петь. Так голоском своим чертёнок всю душу истеребит, что она потом долго не знала, как успокоиться. Вася плакал, слушая Аркашу. Хватался за голову, тряс ею, и изредка подпевал.

*Ой, то не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит,
То моё, моё сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит.
То моё, моё сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит...*

Затем снова выпивали. И наступал привычный галдёж. Кто-нибудь обязательно рассказывал смешные истории из жизни, и Василий, щуря глаза, со всеми смеялся. Любил он послушать местные байки. И хотя сам придумывать и слагать так не умел, но слушал с большой охотой. Среди нынешней компании находились заядлые рыбаки и охотники в прошлом. И потому историю о том, как однажды выловили такую рыбу, что она и в лодку не поместилась, пересказывали не по одному разу. А о том, как кто-то раненого медведя душил самолично вот этими самыми ладонями, когда закончились патроны, веселило Васю особенно. Он тоже пытался что-нибудь рассказать эдакое смешное. Даже придумывать пробовал. Но не выходило.

– Ничего. Трепать языком не каждому дано, – говорили ему. – Зато Бог руками и головой наградил. Это высшая похвала и награда.

И каждый говорил Тетюрину, какой он молодец. Лести в словах не было. Василия действительно все уважали. И признавались, что если бы не алкоголь, то и они могли бы ещё о себе заявить так, что многие бы ахнули. И честно кивали, что нету сил расстаться с этой дрянью. Искренне завидовали Тетюрину, который лишь раз в год позволял себе расслабиться и отдохнуть. Тот слушал и жалел каждого. Ведь перед ним сидели ещё нестарые люди. Которые, если сожмут волю в кулак, в самом деле могли бы поменять жизнь. Повернуть русло реки в обратную сторону. Но, видимо, вино сильнее этого. И потому один честно признавался, почему ушла жена, другой, как ещё его терпят, но уже не ставят и в грош. Живёшь – живи, помрёшь – схороним. А ведь и они когда-то лет десять-пятнадцать тому назад были лучшими комбайнёрами, каменщиками, электриками, сварщиками... Но зелёный змий взял своё.

Аркаша брал баян, и стараясь развеять обстановку, прогнать внезапно навалившуюся грусть, запевал что-нибудь весёлое. И игривая мелодия, как молодая лошадка, била копытами в душу и на лице появлялась улыбка. Хлопали в ладоши, громко свистели и кричали под звук баяна.

Внизу оврага протекала река. Узкой змеей изгибалась она вдоль заросшего кустарником берега. Вдали виднелись избы соседней деревни. Лёгкие струйки дыма тянулись ввысь в каждом дворе. Топились бани. Была суббота. Любопытно было наблюдать за всей этой картиной. Ведь в каждом этом переулке, величиной со спичечный коробок, живёт жизнь. Кто-то сейчас таскает воду, подкидывает дрова, готовит бельё. И все эти люди, с их избами, скотиной и банями могли уместиться сейчас на одной Васиной ладони.

Забавно. И там жизнь, и по этот берег реки и оврага тоже жизнь. Там баня. Здесь праздник... Вот комарик пропищал над ухом. У него тоже своя жизнь. Комариная. Насекомая. Но ведь всё-таки – жизнь.

Тетюрин любовался местными просторами и про себя дивился, как же красив их край. И как раньше всего этого он не замечал. Не приходило в голову то, что соседняя деревушка может поместиться на его ладони. Да разве такое придёт когда на ум? Глупость. А вот нет, пришло же. И это отчего-то Василия радовало, словно он открыл не ведомую никому тайну.

– Жизнь, – тихо вырывалось из его уст.

– Что, прости? – спрашивали его. – Жизнь?.. Да-а, жизнь такая штука. И не предугадаешь, как её прожить. Все мы за школьной скамьёй верили, что будет и дом, и семья, и машина с работой. Будет всё как у нормальных людей. А видишь, как?.. Кто-то спился, кто-то сидит, а кто-то по глупости накинул петлю на шею. Другие начальниками стали, при галстукке ходят. А ведь тридцать лет тому назад все мы за одной партой ютились. И эти и те. Одни игры были, одни мечты... Умеет жизнь выкинуть шутку. Суровую. Умеет, стерва.

Василий задумывался. Часто размышлял он о том, что в трезвую голову никаким ветром не задуешь. Парадокс, да и только. Сам удивлялся. И всё же не переставал думать думу. Люди всегда делились на хороших и плохих, на сильных и слабых, на глупых и умных... Гораздо обиднее другое – когда умные становятся дураками, сильные характером люди опускают руки, а хорошие превращаются в ничтожество. Вот что больно. Тетюрин становился мрачен и подолгу молчал. Молча смотрел он на каждого, кто был сейчас с ним рядом, на грязные в синяках и царапинах пьяные лица и опускал голову. Не желал говорить вслух то, что приходило сейчас на ум. Те же, в свою очередь, по Васиному виду понимали приближающийся конец веселья и халявы. Так было всегда. За неделю перед отпуском Тетюрин ходил хмур, почти не разговаривал. Ждал и готовился к празднику. И за пару дней, как прекратить пир, тоже всё больше молчал и хмурился.

– Может, напоследок посидим завтра, а? – спрашивал Аркаша. – Я ещё поиграю.

Василий молчал.

Домой приходил затемно. Присаживался на скамью и подолгу курил, любясь вечерним небом. Сколько же на небе звёзд? Удивительно много. Каждая эта сияющая крохотулька на самом деле может быть больше нашей планеты. Вот где, действительно, хранится тайна за семью замками. И, наверное, на каком-нибудь из этих мигающих огоньков есть жизнь. Есть. Безусловно. Может быть, где-нибудь далеко-далеко сидит сейчас такой же вот, как и Василий, чудик и рассуждает о жизни, любясь нашей Землёй. Может. Почему бы и нет. Тетюрин вздыхал, делал большую затяжку и тушил каблуком окурки.

– Как же всё-таки мал и беспомощен человек, – тихо ронял он.

Выходила жена, присаживалась рядом. Молчали. Вот в такую же тёплую ночь, когда-то, совсем, казалось бы, не так давно, любили гулять они с ней до самой зари. Много разговаривали. Это Вася помнил хорошо. Слова лились сами собой. Может и несерьёзные, и по большей части даже и ни о чём, но слов было немало, и было весело. Молодость-молодость, тем и прекрасна ты, что, как маленький расточек, тянешься к небу и умеешь радоваться жизни. В мелочах находить приятное. Трудно в двадцать лет представить себе, что

когда-нибудь жизнь будет однообразной и скучной. И даже перестанешь мечтать.

Василий потирал лицо и брал в свою огромную ладонь крохотную ладошку жены. Как же хорошо, что рядом есть человек, который тебя любит и переживает за тебя. Человек не должен быть один. Каждому, каким бы сильным и могучим он ни был, нужен тот, кто в трудную минуту приласкает и утешит. Это главное. Знать, что тебя любят и ждут. Пожалуй, в этом и заключается смысл жизни – уметь любить и в любой ситуации оставаться человеком.

Маруся, прислонившись к широкому плечу мужа, тихонько вздыхала:

– Пошли спать.

Тетюрин кивал, с трудом приподнимался и просил приготовить ему завтра крошки. Женщина обнимала его, целовала в щетинистую щеку и вела в избу. Пьяные деньки позади. Теперь оставалось только отлежаться, набраться сил и идти работать.

75 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

К 75-летней годовщине Победы СССР в Великой Отечественной войне

«Вся тысячелетняя история России, – отмечал Ф.М. Достоевский, – свидетельствует об изумляющей деятельности русских, сознательно созидających своё государство, отбивая его всю тысячу лет от жестоких врагов».

Наши предки сражались, трудились, терпели муки, но с неотвратимой силой стихии осваивали почти безлюдные территории, создавая государство.

Характер народа во многом создаётся его историей, природными условиями. В России всегда, с самого начала существования государственности, плотность населения была в разы меньше, чем в Западной Европе, и это породило принципиально иное отношение к человеческой жизни, совершенно иную этику. Суровый климат, обширные территории и бесконечная череда завоевателей выковывали у русских огромную силу воли и упорство в достижении побед.

Широта русской души и широта территории это взаимосвязано, словами не передать, это нужно прочувствовать.

Нашему народу присущи: уникальная жизнестойкость, умение к созиданию даже в самых невыносимых обстоятельствах. Наш народ – труженик, народ – воин.

У России поистине героическая военная история. Ни одна армия мира не воевала так успешно. В единении перед общей бедой русским нет равных, что доказали все войны, которые пережил наш народ.

Каждый народ смотрит в своё будущее через призму прошлого, творит в настоящем на основе духовной культуры, которая идёт от Предков. Если народ не имеет своего прошлого, такой народ перестает существовать.

На Западе нас не понимали и не понимают. Чтобы понять русского надо просто быть... русским. Почему мы побеждаем? Этот вопрос интересует

Евгений ТРЕЩЕВ

Евгений Иванович Трещев – родился 2 марта 1948 г. в г. Щёкино Тульской области. Образование высшее. Технический директор ООО «ЩёкинСтройПроект». Член Союза писателей России. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Почётный работник общего образования Российской Федерации. Почётный учитель. Почётный работник газовой промышленности РФ. Ветеран газификации Тульской области. Ветеран труда. Почётный гражданин Чернского района Тульской области. Автор 27 книг.

Живёт в Щёкине.

наших «заклятых друзей». Но такое качество в нас заложено нашими предками. На уровне подсознания. На генном, если угодно, уровне. Не сдаваться!

Есть такое простое понятие, как национальная гордость. После развала СССР в средствах массовой информации делается многое, уничтожающее национальную гордость государствообразующей нации – русских. Победы русского народа, в том числе в Великой Отечественной войне, замалчиваются или втаптываются в грязь.

Запад поставил перед собой задачу разрушить представление русских о своём государстве, о своей истории, о своих лидерах, о своём историческом пути. Запад – это цивилизация обмана. Немудрено, что все их средства массовой информации постоянно обо всём врут.

Наши недоброжелатели направляют информационные удары на базовые ценности, превращая их в пыль, опираясь на «пятую колонну», испытывающую враждебность к своему государству и народу.

Либералы в России кончились. Остались какие-то клоуны, омерзительные, злобные и лицемерные. Они совершенно не стесняются врать! Никакая государственная пропаганда не сработает против них лучше, чем их собственные слова и дела.

Запад всегда воспринимал Россию и русских как врагов. Они судят о нашем государстве, постигая его сквозь шоры ненависти, умноженной невежеством.

Возникает вопрос: Как же мы, «ударенные пыльным мешком», лентяи и пьяницы умудрились завладеть такой огромной территорией и продолжаем удерживать её?

Как мы – «слабые, неумелые, безразличные» смогли дать по рукам всем этим завоевателям: немцам, шведам, полякам, французам, японцам и т.д.?

Кто обжил эту землю, построил города, создал замечательные произведения литературы и искусства? Кто создал передовую науку и запустил первый космический спутник? Разве не мы и наши предки?

«Немытая, забитая и необразованная» Россия дала миру Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского, Гоголя, Шолохова, Тургенева, Чайковского, Мусоргского, Репина, Шишкина, Менделеева, Циолковского, Королёва, Гагарина и многих других.

Рабы не строят сверхдержаву, не создают передовую литературу, индустрию, научные школы мирового уровня.

Надо забыть детские иллюзии про «свободный западный мир». На самом деле если кто и свободен, то это мы!

Россия – целый мир. И осознание этого факта определяет величие нашей страны на протяжении веков.

Великий русский поэт и дипломат Ф.И. Тютчев писал: «Против всех нападков, всех враждебных действий в нашем распоряжении есть лишь одно оружие, но оружие грозное: это наша история». Русским есть чем гордиться.

И как прав автор этих строчек: «Патриотизм не продают в нагрузку к беретам, сапогам или пальто. И коль Вам стыдно называться русским, Вы, батенька, не русский. Вы – никто!» (К. Фролов-Крымский. «Мы русские»). Сказал метко и правильно.

Настоящий русский – изначально рождён воином, защита государства от врага – его неотъемлемое, наработанное бесконечными поколениями героических предков правило, и если вынудить его – то жестокая битва привычно и естественно станет его стихией.

Когда он встаёт на защиту Родины, его волю уже не сломить, а решимость не разрушить.

«Быть русским – значит, воином быть в поле. Пусть даже в этом поле ты один» (Евгений Скворешнев).

Немцы и японцы это знают. Французы, шведы, поляки, турки, иранцы помнят. А кто забыл – можем напомнить!

Это заложено в нашем генетическом коде и берёт начало с тех времен, когда нога первого агрессора ступила на нашу Русскую землю. Так было всегда. Во все времена.

Изменились только кольчуги, шлемы, а копья сменились автоматами. Но код остался прежним. И он срабатывает в нас всегда, когда наш дом собираются уничтожить или захватить.

Русский человек живёт справедливостью. Пока жива в его сердце справедливость, Русский поднимется из мрака и грязи. И враги ничего с этим поделат не смогут. Потому что сами русские ничего не могут с этим поделат уже не одну тысячу лет. Такие уж мы есть. Пытаться переделат – бесполезно!

Канцлер Германской империи Отто фон Бисмарк говорил: «Не надейтесь, что единожды воспользовавшись слабостью России, вы будете получать дивиденды вечно. Русские всегда приходят за своими деньгами. И когда они придут – не надейтесь на подписанные вами иезуитские соглашения, якобы вас оправдывающие. Они не стоят бумаги, на которой написаны. Поэтому с русскими стоит или играть честно, или вообще не играть... Заключайте союзы с кем угодно, развязывайте любые войны, но никогда не трогайте русских». Адольф Гитлер не внял его совету – напал на СССР и был разгромлен!

Мировая история не знает более масштабного, кровопролитного и разрушительного противоборства, чем борьба нашего народа с фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны (1941–1945).

Первые месяцы Великой Отечественной войны сложились для нашей страны трагически. Мы вынуждены были отступать, оставляя врагу огромные территории и миллионы мирных жителей.

Согласно плану Барбаросса, немецкое командование собиралось разгромить СССР за шесть недель, уничтожив при этом основные силы Красной Армии вблизи границ.

Но наши предки в 1941 году не были мальчишками для битвы и нанесли немцам огромный урон в живой силе и технике.

Неся тяжёлые потери в личном составе и технике, наши воинские подразделения с трудом сдерживали подвижные отряды противника, стремящиеся обойти фланги и прорваться в тыл нашей армии.

Шоссе и просёлки, по которым приходилось отступать войскам, были забиты повозками и тележками с домашним скарбом, а по обочинам и прямо по полям плелись с котомками за спиной люди. Их бомбили и обстреливали с самолётов, но как только самолёты улетали, они опять стекались к дорогам и продолжали движение.

Успех немецких войск и неудачи нашей армии в первые месяцы войны сблизили всех советских людей. Стало ясно: с победой Германии рухнет не просто советская власть, а будет уничтожена Россия.

С окончания Великой Отечественной войны прошло уже 75 лет, а подвиг наших солдат, сорвавших гитлеровский план «Молниеносной войны», по моему мнению, освещён не полностью и недооценен. Ведь, несмотря на ряд

крупных поражений, особенно в начале войны, наши ребята в основной своей массе сражались героически.

Архивные документы сегодня говорят, что личный состав многих пограничных застав не бежал, а, отражая превосходящие силы врага, полностью погибал, удерживая свои рубежи от нескольких часов до нескольких суток.

Всего на западной границе 22 июня в бой с немцами вступил личный состав 485 пограничных застав, и никто не оставил свои позиции. Из 19,6 тыс. пограничников погибло в первый же день 16 тысяч человек.

Война не была для немцев «лёгкой прогулкой». Начальник Генштаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер отмечал: «В Польше и на Западе мы могли позволить себе отдельные вольности и отступления от основных принципов, что теперь недопустимо».

Русские сражались отчаянно, что значительно ослабляло немецкую армию, снизило скорость её продвижения и силу последующих ударов.

В годы войны 11739 человек были удостоены звания Героя Советского Союза (из них посмертно – 3051) и 2672 человека стали полными кавалерами ордена Славы.

Такого сопротивления и такой силы духа у наших людей гитлеровцы не ожидали, поэтому в конечном итоге потерпели поражение.

На Нюрнбергском процессе Герман Геринг признался, что немецкие фашисты «проиграли войну, потому что не знали русских».

«Дух русского солдата, – писал Л.Н. Толстой в “Рубке леса”, – не основан так, как храбрость южных народов, на скоро воспламеняемом и остывающем энтузиазме... Для него не нужны эффекты, речи, воинственные крики, песни, барабаны; для него нужны, напротив, спокойствие, порядок и отсутствие всего натянутого. В русском, настоящем русском солдате никогда не заметите хвастовства, ухарства, желания отуманиться, разгорячиться во время опасности, напротив, скромность, простота и способность видеть в опасности совсем другое, чем опасность, составляют отличительные черты его характера».

Западные историографы привыкли объяснять любую победу России какой-нибудь случайностью (мороз, дождь, жара, насморк и т.п.).

Однако при изучении русской истории таких «случайностей и непонятных событий» выявляется огромное количество. Для России нужно или разрабатывать «специальную теорию невероятностей», или признать, что дело обстоит совсем по-другому.

Есть что-то, позволяющее России выходить победительницей из крайне тяжёлых положений.

Ответ очевиден: всякий раз, когда неприятельская армия вторгалась в пределы России, война неизбежно перерастала в народную.

Великая Отечественная война показала, какая поистине безграничная сила таится в народных массах, если они ведут священную борьбу за своё Отечество.

В 1941 году в нашей стране произошёл резкий спад военного производства. Потери боевой техники и оружия были огромны. Значительные территории были оккупированы фашистами. Над страной нависла угроза порабощения.

Ушедших в армию мужчин призывного возраста на производстве заменили старики, женщины и подростки.

Главным и определяющим всю работу в тылу был лозунг: «Всё для фронта, всё для Победы!» Люди работали по 12-15 часов в смену на голодном пайке. Но даже в этих тяжелейших условиях многие старались перевыполнить норму выработки.

Война стала жестоким испытанием для всего нашего народа. И наши предки в тылу, как и на войне, выдержали это испытание с честью.

Поразительная стойкость, проявленная народом в те тяжёлые годы, позволила стране выстоять в войне и победить.

Бессмертные подвиги героев этой ужасной войны золотыми буквами вписаны в историю России.

Преклоняясь перед мужеством и массовым героизмом наших воинов, маршал Советского Союза К. Рокоссовский писал: «Героями становились миллионы. Солдаты стояли насмерть на последних рубежах, грудью бросались на амбразуры вражеских дотов, лётчики и танкисты не задумываясь шли на таран... Слава вам, чудесные Советские люди! Я счастлив, что был вместе с вами в эти годы».

Срыв гитлеровских планов стал возможен только потому, что героев, не щадящих своих жизней, было много, и вклад каждого бойца в общее дело был той самой каплей, наполнившей чашу Победы, в результате чего блицкриг немцев был сорван.

Необходимо сохранить правду о войне. Такое забывать нельзя!

Вечная память нашим землякам, отдавшим жизни в боях за свободу Родины! Для нас эти воины не мёртвые. Они бессмертные.

Герои в России были во все времена. Они есть и сегодня. И это самый верный залог несокрушимости нашего государства!

Со Дня Победы прошло 75 лет. За это время сменилось несколько поколений, не знающих ужасов войны.

И уже в наши дни «Коля из Нового Уренгоя», выступая в германском бундестаге, выразил сочувствие немецким грабителям, попавшим в Сталинградский котёл. А о злодеяниях этих «страдальцев» на нашей земле он забыл? Забыл, как они убивали, мучили и терзали женщин, детей и стариков? Забыл о миллионах жертв среди солдат и мирного населения от руки этих хищников? Понятно, конечно, что за спиной этого «ребёнка» стоят «большие друзья нашей страны». Но почему мы – граждане России должны терпеть их измышления? Не пора ли привлекать таких организаторов провокаций к ответственности?

Трудно ли после этого понять возмущение, с которым отнеслись к подобному поступку огромное большинство наших сограждан. Мы ничего не забыли. Мы помним!

Эта война – незаживающая рана в памяти нашего народа, она зацепила практически каждую семью и род. Мы, рождённые после этой войны, получили от своих родителей геном Победителей.

И от этого не уйдёшь. Наша природа не позволит.

Почему-то Россия, по мнению наших «иностранных друзей» и местных либералов, должна стесняться своей истории и посыпать голову пеплом. И перед кем? Перед Европой, которая на протяжении столетий вела захватнические войны, уничтожала целые народы в Америке, Африке и Азии, сжигала людей на кострах, вешала, расстреливала и вырезала, продавала людей в рабство. Нужно вспомнить историю, и все события сами встанут на свои места.